

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2024 – 1

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН);
Т.Б. Уварова – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН);
О.Л. Александри – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *Р. Алонци* – PhD, (профессор РУДН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ);
А.А. Анисимова – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН);
А.В. Апанасенок – д-р ист. наук, (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов* – д-р ист. наук (ИРИ РАН);
Д.М. Бондаренко – чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН);
Ф.А. Гайда – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-корр. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН);
А.Е. Медовичев – ведущ. редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН)

DOI: 10.31249/rhist/2024.01.00

ISSN 2219-875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» = Information and analytical journal «Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History». Включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Входит в базы цитирования: РИНЦ, Google Scholar, East Europe & Central Europe Database компании ProQuest, Ulrichs Periodicals Directory, базы данных Российской государственной библиотеки, Russian Academy of Sciences Bibliographies, библиографические базы данных ИНИОН РАН. Полнотекстовая версия журнала с 2016 г. размещается в базах данных серии Ultimates компании EBSCO Publishing на платформе EBSCOhost.

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Белов А.В. Русский город второй половины XVIII – начала XIX в.: пути, особенности и парадоксы научного изучения	7
Емельянова Е.Н. Политическое взаимодействие СССР и Китая в 20–30-х годах XX в.	35
<i>Реф. кн.</i> : Накати М. Заменить погибших: демографическая политика послевоенного Советского Союза	57

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Эман И.Е. Итало-американские отношения в 1920-х – начале 1930-х годов в свете современных исследований	65
Бабенко О.В. Современная российская историография об истоках украинского национализма (2013–2023)	81
Любин В.П. Ученые России и немецкоязычных стран о полемологии и стратегической культуре (Реферативный обзор)	99

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Петрухина Д.В. Национальные символы Республики Беларусь: культурное единство и исторический выбор	109
---	-----

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

Богомолов И.К. Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г.	122
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Минц М.М. <i>Рец. на книгу</i> : Переосмысление Сталина и сталинизма: трудности, противоречия и споры	144
---	-----

Бабенко О.В. <i>Рец. на книгу:</i> Иванов А.Е. Университеты и власть в Российской империи. Начало XX в.	153
Любин В.П. <i>Рец. на книгу:</i> Пынина Т.Ю. Венгерская пресса в политическую эпоху Яноша Кадара	160

ЖИЗНЬ НАУКИ

Уварова Т.Б. XV Конгресс антропологов и этнологов России (Санкт-Петербург, 26–30 июня 2023 г.): к 300-летию Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета	168
Уварова Т.Б. Ежегодная XVI Международная научная конференция «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 5–8 октября 2023 г.)	178

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Belov A.V. Russian city of the second half of the XVIII – early XIX century: ways, features and paradoxes of scientific study	7
Emelianova E.N. Political interaction between the USSR and China in the 20 s and 30 s of the 20 th century	35
<i>Ref. ad op.</i> : Nakachi M. Replacing the dead: the politics of reproduction in the postwar Soviet Union	57

GENERAL HISTORY

Eman I.E. Italian-American relations in the 20-s – the first part of the 30-s years of XX. The modern research.....	65
Babenko O.V. Modern russian historiography about the origins of ukrainian nationalism (2013–2023)	81
Ljubin V.P. Scientists of Russia and german-speaking countries on polemology and strategic culture. (Abstract review)	99

HISTORICAL ANTROPOLOGY

Petrukhina D.V. National Symbols of the Republic of Belarus: Cultural Unity and Historical Choice.....	109
--	-----

PUBLICATION OF DOCUMENTS

Bogomolov I.K. Rules for Military Control of Postal Correspondence in Revolutionary Russia (1917)	122
---	-----

REVIEWS

Mintz M.M. <i>Rev. ad op.</i> : Revisioning Stalin and stalinism: complexities, contradictions and controversies	144
--	-----

Babenko O.V. <i>Rev. ad op.</i> : Ivanov A.E. Universities and power in the Russian Empire. The beginning of the XXth century	153
Lubin V.P. <i>Rev. ad op.</i> : Pynina T.Yu. Hungarian press in the political era of János Kádár	160

SCIENTIFIC LIFE

Uvarova T.B. XV Congress of anthropologists and ethnologists of Russia (St. Petersburg, 26–30 June 2023): К 300-летию Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета	168
Uvarova T.B. Annual XVI international scientific conference «Family, woman, everyday life in historical-anthropological perspective» (Kostroma, 5–8 October 2023)	178

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.2; 908; 94(47).066–072 DOI: 10.31249/hist/2024.01.01

БЕЛОВ А.В.* РУССКИЙ ГОРОД ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – НАЧАЛА XIX в.: ПУТИ, ОСОБЕННОСТИ И ПАРАДОКСЫ НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Исторический город как порождение своей эпохи, в том числе изучение особенностей его характера и типология основных функциональных форм, так и не стали ведущей темой в исторической науке. Внимание исследователей традиционно было обращено не столько на сам город, сколько на масштабные общегородские процессы, которые удобно было рассматривать на городском материале. В данном исследовании систематизированы и проанализированы причины такого, во многом парадоксального положения вещей. В статье выявлены наиболее разработанные темы и проблемы, рассматриваемые в рамках изучения русского дореформенного города, а также относящиеся к периоду проведения реформы города Екатериной II. В заключение дана оценка современного состояния исторической урбанистики и возможных направлений ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: исторический город; историческая урбанистика; реформа города Екатерины II; дореформенный русский город; городская история.

BELOV A.V. Russian city of the second half of the XVIII – early XIX century: ways, features and paradoxes of scientific study.

* © Белов Алексей Викторович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН; доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета при правительстве РФ; belovavhist@mail.ru

Abstract. The historical city as a generation of its epoch, including the study of its characteristic features and typology of the main functional forms, has never become a leading topic in historical science. Traditionally, the attention of researchers has traditionally been drawn not so much to the city itself, but rather to large-scale general historical processes, which were convenient to consider on urban material. This study systematises and analyses the reasons for this largely paradoxical state of affairs. The article identifies the most developed themes and problems considered within the framework of the study of the Russian pre-reform city, as well as those related to the period of the city reform by Catherine II. In conclusion, an assessment of the current state of historical urbanistics and possible directions of its further development is given.

Keywords: historical city; historical urbanism; reform of the city of Catherine II; pre-reform Russian city; city history.

Для цитирования: Белов А.В. Русский город второй половины XVIII – начала XIX в.: пути, особенности и парадоксы научного изучения (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 7–34. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.01

Русский город второй половины XVIII – начала XIX в. не пользуется особо пристальным вниманием со стороны исследователей. Подавляющая масса историков, как правило, описывает его, рассматривая (выражаясь языком методологической науки) в первую очередь только как объект изучения. Иными словами, анализирует не столько характер города как явления своего исторического времени и результат его влияния, сколько место города на карте, событийную канву существования, протекавшие в рамках поселения масштабные процессы, которые традиционно более востребованы. В результате такого отношения город и городская история очень часто воспринимаются только как источник богатого материала для оценки фундаментальных исторических процессов: освободительное движение и социальная активность, формы и степени развития капиталистического уклада, сословный строй и его эволюция, функционирования органов управления и деятельность наиболее ярких его представителей, и т.д. При всей значимости данных тем, они не имеют своей задачей ответить на вопрос

о чертах, качествах, элементах, структуре и характере самого русского города рубежа XVIII – XIX вв. как порождения конкретной исторической эпохи. За скобками остается проведенное в ходе реформ Екатерины II кардинальное преобразование самого города, осуществлявшееся в единой канве с процессами более изученными – губернской реформой и реформой сословного общества.

Невнимание к городу как явлению своего времени – это неизбежный результат ряда причин¹, в том числе – существующей на протяжении почти двух веков историографической традиции, восходящей к «юридической школе» с ее великими именами. В результате сложилась ситуация, абсолютно точно и емко выраженная Е.В. Акельевым, специально и успешно занимающимся данной проблемой: дореформенные десятилетия истории русского города (даже в традиционно давно разрабатываемой сфере управления) оказались «белым пятном» [3, с. 3].

Работ, посвященных анализу характера русского дореформенного города рубежа XVIII–XIX вв., а также формированию и исполнению им своих функций, немного. И это несмотря на то, что тема особенностей развития города периода Нового времени была поднята еще в дореволюционный период. Причем к ее разработке имели отношения крупнейшие представители национальной исторической науки, в той или иной степени стоявшие на принципах историко-юридической (государственной) школы: И.И. Дитятин, А.А. Кизеветтер, Ю.В. Готье и др. [126, с. 40; 48, с. 141–159; 140].

Однако данные исследователи опирались преимущественно на законодательные источники, а предметом их внимания выступали в основном официальные учреждения управления и самоуправления, а также социальный состав и права жителей. Показательно, что совсем не последнее место при изучении города занимал вопрос о развитии освободительного движения в России² – весьма далекий от задач выявления характера города как поселения.

¹ Преувеличение значения капиталистического уклада для России конца XVIII в. и особое внимание к степени его укоренения; масштабность исследования отечественной исторической науки, делающей ставку на социально-экономическую историю, предусматривающую рассмотрение крупномасштабных процессов и др.

² По иронии истории к этой же школе можно отнести и императрицу Екатерину II. Она вездвливо пыталась разобраться в том клубке сословной, экономи-

Русский дореформенный город оценивался исследователями исключительно в качестве материала для критики существующей действительности (грязь, дикость, неразвитость). Причина подобного отношения заключалась в убежденности историков в том, что город может развиваться только «самой общественной жизнью, самим общественным населением» [39, с. 375; 26, с. 48]. Деятельность «правительства» в таком направлении считалась почти противоестественной, а города, которые возникали и улучшались таким путем – искусственными. Об их учредителях И.И. Дитятин с ехидной иронией писал: «какой-нибудь генерал-майор» [39, с. 375–376]. Данное утверждение вполне могло относиться, например, к генерал-губернатору А.П. Мельгунову, до 1761 г. носившему чин как раз генерал-майора. Будучи создателем городской сети Ярославской губернии, он (судя по материалам архива) зарекомендовал себя в качестве руководителя-бессребреника, талантливый и далеко небезразличного к нуждам своего края управленца.

Таким образом, без попытки исследовать сам процесс функционирования города (механизмы, условия, проекты, реализация и т.д.), город как таковой выпадал из поля зрения исследователей конца XIX – начала XX в. Впрочем, они это признавали сами. В 1909 г. Ю.В. Готье, оценивая вклад своих коллег, утверждал, что «реальная жизнь города» дореформенного и пореформенного времени по-прежнему остается неизученной. «Что же мы имеем по истории этого периода, – писал историк далее, – несколько очень ценных страниц у Дитятина, который пользовался исключительно законодательными актами и материалами Уложенной комиссии и более ничего. Реальная жизнь города за это время остается неисследованной» [63, с. 216].

Впрочем, и эти «несколько очень ценных страниц» сводились в основном к одному вопросу – степени благоустройства и ужасу неустроенности. Так, Дитятин полностью отказывал реформам Екатерины II в создании в городах инфраструктуры: «не осталось ничего, кроме уродливых присутственных мест» [38, с. 19]. При этом остается непонятным, почему исследователь считал их

ческой, культурной и прочей принадлежности жителей городов, которые ей достались, чтобы навести в этом вопросе хотя бы какой-то порядок и создать условия для развития.

уродливыми? Сегодня многое из созданного в то время является главным (а порой и единственным) объектом в перечне местных достопримечательностей, предметом гордости и образцом художественного вкуса. Памятники возникали в рамках продуманной градостроительной программы [120, с. 3], проектировались профессиональными архитекторами и утверждались только с «высочайшей конфирмацией». Неудивительно, что они по-прежнему определяют историческое лицо и градостроительный облик исторических центров многих городов страны.

Попытки выйти за пределы традиции «юридической школы» пытался осуществить Н.Д. Чечулин. Недавно сотрудники Российской национальной библиотеки обнаружили и опубликовали почти полную копию его рукописи «Россия в XVIII веке», ранее считавшейся утерянной [138]. Однако, стремясь отойти от оценки законодательства и рассмотреть среду существования самого города, автор в значительной степени занимался сбором и описанием его повседневной жизни. Традиционные оценки «юридической школы» не пресеклись и в начале XX в., продолжив свое развитие и в наше время (С.Д. Домников [42] и др.). Определенный интерес представляют работы, дающие оценку в целом исследуемому периоду, а также разным его аспектам [47; 72 и др.]. Однако в целом дореволюционные исследователи, рассматривающие эпоху Екатерины II, были далеки не только от городской тематики, но даже и от итогов административных реформ [73, с. 23–25].

Советская историографическая школа сосредоточивалась в основном на вопросах социально-экономических явлений, национально-освободительной борьбы, а также близких им проблемах [73, с. 25; 104, с. 6;]. Прямым результатом данной тенденции стало введение в научный оборот понятия «городская реформа» Екатерины II только лишь в значении упорядочивания структуры посадского населения, системы его самоуправления и хозяйственной жизни. Такая трактовка была закреплена, в частности, очерком Б.Б. Кафенгауза «Город и городская реформа 1785 г.» [62, с. 151–165]. Она и поныне главенствует при понимании целей преобразования города Екатериной II, особенно в работах сугубо компилятивного содержания [89, с. 83–91]. Хотя сама задача реформы города, предпринятая императрицей, была значительно шире.

Впрочем, в рамках советской историографии был сделан большой, принципиальный вклад и в изучение города как явления своего времени, подняты и изучены источники [73, с. 25]. В частности осуществлен подробный анализ характера русского европейского города второй половины XVIII в., показано развитие городов как результат реформ Екатерины II, оценен процесс формирования функций и механизмов их «работы». Эти темы нашли свое отражение в первую очередь в трудах Ю.Р. Клокмана [65; 54; 55] и П.Г. Рындзюнского [111; 112; 113], которые создали фундаментальные исследования, до сего дня не утратившие своего значения. Так, Рындзюнский большое внимание уделил не формальной стороне дела, а, в частности, эволюции и качеству социального состава городских жителей. При этом Павел Григорьевич стремился дать ответ на сложный вопрос о функционировании русского города периода Нового времени и его характере. В свою очередь, Клокман в своем исследовании 1967 г. [65], без преувеличения, совершил научный подвиг – осмыслил и описал большую часть городской сети огромной империи в процессе ее формирования в ходе административной реформы Екатерины II. Историк попытался охватить обе стороны функционирования города – и административную, и экономическую. В то же время Клокман придал работе неизбежную при таком размахе ориентацию на самые крупные процессы, сделав общие для всего пространства выводы; отказался от рассмотрения регионального своеобразия; ушел от конкретного вопроса о характере и природе городов. Фактически города определялись им (где это оказалось возможным исходя из освоенных источников) только по наличию рынков и коронной администрации. Не затронул Клокман и вопроса функциональной типологии и многообразия городских поселений.

Принципиальную роль в истории изучения русского города сыграла установившаяся в советской историографии традиция приоритетного рассмотрения социально-экономической проблематики. Сложность работы с заявленной темой привела к тому, что более чем за полвека появилось не так много комплексных работ, посвященных дореформенному городу. Кроме того реформа города как части административной реформы так и не стала темой специального исследования. Часто данный аспект оставался пропущенным даже в трудах крупных специалистов [8, с. 150–174; 61,

с. 88–92] и др. или освещался в традициях дореволюционной историографии как тема социальной реформы и создания «третьего рода» людей [7, с. 323–329, 335]. Однако была проделана большая работа по целому ряду направлений городской истории или связанных с ней тем.

Мощная школа городоведения была сформирована учеными Сибири [6; 34; 99; 89; 118; 119; 143 и др.]. При этом исследователи, естественно, сконцентрировались на своем региональном материале. К ярким представителям этой школы, к тому же осмелившимся взяться за изучение европейского русского города, можно отнести А.И. Куприянова¹. Историк-урбанист нашел удачный подход в рассмотрении города, взяв за основу культуру городского управления. Кроме того он провел исследование на межрегиональном подходе, привлекая принципиально несхожие административные единицы. Это позволило создать объемное видение процесса [76; 77; 79]. Тема русского города Нового времени, анализ тенденций его развития получила продолжение в трудах Б.Н. Миронова [87].

Общие итоги изучения дореформенного города хорошо отражают коллективные научные труды, посвященные истории краев и городов. Наибольший интерес для нашей темы представляют три работы: «Московская область: История. Экономика. Культура» [91] и «Подмосковье из века в век» под редакцией В.Н. Захарова и Н.С. Ватника [98]; «История Москвы с древнейших времен до наших дней» под редакцией А.Н. Сахарова [56]. В первых двух речь идет о Московской области – наследнице одноименной губернии. Выступая частью ядра Центральной России, оба территориальных объекта наиболее исследованы. В обоих случаях (в соответствии с утвердившимся за десятилетия подходом) наиболее полно оказались разработаны вопросы экономической истории, социальной структуры, тема социального недовольства и различные аспекты культуры. В то же время, при характеристике структуры и системы образования в Москве (важнейшей функции города) был подробно описан Московский университет, но не затронуты вопросы создания и развития системы среднего образования – город-

¹ Но не лишним будет заметить, что и этот исследователь вышел из мощной городоведческой школы Сибири.

ских школ. Аспекты выполнения городом своих функций (полицейской, медицинской, транспортной т.д.) в очерках отсутствуют или только обозначены, что, в общем-то, неизбежно в исследованиях подобного энциклопедического типа, так как освещены вопросы, которые традиционно изучались в устоявшихся традициях отечественной исторической науки. При этом тема русского дореформенного города не входила в число приоритетных.

В настоящее время изучение функций города, а также порожденных ими структур присутствует в тематических исследованиях, затрагивающих города, хотя и не имеют их в качестве основной темы. В связи с этим большой интерес представляют исследования Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой [46] (социальная история), Б.Н. Миронова [87 и др.] (социальная и социально-экономическая история); Э.Г. Истоминой [49; 50; 51; 52; 53] (административная реформа и города, транспортные пути как факторы развития города); Н.В. Козлова [70] (социальные службы города); Л.Ф. Писарьковой [94; 95; 96 и др.] (система управления, аппарат чиновников, административные реформы). Характеру и характеристике городов, типам городских поселений и их оценке посвящены исследования В.А. Кучкина [80, с. 73–84], Л.А. Велихова [20], Я.Е. Водарского [21; 22 и др.] [102; 87; 116; 117; 45]. Исследуется деятельность крупных администраторов [5; 11; 24 и др.], градостроительство и процесс создание регулярного города [123; 64; 43; 120], инженерные сооружения [92 и др.], город и городская сеть как объекты экономической географии [81; 82], пенитенциарная система [26; 2; 3; 25; 44 и др.]. Городу, городским поселениям, городской сети Московской губернии посвящена особая коллективная монография [31] и другие исследования [114; 137; 96а; 102]. Особое внимание было обращено на различные проблемы культуры и общественной жизни городов, что нашло свое выражение в трудах В.М. Боковой [16], И.С. Розенталя [105] и др. [97; 122; 124; 135]. О городе как ретрансляторе культуры писали Н.П. Анциферов [9; 141], И.М. Гревс [36; 141] и их последователи. Эволюция внутренней структуры Москвы, а также ее отражение в современном пространстве была рассмотрена П.В. Сытиным [123], К.А. Аверьяновым [1] и др. Проблема регионального деления страны, тесно связанная с городской сетью, стала предметом науч-

ного интереса Э.Г. Истоминой [53], Д.О. Чуракова [139], Г.М. Лаппо [81] и других ученых.

Особое место занимает ряд работ, выполненных по более узкой тематике, но раскрывающих важные аспекты развития города, а также дающих представление о его структуре и особенностях развития [1; 85; 105; 108; 109 и др.].

Несмотря на значительное число работ, тема исполнения городом приданных ему в ходе реформы функций (и сам процесс реформы) не была вполне раскрыта. Дело не только в эпизодичности исследований. Даже в работах, заслуженно считающихся классическими, есть масса пробелов. Возьмем, например, П.В. Сытина, автора выдающегося труда по истории Москвы. Создавая это масштабное сочинение, исследователь был вынужден пользоваться относительно узким кругом источников, преимущественно обзорного содержания. В итоге привлекаемые им материалы были не всегда полными. Например, при характеристике книжной торговли во второй половине XVIII в., Сынтин писал, что в Москве функционировали всего «три книжные лавки» и «две российских и одна иностранная книгопечатня» [123, с. 199]. В действительности размах торговли книгами был куда значительнее.

Свое место в историографии русского города занимают публикации краеведов. Ю.Р. Клокман характеризовал их как работы, которым присуще исключительно обзорное изложение событий: «Они отнюдь не претендуют на полноту исследования и лишь знакомят читателей с основными событиями истории того или иного города со времени возникновения до наших дней, при этом сведения, касающиеся середины XVIII в., носят самый общий характер» [66, с. 26]. В определенной степени данное утверждение сохраняет свою актуальность. Примером этого может служить, в частности, путеводитель по Ярославлю, изданный в 1980 г. Показательно, что при описании третьего по величине и значению города страны того времени, периоду второй половины XVII в. посвящено всего три предложения [68, с. 12]. Впрочем, это не столько вина составителей, сколько результат общего развития региональной проблематики, что являлось характерной чертой отечественной исторической науки того времени [31; 142 и др.].

При этом необходимо отметить, что за прошедшие треть века с момента выхода книги Клокмана ситуация в историческом

городоведении заметно изменилась. Региональная история получила широкое развитие как значимое научное направление. В нее пришли крупные специалисты, создавшие исследования, к которым можно предъявить самый высокий уровень требований. Особое место среди них занимают работы, составители которых много сделали для выявления источников [60; 100; 96а и др.]. Кроме того, ограничение круга интересов специалистов историко-региональной проблематики позволили им получить результат, который не могли предоставить более масштабные исследования.

Развитие получила, в том числе, история губерний и областей Центральной России [54; 45; 58; 88; 96а и др.]. Ряд работ этой группы увидели свет в форме учебных пособий, что ни в малейшей мере не уменьшает их научного значения. Написанные на основе архивных источников и научного анализа, они создавались сотрудниками ведущих региональных высших учебных заведений, что и определило вид издания. В качестве примера можно привести коллективную монографию по истории Владимира, изданную под редакцией И.И. Шулус. Авторский коллектив не только поднял и освоил значительный, не использованный ранее источниковый материал, но и отошел от привычной схемы изложения истории города, поднимая новые темы и расширяв проблематику. Это позволило увидеть картину и в большей полноте, и в большей глубине. Сюда же можно отнести сборники очерков по истории Московской губернии [23; 98]; исследования прошлого Ярославля и других городов исторического центра России [59; 60 и др.].

Такая тенденция наблюдалась и ранее, но, в основном, при изучении истории столичных городов, и относилась, преимущественно, к более позднему времени. Так, период второй половины XIX–XX вв. всегда выступал особой темой, из-за своего исключительного значения в истории страны [57; 123; 129]. Особое внимание уделялось истории и памятникам древнейших городов [127; 130 и др.]. К новейшим и наиболее фундированным работам этого направления можно отнести трехтомную историю Москвы [56], разделы которой писали Я.Е. Водарский, В.Я. Гросул, А.В. Демкин, А.С. Мельникова, Л.Н. Пушкарев, А.Л. Хорошкевич, М.К. Шацлло, Р.Г. Эймонтова и др.

Примеры глубоких региональных исследований дает и досоветский период развития исторической науки, авторы которых бы-

ли далеко не любителями и оставили интересные оценки и свидетельства. Так, по истории Москвы особого внимания заслуживают работы архивиста и археографа А.Ф. Малиновского [84], исследователя Г.Н. Александрова [4, с. 523–524], знатока «старой Москвы» М.И. Пыляева [101] и др. Интерес также представляет история ряда провинциальных центров [12, с. 201–295; 27, с. 14–199].

В наши дни, как и прежде, при изучении истории города периода Нового времени наибольший (если не основной) упор делается на вторую половину XIX и начало XX столетий (пореформенный период), т.е. на время, наиболее полно представленное в источниках, часто сохранившихся в виде крупных комплексов. Предшествующая дореформенная эпоха похвастаться этим в такой степени не может. Кроме того, пореформенный исторический период ближе и понятнее современным исследователям, нежели дореформенная реальность. Последняя обладала яркой, часто противоречивой и запутанной спецификой¹, что приводило к такому же противоречивому характеру происходящих в ней процессов. В том числе и в рамках городской истории.

Выбор исследователей между до- и пореформенным городом в пользу последнего зародился еще в конце XIX в. и сохраняется по сей день. Достаточно обратить внимание на хронологические рамки работ, вышедших на протяжении последнего времени, или какую часть от общего их объема занимают вопросы пореформенного времени [30; 41; 74; 86; 88; 90; 99; 106; 117; 118; 121]. В этом отношении мы не можем согласиться с утверждением Л.В. Кошман, присутствующим как в ее докторской диссертации [75, с. 12], так и на страницах монографии [74, с. 13], о том, что интерес историков отдается «в основном» дореформенному периоду в ущерб пореформенному времени. К сожалению, именно оно в значительной степени остается «белым пятном» нашего прошлого [76, с. 3].

Данный подход – типичная черта, присущая как узкорегиональным, так и крупномасштабным исследованиям, что объясняется как количеством и качеством документов, так и их особенно-

¹ В частности: особое социальное устройство, некапиталистический характер экономики и слабо развитые рыночные отношения, особое значение государственной власти, стремительное продвижение границ, мобилизационный характер целого ряда сторон жизни страны и др.

стью, сложностью их выявления и обработки. Настоящая работа призвана в какой-то степени заполнить этот пробел.

У зарубежных исследователей, занимающихся историей России XVIII–XIX вв., тема дореформенного города не входит в число приоритетных. В первую очередь зарубежным гуманитариям были интересны не столько узко научно-исторические проблемы, сколько анализ фундаментальных политических, социальных, гуманистических и культурологических проблем истории Российской империи. Это отразилось и на узкотематических исследованиях. Так, например, внимание было уделено анализу государственного управления и придворной борьбы (Д. Рансел, Д. Ле Дон), продворянской политике (М. Раев, П. Дьюкс), влиянию идей Просвещения на мировоззрение самой Екатерины II (Д. Гриффитс) [73, с. 34] и т.п. аспектам.

При написании обзорных работ по русской истории целью западных исследователей нередко выступала оценка (порой в виде разоблачения) модели российской цивилизации как таковой. Подчеркивалось, что имеющиеся на тот период черты крылись в ее корнях. Однако подобные публикации, увидевшие свет много лет назад и выполненные с явным критическим отношением к Российскому государству, власти и обществу, интересны и по сей день [93; 115]. Но они ближе к политологии, чем к истории, а их масштаб всегда был многократно больше, нежели проблема эволюции и функций русского города рубежа XVIII–XIX вв. Так, например, книга Джеффри Хоскинга «Россия: народ и империя (1552–1917)» поделена на следующие четыре части: «Русская империя: как и почему?»; «Строительство государства»; «Общественные классы, религия и культура имперской России»; «Имперская Россия под давлением» [134, с. 510].

Кроме того, в качестве темы исследования больший интерес у западных ученых вызывал конкретный исторический этап, монарх и время его правления. В том числе эпоха Екатерины Великой. Огромный объем данной темы неизбежно придавал исследованиям общий, а порой и чисто описательный характер. Естественно, исследователи касались, в том числе, и злободневных тем, но характер и эволюция дореформенного города в них не входила или растворялась в тематике в первую очередь административной и социальной реформ.

Примером может служить, в частности, «VI-й раздел. Десятилетие реформ» монографии Исабель де Мадариага «Россия в эпоху Екатерины Великой» [83, с. 439–520]. Исследование не столько давало новое знание, сколько пыталось осмыслить эпоху, опираясь в первую очередь на работы российских авторов второй половины XIX и XX столетий. Труды этой группы, как нам представляется, являются результатом в значительной степени информационного голода западного мира. Их задача – раскрыть историю России для западного исследователя и читателя. В том числе и потому, что советская историография в связи с заметной односторонностью и тенденциозностью в этом отношении была на тот момент малоинтересна.

По мере того как ситуация менялась и потребность в получении основных знаний о России (благодаря как западным, так и российским исследователям) оказалась утолена, в обоих частях света стали появляться работы, авторы которых видели своей задачей заглянуть в глубь процессов, формирующих своеобразие России. Увидеть их причины и характер. К данной группе можно отнести монографию А. Мартина, в которой автор стремится дать оценку Москвы как имперской столицы, проследить процесс и особенность «превращения Москвы в просвещенный метрополис» [85, с. 15]. Хотя исследованию не достает комплексности, и оно не лишено традиционного западнцентристского самолюбования, бесспорной заслугой автора является то, что он поднял целый ряд тем, раскрывающих характер города в конкретном историческом времени. В частности, значение «Первопрестольной» как столичного города.

На сегодняшний день, несмотря на естественный ход развития отечественной исторической науки и появление работ по истории русского дореформенного города, общее положение дел в данном вопросе остается во многом прежним. Дореформенный город (впрочем, как и город как таковой) не стал самостоятельной темой исследования. Историческая урбанистика по-прежнему выступает в первую очередь как процесс собирания в «одну корзину» различных работ по принципу городской «прописки», не давая ответа на заданный еще Екатериной II вопрос, а, собственно, «что есть город?». В нашем случае – как объект, отражающий конкретный исторический момент.

Но все же в последнее десятилетие наблюдается тенденция к изменению (или, что точнее, к усложнению) отношения к данной теме. Начиная приблизительно с «нулевых» годов, наблюдается стремление к расширению тематики изучения дореформенного города. Причем, как по количественному (умножение рассмотренных аспектов сугубо городской жизни, исследование отдельных городов и целых поселенческих сетей новых регионов), так и по качественному признаку.

При этом, по мере выхода исследований того или иного научного центра на более высокий уровень наблюдается общая (и как нам представляется весьма показательная) тенденция: стремление объединить усилия с коллегами из других регионов путем проведения круглых столов и конференций, поднимающих тему исторической урбанистики – хотя бы как одну из официально заявленных тем в программе.

Весьма наглядно этот процесс отслеживается на примере Коломны [55] – древнего города с традиционно сильной образовательной гуманитарной и научной базой, игравшего заметную роль в истории, города с богатым историческим наследием и относительной полнотой и сохранностью источниковых комплексов.

На сегодняшний день большую роль в деле изучения русского дореформенного города по-прежнему играют представители историографии Сибири, (характеристика их работ была дана выше). Весьма показательна в связи с этим, что в Тюменском государственном университете на базе Института истории и политических наук ТюмГУ (до 2005 г. – исторический факультет ТюмГУ) началось проведение конференции «Метрополисы: множественная урбанистика и ее языки описания». Несмотря на статус молодежной (а, возможно, и благодаря этому) конференция смело заявляет о рассмотрении на своей площадке широкого круга вопросов исторической урбанистики, характера города и городского развития.

То же можно сказать и о Международном уральском историческом форуме, где тема урбанизации занимает видное место.

Большой интерес также представляют исследования, проводимые на кафедре истории России до начала XIX в. исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Заметную роль при этом играет возникшая в ее стенах и сохранившая свой потенциал школа академика Л.В. Милова, сформировавшаяся вокруг ученого, и

продолженная его учениками. Для этого направления характерно одновременно сохранение традиций, активное развитие темы, глубина и комплексность исследований. Показательно в связи с этим не только издание ее представителями (А.А. Голубинским, Д.А. Хитровым, Д.А. Черненко и др.) исследовательских работ [28; 29; 132; 133; 136], но и проводимая ими публикация источников по истории русского дореформенного города [32; 33].

При этом временная привязка проблематики, разбираемой представителями данного научного направления, шире XVIII – первой половины XIX в., ряд работ затрагивает тематику близкой к ним эпохи второй половины XVII в. В частности, это относится к последнему докторанту Л.В. Милова – М.В. Булгакову [17; 18; 19] (ныне покойному) и его ученикам, в первую очередь А.В. Барсуковой [13; 14].

Высокий научный городоведческий потенциал истфака МГУ отмечает себя еще и тем, что в рамках той же кафедры активно функционирует еще одно направление изучения русского дореформенного города, построенное в первую очередь на социальной и социокультурной проблематике. Оно связано с научной деятельностью Н.В. Козловой [69; 40; 74 и др.] и ее учеников М.В. Ворожбитовой [23], О.В. Тулуповой (Фоминой) [128; 131 и др.], работающими на материалах, в первую очередь, Москвы, а также и других городских центров России в XVIII столетии [137].

Показательно, что и на базе кафедры истории России до начала XIX в. истфака МГУ, по мере углубления исследований по исторической урбанистике, стала проводиться масштабная конференция «Научные чтения памяти академика Л.В. Милова». Последние (шестые) состоялись в ноябре 2019 г. [110], при этом тематика «Чтений» была теснейшим образом связана с исторической урбанистикой, выделив ее в особое направление.

К школе Л.В. Милова можно отнести и монографию А.В. Белова «Реформа города Екатерины II» [15], в которой заметно увлечение идеями ученого о необходимости учитывать конкретные факторы влияния места и среды, в том числе на социальные процессы.

Работа посвящена преобразованию города в ходе реформ Екатерины II, направленных не только на создание новой административной сети страны, но и подготовку необходимых для ее

функционирования городских (т.е. административных) центров, которым придавались обязательные исполнительные функции (в формулировке того времени – «необходимо нужные») и для которых создавались необходимые исполнительные институты. В связи с этим автором выдвинут тезис о необходимости выделения наряду с общеизвестной городской (социальной) реформой второй половины XVIII в., еще и реформы города – как нового административного центра.

В основу монографии положен сформулированный автором регионально-сетевой подход. Город рассматривается не как отдельный центр, а как элемент единой городской сети края, в состав которой входят поселения разного типа, в том числе и не имеющие официального статуса города, но близкие ему по судьбе, характеру деятельности, составу населения. При этом сеть городов и городских поселений разбирается не в привычном для изучения ограниченном пространстве административного региона – губернии. Они только создаются, имеют искусственный («алгебраический») характер, и при этом недостаточно масштабны по площади, чтобы дать более полную картину развития города. В качестве географических рамок принимается наднадминистративный, исторический регион – территория Волго-Окского междуречья (ядро Центральной России), что позволяет увидеть процесс развития одновременно в разных вариантах, под влиянием целого ряда факторов, но в рамках единого историко-культурного пространства.

При рассмотрении города как части городской сети его развитие рассматривается через призму трех тесно связанных друг с другом проблем, условно – «принцип трех “Ф”»: функция, форма, фактор.

Функции города – это присущие данному конкретному поселению обязанности, которые он исполняет в своем регионе (в своей сети). Их распределение становится проявлением местного разделения труда, региональной специализации, а затем – разделение в масштабах всей страны. Функции выступают как отличительная черта города, формируют его характер, создают типы городских поселений. Городу может быть присуща не одна, а целый набор функций, но есть города и с ярко выраженной единичной специализацией.

Прямым результатом выполнения городом своих функций становится формирование у поселения определенных черт, форм городской жизни. Являя собой внешние, хорошо заметные особенности поселения, они воспринимались современниками и властями как обязательные, отличительные признаки, свидетельства особого городского статуса. Такие формы, или точнее сказать атрибутивные признаки являются прямым следствием выполнения городом своих функций, их материальным выражением. Но в ряде случаев эти формы могли культивироваться искусственно, специально создаваться как властями города, так и его общиной, чтобы подтвердить (хоть и формально) право поселения на свой особый (городской) статус.

В ходе своего развития города во многом зависели от целого ряда внешних факторов. Особенно заметно это в провинции, где в основном были распространены незначительные поселения с весьма ограниченными возможностями, в том числе и в вопросе влияния на среду.

Каковы дальнейшие перспективы развития темы дореформенного города? Прогнозирование неблагоприятная работа, но можно обозначить направления, которые кажутся перспективными самому автору, исходя из его предпочтений и личного видения.

Представляется необходимым развивать методологическую сторону анализа исторической урбанистики. Это даст возможность отойти от формально-обобщающего характера данного направления исследований, и придать ему самостоятельность, сформировать собственную методику предмета, а не только суммировать очевидные, но чрезвычайно многочисленные и разнотипные объекты изучения.

При этом важно отказаться от экстраполяции из одного времени на другое определенных критериев, а выявлять реальные признаки и черты конкретного исторического периода. Таким образом, в основу исторической урбанистики должен быть положен принцип рассмотрения не города вообще, а «исторического города», т.е. признание за каждой эпохой права на свой город, сформированный в рамках своих реалий и не оцениваемый без отрыва от них. Исторический город является результатом конкретного исторического периода. Характер поселения формируется, в том числе, совокупностью и взаимообусловленностью городских функций,

признаков и внешних условий, детерминированных эпохой. Такой подход предоставляет возможность отойти от сомнительной практики выделения совершенных (полноценных) и несовершенных (неполноценных) городов. Внимание должно быть переключено на определение этапов развития города (городского строя, городского общества и т.д.) и переходных периодов. Последние, собственно, и создают основу для дискуссии о подлинности города, что является следствием назревшей необходимости пересмотра устаревшего наследия в методике изучения городов.

При исследовании города представляется важным отойти от обобщающих оценок территориального пространства, в рамках которого живет город. Надо вспомнить, что Россия – страна большая и многообразная, как по своим природно-географическим качествам, так и по территориально-административному делению. Местное своеобразие – не случайное, занятое, но незначительное, чисто внешнее проявление, а прямой результат исторического развития, движущие силы которого (даже в спящем состоянии) сохраняют значение мощного фактора, даже спустя столетия оказывая влияние на характер процессов. Обобщение многообразия, призванного выделить главное, может сыграть противоположную роль, описав «среднюю температуру по больнице».

Большую роль играет (и одновременно создает проблему) вопрос о характере города и его фундаментальных качествах. В связи с этим исключительное значение по мере накопления конкретного материала может приобрести тема городского образа жизни, присущего данному историческому периоду. Она не только придаст изучению истории города большую социальность (по сути – человечность), но и предложит критерии (или хотя бы признаки) определения города, не детерминированные социально-экономической парадигмой.

Составной частью этого направления исследования выступают формирование, структура и деятельность городского общества (городской общины). Причем не просто численный показатель населенности, а единство и активность ее членов, наличие собственных интересов и общественной жизни. По большому счету эта тема становится одним из маркеров города и критерием городского строя.

Город и его характер определяются не только (а порой и не столько) степенью развитости признаков той или иной общественно-экономической формации, а суммой функций, которые он исполняет и которые формируют как его характер, так и облик. В этом отношении интересно рассмотреть города и их типы как результат пространственного распределения труда в рамках как части страны, так и всего государства на разных этапах его истории, исходя из характера конкретной исторической эпохи.

При этом основные темы изучения города останутся прежними.

Если мы определим все признаки и качества города, а затем вычленим те из них, которые не вызывают сомнения – останутся (как нам кажется) пять фундаментальных качеств. Первые два: город как экономический и город как административный центр. Эти аспекты сохраняют свое приоритетное положение, именно их развитие (хотя и не столь однозначно) является значимым для города как аккумулятора и ретранслятора культуры (третий признак).

Четвертым бесспорным (хотя и в значительной степени формальным) признаком является такое качество города, как возможность концентрации всех явлений и процессов, а также их активизации. Помимо прочего, данное качество делает вероятным сбор численных показателей, и затем – создание формальной численной шкалы оценок.

С нашей точки зрения, можно выделить еще один (пятый) фундаментальный признак города, тесно связанный с городским образом жизни, который должен стать со временем более востребованным. Это – благоустройство городской жизни. Данная проблема неизменно пользовалась пристальным вниманием как современников, так и историков, однако до сих пор в работах освещались в основном два аспекта: первый – планировка и застройка; второй – уровень развития городской среды, борьба за санитариию и т.п. Но проблема эта шире и фундаментальнее. Город является отражением цивилизационного процесса, и главной целью его развития становится создание комфортной среды. Комфорт как важная составляющая городского образа жизни, может дать продуктивный материал для понимания характера города, признаков и степени развития городской среды и городского общества. Вариацией данной темы, в свою очередь, выступает про-

блема выживания (как фактора и условия городской жизни) на определенных этапах и в определенных обстоятельствах.

Список литературы

1. Аверьянов К.А. История московских районов : энциклопедия. – Москва : Астрель, 2005. – 830 с.
2. Акельев Е.В. «И впредь в Кремле колодников отнюдь держать не велеть»: эволюция отношения к заключенным в Москве в первой половине XVIII в. // Германский институт в Москве. Доклады по истории XVIII и XIX вв. – 2012. – № 12. – [Электронный ресурс] URL:Г <https://publications.hse.ru/articles/58766876> (дата обращения: 14.01.2017).
3. Акельев Е.В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 416 с.
4. Александров Г.Н. К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. – 1879. – Т. 4. – С. 523–524.
5. Алексеев В.Н. Графы Воронцовы и Воронцовы-Дашковы в истории России. – Москва : Центрполиграф, 2002. – 476 с.
6. Андреев Н.В. Методология и история отечественной историографии развития городов и городского хозяйства России последней четверти XVIII – первой половины XIX в. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ ; Пермь : ПГПУ, 2003. – 317 с.
7. Анисимов Е.В. Императорская Россия. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 672 с.
8. Анисимов Е.В. Реформы Екатерины II // Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС Экслибрис, 2006. – С. 150–174.
9. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма: опыт комплексного анализа. – Ленинград : Сеятель, 1926. – 150 с.
10. Архитектурные ансамбли Москвы XV – начала XX вв.: принципы художественного единства / под ред. Т.Ф. Саваренской. – Москва : Стройиздат, 1997. – 471 с.
11. Балязин В.Н. Московские градоначальники, 1709–1909. – Москва : Терра, 1997. – 429 с.
12. Барщевский И. Исторический очерк города Ярославля, составленный действительным членом Ярославской ученой архивной комиссии И. Барщевским // История губернского города Ярославля : сборник. Историко-краеведческое издание. – Ярославль : А.М. Рутман, 2006. – С. 201–295.
13. Барсукова А.В. Об особенностях социальной структуры населения городов России в XVII в. (по материалам о категории «вольных людей») // «Чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла...»: к 70-летию Николая Михайловича Рогожина : [статьи] / отв. ред.: Ю.А. Петров. – Москва : ИРИ РАН, 2019. – С. 282–289.

14. Барсукова А.В. Торговля Коломны в XVII в. : автореф. диссер. ... кандидата исторических наук (07.00.02). – Москва, 2011. – 30 с.
15. Белов А.В. Реформа города Екатерины II : (по материалам губерний Центральной России) / Институт российской истории, РАН. – Москва : ИРИ РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2019. – 613 с.
16. Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX в. – Москва : Молодая гвардия, 2010. – 540 с.
17. Булгаков М.Б. Коломенские воеводы XVII в. // Подмосковный летописец. – 2020. – № 1(63). – С. 38–50.
18. Булгаков М.Б. Посадские люди в системе государевых служб в XVII в. : автореф. диссер. ... доктора исторических наук (07.00.02). – Москва, 2007. – 47 с.
19. Булгаков М.Б. Предприниматели г. Коломны в конце XVII в. // Города Центральной России в истории предпринимательства и культуры : III научно-практическая конференция: к 90-летию Серпуховского музея : доклады, сообщения, тезисы. – Серпухов ; Москва : Мелихово, 2008. – С. 120–121.
20. Велихов Л.А. Основы городского хозяйства: общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. – Москва : Наука, 1996. – 468 с.
21. Водарский Я.Е. Зарайск: тайна рождения // Зарайск. – Москва : Древлехранилище, 2002. – Т. 1 : Исторические реалии и легенды. – С. 178–253.
22. Водарский Я.Е. Проблемы сущности, времени и места основания русских городов // Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). – Москва : ИРИ РАН, 2006. – С. 5–49.
23. Ворожбитова М.В. Повседневный уклад жизни московского населения середины XVIII в. (По материалам Канцелярии конфискации) : автореф. диссер. ... кандидата исторических наук (07.00.02). – Москва : МАКС Пресс, 2004. – 27 с.
24. Вострышев М.И. Московские обыватели. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 418 с.
25. Галаншина Т.Г., Закурдаев И.В., Логинов С.Н. Владимирский централ. – Москва : Эксмо, 2008. – 411 с.
26. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – 2-е изд. – Москва : Госюриздат, 1951. – Т. 1 : 1762–1825. – 328 с.
27. Головщиков К.Д. История губернского города Ярославля // История губернского города Ярославля : сборник. Историко-краеведческое издание. – Ярославль : А.М. Рутман, 2006. – С. 14–199.
28. Голубинский А.А. Генеральное межевание посада Даховского (Сочи) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – 2015. – Вып. 4 : Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова : материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – С. 409–416.
29. Голубинский А.А., Киселева Е.В., Черненко Д.А. Города Олонецкой губернии в конце XVIII в. (по материалам Генерального межевания) // Культура Понезжья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности : материалы XI Каргопольской научной конференции, [18–20 августа 2010 г.] /

- Науч. ред. и сост.: И.В. Онучина, Н.И. Решетников. – Каргополь : Вельти, 2011. – С. 136–143.
30. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск : Сова, 2004. – 357 с.
 31. Города Подмосковья : в 3 кн. – Москва : Московский рабочий, 1979–1981. – Кн. 1. – 1979. – 640 с. ; кн. 2. – 1980. – 608 с. ; Кн. 3. – 1981. – 736 с.
 32. Города Российской империи в материалах Генерального межевания: продолжение: Витебская, Вологодская, Воронежская, Казанская, Курская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Орловская, Пензенская, Псковская, Тамбовская, Харьковская губернии / подг. к изд. Д.А. Черненко [и др.]. – Москва : Древлехранилище, 2022. – 864 с.
 33. Города Российской империи в материалах генерального межевания: Центральная Россия / подг. к изд. Д.А. Черненко, А.А. Голубинский, Д.А. Хитров. – Тула : Аквариус, 2016. – 760 с.
 34. Города Сибири: (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1978. – 335 с.
 35. Градостроительство Сибири. – Санкт-Петербург : Коло, 2011. – 783 с.
 36. Гревс И.М. История в краеведении // Отечество. Краеведческий альманах. – Москва, 1991. – Вып. 2. – С. 5–22.
 37. Дитятин И.И. Наши города за первые три четверти настоящего столетия // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. – Санкт-Петербург : Первая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. – С. 33–48.
 38. Дитятин И.И. Русский дореформенный город // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. – Санкт-Петербург : Первая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. – С. 1–32.
 39. Дитятин И.[И.]. Устройство и управление городов России. – Санкт-Петербург : Типография П.П. Меркульева, 1875. – Т. 1 : Введение. Города России в XVIII столетии. – 508 с.
 40. Дитятин И.[И.]. Устройство и управление городов России. – Ярославль : Типография Г.В. Фальк, 1877. – Т. 2 : Городское самоуправление в России. Городское самоуправление до 1870 г. – 565 с.
 41. Долгопьятов А.В. Эти тихие уездные города: о социально-экономическом развитии малых городов Московской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – Москва : АИРО-XXI, 2015. – 228 с.
 42. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город: Россия как традиционное общество. – Москва : Алетейя, 2002. – 672 с.
 43. Евсина Н.А. Русская архитектура в эпоху Екатерины II: барокко – классицизм – неоготика. – Москва : Наука, 1994. – 219 с.
 44. Закурдаев И.[В.]. Владимирский централ: история Владимирской тюрьмы. – Москва : РИПОЛ классик, 2013. – 288 с.
 45. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2001. – 703 с.

***Русский город второй половины XVIII – начала XIX в.:
пути, особенности и парадоксы научного изучения***

46. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). – Москва : Новый хронограф, 2010. – 752 с.
47. Иконников В.С. Время Екатерины второй : спец. курс, составлено по лекциям В.С. Иконникова, ординарного профессора Университета святого Владимира. – Киев : Литография Г. Розенталя, 1881–1882. – Вып. 1–4.
48. Иллерицкий В.Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. – 1959. – № 5. – С. 141–159.
49. Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. – Москва : Наука, 1982. – 277 с.
50. Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период: (историко-географическое исследование). – Москва : Наука, 1991. – 263 с.
51. Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727–1917 гг.): очерки по административно-территориальному делению. – Лениздат, [Новгородское отделение], 1972. – 186 с.
52. Истомина Э.Г. Дороги России в XVIII – начале XIX в. // Исследования по истории России XVI–XVIII вв.: сб. статей в честь 70-летия Я.Е. Водарского. – Москва : ИРИ РАН, 2000. – С. 181–208.
53. Истомина Э.Г. Европейский Север: региональный подход // Российская история. – 2009. – № 3. – С. 15–27.
54. История Владимирского края с древнейших времен до наших дней : учебник для старших классов общеобразовательных учреждений Владимирской области / под ред. Д.И. Копылова. – Владимир : Дюна, 2006. – 392 с.
55. История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания : материалы Пятой областной научно-практической конференции / отв. ред.: Д.В. Ковалев. – Коломна : Изд-во МГОСГИ, 2022. – 338 с.
56. История Москвы с древнейших времен до наших дней : в 3 т. – Москва : Изд-во объединения Мосгорархив, 1997. – Т. 1 : XII–XVIII вв. – 432 с.
57. История Москвы : в 6 т. / АН СССР, Ин-т истории. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1959.
58. История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца века : учебное пособие. – Муром : Посад, 2001. – 427 с.
59. История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века / отв. ред. А.М. Селиванова. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т., 2000. – 387 с.
60. Калужские губернаторы : биобиблиографические очерки. – Калуга : Золотая аллея, 2001. – 192 с.
61. Каменский А.Б. Центральное и местное управление и территориальное устройство в контексте реформ XVIII в. // Административно-территориальное устройство России: история и современность / под общ. ред. А.В. Пыжикова. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2003. – С. 58–99. – (Архив / Ин-т обществ. мысли).
62. Кафенгауз Б.Б. Город и городская реформа 1785 г. // Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. – Москва : Академия наук СССР, 1956. – С. 151–165.

63. Кизеветтер А.А. Городовое положение Екатерины II 1785 г.: опыт исторического комментария. – Москва : Типография Императорского Московского университета, 1909. – 473 с.
64. Кириллов В.В. Архитектура и градостроительство Подмосковья: (картина развития с XIV в. до 1917 г.) // Русский город. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 1980. – Вып. 3. – С. 120–132.
65. Клокман Ю.Р. Историография русских городов второй половины XVII – XVIII вв. // Города феодальной России : сборник статей памяти Н.В. Устюгова. – Москва : Наука, 1966. – С. 51–64.
66. Клокман Ю.Р. Очерки социально-экономической истории городов северо-запада России в середине XVIII в. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 221 с.
67. Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII века. – Москва : Наука, 1967. – 335 с.
68. Козлов П., Суслов А., Чураков С. Ярославль : путеводитель. – Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1980. – 206 с.
69. Козлова Н.В.-И. Дворяне Москвы: свадебные акты и духовные завещания петровского времени : [сборник очерков и документов]. – Москва : РОССПЭН, 2015. – 910 с.
70. Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. – Москва : РОССПЭН, 2010. – 359 с.
71. Козлова Н.В. Русский город XVIII в. Исследования разных лет. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 490 с. – (Труды исторического факультета МГУ ; вып. 224. Сер. 2: Исторические исследования, 154).
72. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. – Москва : Высшая школа, 1993. – 447 с.
73. Котова О.А. Государственная деятельность Екатерины II: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный педагогический университет. – Москва, 2000. – 199 с.
74. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. – Москва : РОССПЭН, 2008. – 446 с.
75. Кошман Л.В. Русский город в XIX в: социальный аспект исследования : дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2001. – 362 с.
76. Куприянов А.И. Городская культура русской провинции, конец XVIII – первая половина XIX века. – Москва : Новый хронограф, 2007. – 476 с.
77. Куприянов А.И. Культура городского самоуправления русской провинции, 1780–1860-е годы. – Москва : ИРИ РАН, 2009. – 326 с.
78. Куприянов А.И. Российское Благородное собрание и модернизация публичной жизни в дореформенной России // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 4(49). – С. 36–44.
79. Куприянов А.И. Русский город в первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – Москва : АИРО-XX, 1995. – 157 с.

***Русский город второй половины XVIII – начала XIX в.:
пути, особенности и парадоксы научного изучения***

80. Кучкин В.А. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV веках: (крепость и посад; городское население) // История СССР. – 1991. – № 2. – С. 73–84.
81. Лаппо Г.М. География городов : учебное пособие для географических факультетов вузов. – Москва : Владос, 1997. – 480 с.
82. Лаппо Г.М. Города России. Взгляд географа. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 503 с.
83. Мадариага Исабель де. Россия в эпоху Екатерины Великой. – Москва : Новое литературное обозрение, 2002. – 973 с.
84. Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. – Москва : Московский рабочий, 1992. – 253 с.
85. Мартин А. Просвещенный метрополис: созидание имперской Москвы, 1762–1855. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 446 с.
86. Миненко Н.А., Алпаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX в. – Москва : Наука, 2006. – 380 с.
87. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1990. – 271 с.
88. Митрофанов А.Г. Повседневная жизнь русского провинциального города в XIX в.: пореформенный период. – Москва : Молодая гвардия, 2013. – 508 с.
89. Морозов А.Ю. Самоуправление в Российской империи на стыке власти и общества // Территория и власть в Новой и Новейшей истории Российского государства / В.Н. Захаров (отв. ред.). – Москва : РОССПЭН, 2012. – С. 83–91.
90. Москва рубежа XIX и XX столетий. Взгляд в прошлое издавека. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 302 с.
91. Московская область: История. Культура. Экономика. – Москва : Дизайн. Информация. Картография, 2005. – 839 с.
92. Носарев А.В., Скрыбина Т.А. Мосты Москвы: мосты через Москву-реку и канал им. Москвы : (инженерно-исторические очерки). – Москва : Вече, 2004. – 256 с.
- 92а. Очерки истории Ленинграда : в 7 томах. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР : Наука, 1955–1989.
93. Пайпс Р. Россия при старом Режиме. – Москва : Независимая газета, 1993. – 421 с.
94. Писарькова Л.Ф. Городские реформы в России и Московская дума. – Москва : Новый хронограф : АИРО-XXI, 2010. – 735 с.
95. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 447 с.
96. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 743 с.
- 96а. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. : монография / Шулус И.И., Киприянова Н.В., Мягтина Н.В., Черничкина В.А. – Владимир : Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2009. – 270 с.

97. Погожев В.П. Столетие организации Императорских Московских театров: (опыт исторического обзора). – Санкт-Петербург : Дирекция императорских театров, 1906–1908. – Вып. 1, кн. 1. – 380 с.; вып. 1, кн. 2. – 304 с.
98. Подмосковье из века в век : сборник исторических очерков / отв. ред. Н.С. Ватник, В.Н. Захаров. – Москва : Москвия, 2006. – 528 с.
99. Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири : сборник статей / под ред. В.А. Скубневского. – Барнаул : Издательство Алтайского ун-та, 2005. – 319 с.
100. Пухов В.А. История города Калуги. – Калуга : Золотая аллея, 2015. – 190 с.
101. Пыляев М.И. Старая Москва: рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. – Москва : Московский рабочий, 1990. – 416 с.
102. Рабинович М.Г. К определению понятия «город»: (в целях этнографического изучения) // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 19–24.
103. Разгон В.Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в.: региональный аспект предпринимательства. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного ун-та, 1999. – 657 с.
104. Рассолов Г.А. Институт генерал-губернаторства в Российской империи (1775 г. – конец XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2005. – 27 с.
105. Розенталь И.С. «И вот общественное мнение!»: клубы в истории российской общности, конец XVIII–XX вв. – Москва : Новый хронограф, 2007. – 398 с.
106. Российская провинция: среда, культура, социум : (очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX век) / отв. ред. Э.А. Шулепова. – Москва : Российский институт культурологии, 2006. – 456 с.
107. Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI–XVII вв. / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – Москва : Стройиздат, 1994. – 316 с.
108. Русское градостроительное искусство. Москва и сложившиеся русские города XVIII – первой половины XIX вв. / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – Москва : Стройиздат, 1998. – 438 с.
109. Русское градостроительное искусство. Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX вв. / под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – Москва : Стройиздат, 1995. – 402 с.
110. Русь, Россия: Средневековье и Новое время. – Москва : Издательский дом МГУ, 2019. – Вып. 6 : Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова : материалы к международной научной конференции Москва, 21–22 ноября 2019 г. / ред. Флоря Б.Н. – 730 с. – (Труды Исторического факультета МГУ ; т. 102).
111. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. – Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 559 с.
112. Рындзюнский П.Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 359–370.

***Русский город второй половины XVIII – начала XIX в.:
пути, особенности и парадоксы научного изучения***

113. Рындзюнский П.Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. // Русский город : историко-методологический сборник / под ред. чл.-кор. АН СССР В.Л. Янина. – Москва, Изд-во Московского ун-та, 1976. – [Вып. 1]. – С. 105–127.
114. Серeda Н.В. Реформа управления Екатерины Второй: источниковедческое исследование. – Москва : Памятники ист. мысли, 2004. – 444 с.
115. Сибирские города XVII – начала XX века. – Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1981. – 222 с.
116. Симонова Е.В. «Гений места»: опыт и перспективы изучения «культурных гнезд» Тульского региона // Гений места: выдающиеся деятели Тульского края – городу и миру : сборник материалов научно-практической конференции (Тула, 18 апр. 2014 г.). – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. – С. 3–8.
117. Симонова Е.В. Провинциальные города Тульской губернии в XIX веке. – Тула : ИПК Гриф и К., 2005. – 236 с.
118. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – Ч. 1 : Население. Экономика. – 359 с.
119. Скубневский В.А. Города России во второй половине XIX в. : учебное пособие. – Барнаул : Азбука, 2012. – 116 с.
120. Смирнов Г.К. Общественная архитектура второй половины XVIII века в провинциальных городах России : дис. ... канд. искусствоведения: 18.00.01 / Государственный институт искусствознания. – Москва, 2003. – 293 с.
121. Соза Л.Н. Пореформенная Коломна: на пути к промышленному городу. – Москва : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2012. – 268 с.
122. Старикова Л.М. Театр в России XVIII в.: опыт документального исследования / Российской академия наук, Государственный Институт искусствознания, Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина. – Москва : [Б. и.], 1997. – 152 с.
123. Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы : материалы и исследования. – Москва : [Б. и.], 1954. – Т. 2 : 1762–1812. – 624 с.
124. Театральная жизнь России в эпоху Елизаветы Петровны: документальная хроника, 1741–1750 / сост. Л.М. Старикова. – Москва : Наука, 2003. – 862 с.
125. Тихомиров М.Н. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. // Древняя Москва. XII–XV вв. Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. – Москва : Московский рабочий, 1992. – С. 183–309.
126. Тихонов В.В. Московская историческая школа в первой половине XX в. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. – Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2012. – 325 с.
127. Тиц А.А. По окраинным землям владимирским (Вязники, Мстера, Гороховец). – Москва : Искусство, 1969. – 143 с.
128. Тулупова (Фомина) О.В. Купеческая семья Москвы последней трети XVIII века: социально-демографическое исследование. – Санкт-Петербург : Алетей, 2022. – 293 с.

129. Федосюк Ю.А. Москва в кольце Садовых : путеводитель. – Москва : Московский рабочий, 1991. – 496 с.
130. Федотова Т.П. Вокруг Ростова Великого. – Москва : Искусство, 1987. – 159 с.
131. Фомина О.В. Имущественно-демографическая характеристика московской купеческой семьи последней трети XVIII в. : автореф. дисс. ... кандидата исторических наук (07.00.00; 07.00.02). – Москва, 2003. – 29 с.
132. Хитров Д.А. Изменения в уездном делении России в 1760-х гг. и подготовка губернской реформы Екатерины II // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – Москва : Изд-во Московского ун-та, 2015. – Вып. 4 : Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова : материалы к международной научной конференции, Москва, 26 октября – 1 ноября 2015 г. – С. 522–527.
133. Хитров Д.А., Голубинский А.А., Чернов Д. Уездный город: перепланировка. Перемены в Калужской губернии при Екатерине II // Родина. Российский исторический журнал. – 2014. – № 10, октябрь. – С. 52–54.
134. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск : Русич, 2000. – 512 с.
135. Чаянова О.Э. Театр Маддокса в Москве, 1776–1805. – Москва : Работник просвещения, 1927. – 263 с.
136. Черненко Д.А., Голубинский А.А., Хитров Д.А. Градостроительная реформа Екатерины II в Нижегородской губернии // Родина. Российский исторический журнал. – 2014. – № 2, февраль. – С. 29–32. – (Нижегородской губернии – 300 лет).
137. Четырина Н.А. Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв.: (посад как тип городского поселения). – Москва : АИРО-XXI ; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 319 с.
138. Чечулин Н.Д. Русская провинция во второй половине XVIII в. – Санкт-Петербург : Российская национальная библиотека, 2010. – 836 с.
139. Чураков Д.О. Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX–XX веков в промышленном центре России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. – Москва : УРСС, 2004. – С. 129–148.
140. Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в.: Московский и Петербургский университеты. – Москва : Наука, 2003. – 417 с.
141. Экскурсии в культуру : методический сборник. Статьи Н.П. Анциферова, Я.А. Владих, И.М. Гревса / под ред. И.М. Гревса. – Москва : Мир, 1925. – 204 с.
142. Энциклопедия земли Вятской. – Киров : Городская газета, 1994. – Т. 1 : Города. – 446 с.
143. Юркина О.Г. Понятие «сибирская слобода» в отечественной историографии // Политология и политический процесс : сборник статей. – Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2004. – С. 129–132.

УДК 327.8; 94(47).084.5–6; 94(510).091 DOI: 10.31249/hist/2024.01.02

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
СССР И КИТАЯ В 20–30-х годах XX в.

Аннотация. Обзор посвящен политике советского руководства в Китае в 20–30-х годах XX в. Рассматриваются взаимоотношения компартии Китая и Гоминьдана, проблема взаимосвязи и противостояния советской дипломатии и Коминтерна. Анализируется тактика III Интернационала, направленная на создание единого фронта КПК и Гоминьдана, крах этого союза в 1927 г. и причины разгрома китайских коммунистов; левый поворот в советской и коминтерновской политике в конце 20-х годов, нашедший отражение в решениях VI съезда Коммунистической партии Китая (июнь–август 1928 г.); создание второго единого фронта коммунистов и Чан Кайши против японской агрессии в 30-е годы.

Ключевые слова: внешняя политика СССР; Коминтерн и Китай; Коммунистическая партия Китая; Гоминьдан; Китайская революция 1924–1927 гг.; первый единый фронт; японская агрессия.

EMELIANOVA E.N. Political interaction between the USSR and China in the 20 s and 30 s of the 20 th century.

Abstract. The review is devoted to the policies of the Soviet leadership in China in the 20–30 s of the XX century. The relationship between the Communist Party of China and the Kuomintang, the problem of interrelation and confrontation between Soviet diplomacy and the Comintern are considered. The tactics of the Third International, aimed at creating a united front of the CPC and the Kuomintang, the

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); e.n.emelyanova@mail.ru

collapse of this union in 1927 and the reasons for the defeat of the Chinese communists are analyzed; the left turn in Soviet and Comintern politics at the end of the 1920 s, reflected in the decisions of the VI Congress of the Communist Party of China (June-August 1928); the creation of a second united front of the communists and Chiang Kai-shek against Japanese aggression in the 30 s.

Keywords: soviet foreign policy; Comintern and China; Communist party of China; Kuomintang; chinese revolution of 1924–1927; first united front; japanese aggression.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Политическое взаимодействие СССР и Китая в 20–30-х годах XX в. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН РАН. – 2024. – № 1. – С. 35–56. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.02

Сегодня, когда происходит активное сближение Российской Федерации и Китайской Народной Республики, тема истории сотрудничества СССР с Китаем приобретает особое значение. Большую роль в налаживании отношений с различными политическими силами Китая в 20–30-х годах XX в. сыграл Коминтерн. В последнее время этому вопросу посвящается все больше работ. В предлагаемом обзоре рассматриваются последние публикации российских авторов по данной проблеме [1; 2; 4; 5].

Большая статья аспиранта Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова Д.И. Герасимова «Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.)» посвящена проблеме взаимоотношений Коммунистической партии Китая (КПК) и Гоминьдана. Она охватывает период с момента начала сотрудничества партии Сунь Ятсена с большевистским правительством до 1927 г., когда произошел разрыв между правым Гоминьданом и Коминтерном. Автор рассматривает политику СССР в Китае с точки зрения деятельности Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) и тактики III Интернационала. Проводит сравнительный анализ между политикой официальной советской дипломатии и революционным курсом Коминтерна.

Задачу исследования Герасимов определяет как анализ внешней политики СССР на Дальнем Востоке. Автор высказывает

свою позицию по отношению к событиям той эпохи, не всегда, на наш взгляд, объективную, но заслуживающую внимания.

На основе архивных документов РГАСПИ и широкого круга литературы он рассматривает следующие вопросы: роль Коминтерна в советско-китайских переговорах 1918–1924 гг., столкновение геополитических целей Советского государства и идеологических задач Коминтерна, проблема статуса Внешней Монголии, столкновение КПК и Гоминьдана.

В начале своей работы, поднимая вопрос об истоках создания первого единого фронта в Китае, автор раскрывает историю становления политических отношений между Советской Россией (с 30.12.1922 г. – Советским Союзом. – *Е. Е.*) и Китайской республикой. По устоявшейся точке зрения, союз между большевистским правительством и Гоминьданом оформился именно в 1922 г. в результате поездки доверенного лица руководства III Интернационала Хенка Сневлита (псевдоним – Маринг) в Китай. Часть историков полагает, что связано это было с созданием в 1921 г. китайской компартии. Герасимов же утверждает, что советское руководство выступало за сотрудничество с Сунь Ятсеном еще летом 1918 г., задолго до образования КПК. Коминтерн начал действовать в этом направлении весной 1919 г. В январе 1921 г. один из основателей и будущий первый Генеральный секретарь китайской компартии Чэнь Дусю опубликовал в Кантоне статью, в которой предложил создать единый фронт с Гоминьданом и установить тесные связи с Коминтерном. Сама Компартия Китая была создана только в июле 1921 г.

Герасимов считает, что в союзе коммунистов с Сунь Ятсеном государственные интересы СССР доминировали над интернациональными задачами. Сотрудничество с Кантоном нужно было большевикам для давления на Пекин. Сунь Ятсен фактически контролировал южно-китайский город Кантон и противостоял центральному правительству в Пекине. Поэтому союз с Кантоном, по мнению автора, нужен был для того, чтобы заставить У Пейфу¹ начать дипломатические переговоры с советским руководством.

Автор стремится проследить истоки политики большевиков в Китае и сравнить курс коммунистической России с геополитикой

¹ У Пейфу – военный правитель Центрального Китая, чье правление прекратил Северный поход 1926–1928 гг.

царской империи. Он утверждает, что политика СССР полностью совпадала с тактикой Российской империи на Дальнем Востоке и была направлена против Японии.

Еще в 1911 г. в результате Синьхайской революции и формального отречения Пуи было создано оппозиционное правительство в Кантоне под руководством Сунь Ятсена. Российская дипломатия поддерживала его против Пекина. Пекинское правительство ориентировалось в своей политике на Японию, поэтому сотрудничество с ним противоречило геополитическим интересам России. Существовали разногласия с ним и по поводу Внешней Монголии и КВЖД, в то время как с Южным Китаем с центром в Кантоне у России не было никаких территориальных конфликтов.

1 августа 1918 г. нарком иностранных дел Советского государства Г.В. Чичерин направил письмо Сунь Ятсену, в котором отмечал схожесть целей русской и китайской революций и выражал надежды на улучшение отношений между Советской Россией и Кантоном.

26 марта 1920 г. был издан первый манифест отвечавшего в НКВД за восточное направление деятельности Л.М. Карахана. В нем провозглашался отказ от всех неравноправных договоров царского правительства в отношении Китая. В этот же день в китайское консульство во Владивостоке прибыл член Дальневосточного секретариата Коминтерна – Г.Н. Войтинский. Миссия Войтинского заключалась в том, чтобы не только распространять революционные идеи, но главное – создать в Китае просоветское правительство. Большую роль в установлении прочных связей с Сунь Ятсеном и Гоминьданом в июле 1921 г. сыграл будущий лидер китайских коммунистов Чэнь Дусю. 28 августа 1921 г. Сунь Ятсен в письме к Г.В. Чичерину выразил заинтересованность в идее создания единого фронта с коммунистами.

В 1921 г. был основан союз между только что образованной КПК и Гоминьданом. Как пишет Герасимов, именно сотрудничество с партией Сунь Ятсена способствовало ее быстрому росту: так, в июле 1921 г. она насчитывала всего 56 членов, в то время как в Гоминьдане состояло уже 200 тыс. человек. Целью объединения двух партий, считает автор, было создание мощной силы для противостояния Японии.

Советское руководство в лице В.Д. Виленского-Сибирякова и Л.Д. Троцкого в 1919 г. надеялось, что революция охватит не только Южный, но и Северный Китай. Большие планы при этом связывались с Сунь Ятсеном. Именно его, считает Герасимов, большевики видели лидером революционного Китая, т.е. ставка делалась не на коммунистическое, а на антиимпериалистическое движение.

В то же время советское правительство намеревалось установить дипломатические отношения еще и с Пекином. При этом оно рассчитывало на поддержку Сунь Ятсена в этом вопросе, утверждает автор. С данной просьбой к нему обратился в октябре 1923 г. политический советник ЦИК в Китае и один из авторов идеи единого фронта М.М. Бородин.

Сунь Ятсен, который был заинтересован в советской помощи, поддержал установление дипломатических отношений СССР с Пекинским правительством. Автор объясняет это тем, что в начале 1920-х годов Сунь Ятсен пытался добиться финансовой поддержки и признания со стороны США, Великобритании и Японии, но получил отказ под тем предлогом, что эти государства поддерживают центральное правительство в Пекине.

Герасимов считает, что союз с Гоминьданом носил с обеих сторон не идеологический, а чисто практический характер. В обмен на свою поддержку Сунь Ятсен требовал приезда в Китай советских военных специалистов и политических советников, оружие и боеприпасы, а также финансирование.

СССР же поддержал Южное Китайское правительство в обмен на помощь в продвижении своих внешнеполитических интересов, в том числе и по монгольскому вопросу. Так, в беседе с представителем советской дипломатической миссии А.А. Иоффе, которая состоялась 27 января 1923 г. в Шанхае¹, Сунь Ятсен заявил, что эвакуация советских войск из Внешней Монголии не соответствует внешнеполитическим интересам Китая. Это заявление предоставило советским дипломатам важнейшие рычаги давления на официальное Пекинское правительство, поскольку, по мнению автора, они теперь могли угрожать установлением советско-китай-

¹ Осенью 1922 г. Сунь Ятсен был изгнан из Кантона и поселился в Шанхае.

ских дипломатических отношений с дружественным правительством Сунь Ятсена. Поддержка Гоминьдана в советско-китайских переговорах в конечном счете помогла большевикам сохранить контроль над Внешней Монголией, восстановить совместное с Китаем управление КВЖД, наладить дипломатические отношения с Пекином. Советско-китайский договор был подписан 31 мая 1924 г.

КПК с 1923 по 1927 г. была посредником между Гоминьданом и Советским Союзом. Этим объясняется рост ее политического влияния в Китае – за ней стоял Советский Союз.

Вместе с тем автор слишком абсолютизирует факт защиты советским руководством собственных внешнеполитических интересов, утверждая, что идеологический фактор и задача национального освобождения Китая от влияния «империалистических» держав не играли никакой роли во взаимоотношениях Советского Союза и Гоминьдана. Они лишь прикрывали, по его мнению, национальные интересы советского правительства. Это, конечно, не так, поскольку интернациональные идеи в 1920-е годы еще доминировали в сознании большевистского руководства. Поворот в политике Коминтерна к тактике, во многом подчиненной интересам СССР, произошел в конце 1920-х – 1930-е годы. Но осуществлялся он тоже под *интернациональным* лозунгом поддержки мировым пролетариатом первого в мире рабочего государства от готовящейся агрессии «империалистических» стран.

Герасимов делает очень сомнительный вывод о том, что поддержка советским руководством правительства Сунь Ятсена ослабила Китай и способствовала росту влияния СССР в этой стране.

В вопросе о статусе Монголии и в вопросе о КВЖД, по утверждению автора, Советский Союз «переиграл» китайское правительство, создав необходимый военно-политический плацдарм для своей политики в Китае и для военно-политического противостояния Японии в Маньчжурии в 1930-х годах. Это заключение также искажает действительность. Речь о политике СССР в отношении Монголии пойдет ниже.

Второй проблемой, поставленной в статье, стала тема помощи КПК Советскому Союзу в достижении его внешнеполитических целей.

Большую роль в становлении Китайской компартии сыграл секретарь Коминтерна по делам колоний Дальнего Востока Маринг. Он прибыл в Китай в апреле 1921 г. и приложил много усилий к созданию единого фронта КПК с Гоминьданом.

Став крупной политической силой, КПК в 1921 г. претендовала и могла, по утверждению Герасимова, возглавить единый фронт с Гоминьданом для организации борьбы с милитаристскими режимами в Северном и Центральном Китае. Но Коминтерн настоял на том, чтобы главную роль в этом союзе играла партия Сунь Ятсена. Г.Н. Войтинский в своем письме в ЦК КПК в августе 1922 г. ставил две главные задачи: уничтожение правления военных губернаторов и установление федеративного устройства Китая¹. Тогда же, по утверждению автора, КПК было предписано войти в союз с Гоминьданом при главенстве последнего. Это положение было закреплено решениями IV конгресса Коминтерна (1922). Заключение Герасимова опять неточно. Коммунистический форум в своих резолюциях предписывал КПК «входить в контакт с буржуазно-демократическими силами Китая, заключать с ними союз, но не растворяться в их структуре. В резолюции не было требования подчинения КПК Гоминьдану Сунь Ятсена или какой-либо иной демократической организации» [3, с. 86].

В вопросе о Внешней Монголии КПК проводила тактическую линию в русле внешней политики Советской России. Подробно данный вопрос рассматривается в статье Э.В. Батунаева «Монгольский вопрос в политике Коминтерна» [1]. Русско-монголо-китайское соглашение 1915 г. предполагало установление автономии Внешней Монголии [1, с. 107]. В 1919 г. китайское правительство, воспользовавшись сложным положением России, ликвидировало монгольскую автономию. Это вызвало подъем монгольского национально-освободительного движения, лидеры которого обратились за помощью к большевистскому руководству. Коминтерн поддержал некоммунистическую Монгольскую народную партию (МНП) в ее борьбе за самостоятельность Монгольской республики. На переговорах в Иркутске и Москве была выдвинута идея Китайской Федерации, полностью поддержанная

¹ Письмо Г.Н. Войтинского в ЦК КПК (август 1922 г.) // ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. I. ВКП(б). Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925. – Москва : Буклет, 1994. – С. 112.

МНП. В Платформе МНП, принятой 1–3 марта 1921 г. в г. Кяхте, говорилось о том, что поскольку Китай населяют многие народы, различные по происхождению и вероисповеданию, то его следовало бы разделить на несколько независимых государств – Южный Китай, Северный Китай, Сычуань, Тибет, Туркестан, Маньчжурию, Монголию, – связанных договором о взаимопомощи. Это было бы договорное (федеративное) Срединное государство, которое могло бы успешно бороться с империалистическими странами. МНП выступала за участие в таком государстве [1, с. 109].

Герасимов в своей статье подтверждает, что КПК поддерживала эту идею. Лидер партии Чэнь Дусю сразу же после подписания советско-китайского договора 1924 г. заявил, что автономия Монголии только укрепит союз СССР и Китая. А это, в свою очередь, позволит проводить Советскому Союзу и Китайской республике независимую внешнюю политику.

В середине 1920-х годов в Гоминьдане обострились отношения между левым и правым крылом. В июле 1924 г. Чэнь Дусю в письме к Войтинскому сообщал о нарастающей напряженности между обеими фракциями. Коминтерн взял курс на поддержку левых в Гоминьдане.

Большевистское руководство все больше осознавало, что Китай может стать объектом нового мирового конфликта на Дальнем Востоке. Поэтому III Интернационал проявлял к нему особое внимание.

12 марта 1925 г. умер Сунь Ятсен. Это событие, считает Герасимов, усугубило внутривластный кризис в Китае и стало причиной вынужденного поворота во внешней политике СССР. Коминтерн, продолжая поддерживать Гоминьдан, в то же время начал подготовку к китайской социалистической революции. Революционным настроениям способствовали обострение социальной борьбы, рост рабочего движения и резкое увеличение численности компартии. В январе 1925 г. в КПК было 1 тыс. членов, а весной 1927 г. уже 579 тыс. человек.

К маю 1925 г. Коминтерн и Наркоминдел СССР, утверждает автор, были готовы взять курс на переход к новому этапу революции. Г.Е. Зиновьев выступил со статьей, в которой назвал Китай самым важным участником антиколониальных революционных движений. Азия представлялась руководителю Коминтерна осо-

бенно важным регионом в деле продвижения «мировой революции», особенно после того, как в Европе эту идею осуществить не удалось.

В целом, делает вывод автор, в период 1921–1925 гг. при политической и финансовой поддержке Коминтерна КПК сформировалась как достаточно влиятельная политическая партия. Работа в едином фронте с Гоминьданом дала ей практический опыт борьбы.

Третья проблема, которую Герасимов поднимает в своей статье, – это причины краха политики первого единого фронта. Автор рассматривает события 1926–1927 гг., когда Гоминьдан отказался от союза с КПК, а следовательно, и с Советским правительством. Этот период связан с попытками китайских коммунистов при поддержке Москвы возглавить революцию.

Летом 1926 г. с одобрения И.В. Сталина и Н.И. Бухарина и вопреки протестам Троцкого и Зиновьева начался Северный поход Народно-революционной армии (НРА) под руководством Чан Кайши в союзе с КПК против пекинского правительства, из южной провинции Гуандун на север. После взятия НРА важного в стратегическом отношении города Ухань и осады Шанхая положение правительства У Пэйфу, ориентировавшегося на Англию, резко ухудшилось. МИД Великобритании 30 сентября 1926 г. выступило с заявлением, в котором предупреждало, что Великобритания готова защищать свои интересы в Китае. Однако попытки Англии убедить США поддержать ее ни к чему не привели. Соединенные Штаты предпочли не вмешиваться.

В течение 1926 и 1927 гг., по утверждению Герасимова, Коминтерн надеялся, что революцию в Китае можно будет расширить в масштабах всей Азии и перевести ее в следующую, социалистическую фазу.

Успех Северного похода привел к тому, что правительство Гоминьдана было признано иностранными державами. В 1926 г. начались переговоры с британскими представителями, а в начале 1927 г. было заключено соглашение между Гоминьданом и Великобританией. Как считает Герасимов, цель, поставленная Сунь Ятсеном при создании единого фронта с коммунистической Россией – надавить на великие державы и заставить их признать Гоминьдан – была достигнута. КПК теперь становилась лишней и мешала взаимоотношениям Гоминьдана со странами Запада.

Задачей же компартии Китая было взять под свой контроль китайскую национальную революцию и перевести ее в социалистическую. Но Чан Кайши, вставший во главе партии Гоминьдан после смерти Сунь Ятсена, в 1927 г. взял курс на вытеснение коммунистов и ликвидацию единого фронта. В Пекине его сторонником Чжан Цзолинем¹ было ликвидировано руководящее ядро Северной областной партийной организации КПК². В апреле 1927 г. в Шанхае произошло восстание рабочих. Чан Кайши, захватив город, устроил массовую расправу над коммунистами. 18 апреля 1927 г. он создал под контролем Гоминьдана новое правительство в Нанкине. Советские военные советники должны были уехать из Китая. Сталин дал установку избегать открытого разрыва с националистическим правительством. Эта позиция была резко осуждена Троцким как «меньшевистская политика» союза с Чан Кайши и Ван Цзинвэйем³. Л.М. Карахан⁴, который, как утверждает автор, оказывал большое влияние на развитие советско-китайских отношений в 1923–1926 гг., был отозван в Москву и в Китай больше не возвращался.

Вмешаться в войну в Китае на стороне КПК СССР не мог из-за военной слабости. По утверждению Герасимова, 25 апреля 1927 г. К.Е. Ворошилов⁵ докладывал, что Красная Армия очень слаба, плохо оснащена техникой и авиацией, зависит от иностранной

¹ Чжан Цзолинь – глава фэнтяньской (северо-восточной) группировки китайских милитаристов, 1924–1928 гг. контролировал Пекинское правительство, в 1927–1928 гг. – президент Китайской республики. В 1928 г. его войска были разбиты частями НРА.

² Телеграмма VIII пленума ИККИ Китайской компартии (20 мая 1927 г.) // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. 2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927 : в 2-х ч. Ч. 2. – Москва : АО «Буклет», 1996. – С. 731.

³ Ван Цзинвэй – член ЦИК Гоминдана (с 1924 г.), в 1925–1926 – Председатель Национального правительства в Кантоне, председатель Военного совета и председатель Политсовета ЦИК Гоминьдана. В марте 1926 г. уехал из Китая. В 1927 г. – председатель Национального правительства в Ухане.

⁴ Карахан Л.М. – в 1918–1920 гг., 1927–1934 гг. заместитель наркома иностранных дел. В 1923–1926 гг. – полпред СССР в Китае.

⁵ Ворошилов К.Е. – с 1925 – нарком по военным и морским делам, председатель Реввоенсовета СССР, в 1925–1928 гг. – председатель Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б).

промышленности. КПК как партия, участвовавшая в гражданской войне, должна была действовать самостоятельно.

По личному указанию Сталина Коминтерн берет курс на организацию в отдельных регионах восстаний под руководством КПК и образование там самостоятельных советских районов. Для этого в Китай были направлены представитель Коминтерна Г. Нейман и один из руководителей ВКП (б) В.В. Ломинадзе. Под руководством КПК и Коминтерна были организованы восстания в Наньчане (август 1927 г.) и Кантоне (декабрь 1927 г.). Восстание в Наньчане подняли коммунисты в союзе с левыми гоминьдановцами. Оба выступления осуществлялись под социалистическими лозунгами, но были подавлены превосходящими войсками Гоминьдана.

Автор отмечает, что несмотря на то, что китайское правительство в Нанкине проинформировало Москву 15 декабря 1927 г. о том, что все советские консульства и торговые агентства в Китае должны быть закрыты, окончательного разрыва не произошло. Определенные дипломатические отношения между СССР и Китаем имели место и позже, когда Гоминьдан стал лидером на всей китайской территории. Они полностью были ликвидированы только после инцидента 1929 г. на КВЖД, когда командующий войсками Северо-Восточного Китая Чжан Сюэлян захватил контроль над КВЖД, являющейся совместным советско-китайским предприятием. В результате успешных военных действий Красной армии и разгрома китайских войск, был подписан Хабаровский протокол (22 декабря 1929 г.), по которому восстанавливался существовавший до конфликта статус дороги.

В целом Герасимов считает, что, устанавливая единый фронт, и большевистское руководство, и Гоминьдан преследовали свои цели по расширению собственного политического влияния в Китае. В Коминтерне и КПК не было единства по вопросу сотрудничества с Гоминьданом. Троцкий поддерживал стремление лидера КПК Чэнь Дусю отказаться от союза с Чан Кайши. После изгнания Троцкого из ВКП (б) в 1927 г. всю ответственность за развал союза с Гоминьданом в КПК Коминтерн возложил на лидера китайских коммунистов Чэнь Дусю. Автор отмечает, что политика Коминтерна в Китае проводилась во взаимодействии с советской дипломатией и соответствовала государственным интересам

СССР. Деятельность советского руководства в Китае носила двойственный характер. С одной стороны, через Коминтерн продвигались идеи мировой революции, с другой – отстаивались геополитические интересы советского государства в Азиатском регионе. И с этим выводом автора нельзя не согласиться.

Тема советско-китайских отношений в 20–30-е годы XX в. продолжена в публикации канд. ист. наук Д.А. Смирнова (ИДВ РАН) «К вопросу о соотношении внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции на примере VI съезда КПК» [4]. В ней рассматриваются постановления VI съезда КПК, состоявшегося в Подмоскovie с 18 июня по 11 июля 1928 г. Заседания проходили в обстановке спада революционного движения, что потребовало выработки новой тактики революции. Автор отмечает большую роль Коминтерна, ВКП(б) и лично Сталина в принятии решений и организации помощи КПК.

Смирнов отмечает, что VI съезд КПК собрался после осуществленного Чан Кайши в апреле 1927 г. переворота и разгрома ряда коммунистических восстаний. В то же время КПК создала опорные революционные пункты в деревне, собственные вооруженные силы и образовала в освобожденных районах Советы.

В августе 1927 г. на чрезвычайном совещании ЦК КПК разработал новую тактику революции. По своему основному содержанию китайская революция считалась буржуазно-демократической. Главными ее задачами были борьба за достижение полной национальной независимости, объединение страны и ликвидация феодальных пережитков. Но ближайшей перспективой уже на текущем этапе объявлялась необходимость перерастания революции в социалистическую.

До этого времени, в период единого фронта с Гоминьданом, Коминтерн хотя и осознавал всемирно-историческое значение китайской революции для борьбы с ведущими империалистическими державами, все же рассматривал ее как буржуазно-демократическую, находящуюся еще на начальной стадии развития. Такую характеристику китайскому революционному движению дал VII расширенный пленум ИККИ, состоявшийся в ноябре-декабре 1926 г. Тактика КПК в период совместных военных действий с Чан Кайши заключалась в укреплении партии, превращении ее в массовую политическую организацию, создании союза рабочих с крестьян-

ством, развертывании совместно с Гоминьданом единого антиимпериалистического фронта, в рамках которого КПК должна была бороться за гегемонию рабочего класса для последующего перехода Китая на некапиталистический путь развития.

30 ноября 1926 г. в своей речи «О перспективах революции в Китае» на заседании китайской комиссии ИККИ Сталин указал на специфику китайской революции. По его мнению, она заключалась в том, что, являясь буржуазно-демократической, революция в Китае одновременно была национально-освободительной. Второй особенностью было то, что буржуазно-демократические задачи нужно было решать в условиях слабости крупной национальной буржуазии в Китае. Третья особенность состояла, по мнению вождя, в возможности использовать русский опыт в организации революции. Сталин и Коминтерн считали необходимым вовлекать в революционную деятельность не только рабочий класс, но и крестьянство. В то же время Сталин выступил в тот момент против поспешной организации крестьянских советов. При этом подчеркнул особое значение революционной армии Китая, видя в ней особенность китайской революции и отметив важнейшую роль вооруженных сил в развитии событий [4, с. 148].

После переворота Чан Кайши и поражения революции 1925–1927 гг., руководство ИККИ¹ и КПК сменили тактику. Теперь они ориентировались на пролетариат и крестьянство. Было отмечено, что национальная и часть мелкой буржуазии перешли на сторону контрреволюции.

Однако IX пленум ИККИ (февраль 1928 г.) все же предостерег китайских коммунистов от попыток трактовать сложившуюся обстановку как социалистический этап революции, охарактеризовав ее как этап незавершенной буржуазно-демократической революции [4, с. 149]. Предполагалось, что осуществлять задачи буржуазно-демократических преобразований будет рабоче-крестьянское правительство. Поэтому главным лозунгом по предложению Коминтерна КПК в этот период считала лозунг борьбы за власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Также ставилась задача создания центрального советского правительства в Китае. Смирнов отмечает, что Сталин несколько раньше в своей

¹ ИККИ – Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала.

речи «О перспективах революции в Китае» в 1926 г. охарактеризовал будущую революционную власть в Китае как демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, как переходный этап к некапиталистическому или, точнее, к социалистическому развитию Китая.

На основе указаний Коминтерна VI съезд КПК принял решение о том, что китайская революция является антифеодальной, антиимпериалистической, буржуазно-демократической, тремя главными задачами которой будет: борьба за национальную независимость и объединение страны; ликвидация помещичьего землевладения и всех феодальных пережитков; свержение власти Го-миньдана, власти буржуазно-помещичьего блока и замена ее революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. «На основе вывода о возможности победы революционных сил первоначально в одной или нескольких главных провинциях, съезд принял установку на завоевание отдельных районов в качестве опорных баз революции» [4, с. 150].

Для привлечения крестьянства на сторону революции и в Красную армию Китая съезд принял аграрную программу, которая предусматривала конфискацию помещичьей земли без выкупа и передачу ее местным советам для перераспределения между безземельными и малоземельными крестьянами, отмену ростовщических займов и долгов, милитаристских налогов и т.д. Но одновременно съезд предостерег против преждевременного требования национализации земли и отмены частной собственности на землю.

VI съезд поставил задачу завершение буржуазно-демократической революции в Китае и подготовки перехода к новому этапу. Для этого предполагалось создание массовой базы КПК на основе союза рабочих и крестьян; выдвижение лозунга Советов, стремление к организации Центрального советского правительства. Предполагалось, что первоначально советская власть будет установлена в отдельных особенно подготовленных к этому крестьянских районах. «При неблагоприятном соотношении сил, говорилось в Резолюции, революционные массы “не в состоянии сразу же овладеть промышленными центрами”, путь к этому лежит через расширение на новые территории “крестьянской войны, руководимой пролетариатом”. Необходимо развертывать крестьянское движение на

пока еще нессоветских территориях, – говорилось в “Письме ИККИ в ЦК КПК...” (октябрь 1930 г.), – разворачивать там партизанскую борьбу, окружить города, в том числе и крупные и крупнейшие, кольцом крестьянских волнений...» [4, с. 151].

Коминтерн, как отмечает Смирнов, выдвинув задачу ново-демократической революции, помог КПК преодолеть левый уклон, связанный с преждевременным выдвижением лозунгов социалистической революции, к чему страна была еще не готова. Борьба между левыми и правыми в компартии Китая шла и на VI съезде. Она отражала борьбу в ВКП(б) с троцкистской оппозицией. Съезд осудил и правых, и левых в КПК, что позволило избежать раскола в партии.

Тактика, выработанная Коминтерном и Китайской компартией в 1928 г., применялась в Китае до середины 1930-х годов. Но во второй половине 1930-х – первой половине 1940-х годов, в условиях войны с Японией, КПК пришлось временно отказаться от борьбы за социализм, создать второй единый фронт с Гоминьданом и взять курс на идейную и организационную независимость от Коминтерна. Этот процесс проходил под руководством нового лидера китайских коммунистов Мао Цзэдуна¹, сформулировавшего принцип «соединения марксизма с практикой китайской революции». Это положение впоследствии легло в основу выдвинутого им в октябре-ноябре 1938 г. на 6-м пленуме ЦК КПК 6-го созыва тезиса о «китаизации» марксизма, т.е. о революции с китайской спецификой. Процесс отдаления от Коминтерна продолжился в начале 40-х годов. В «Решении ЦК КПК по поводу предложения Исполкома Коминтерна распустить Коминтерн» (май 1943 г.) вообще не упоминалось о необходимости сохранения связей КПК с

¹ Мао Цзэдун – в 1923–1924 гг. – член, в 1925–1927 гг. – кандидат в члены ЦК КПК, с 1928 г. член ЦК КПК; в 1930–1934 гг. – кандидат, с 1934 г. – член ПБ ЦК КПК. С 1935 г. – член ИККИ. В 1928–1930 гг. – комиссар, секретарь Фронтowego комитета КПК 4-го корпуса Красной армии Китая. В 1930 г. – комиссар, секретарь Фронтowego комитета 1-й армейской группы, затем – генеральный комиссар и секретарь Главного фронтowego комитета 1-го фронта Красной армии Китая. В 1931–1932 – член, и. о. секретаря, секретарь Бюро ЦК КПК советских районов. В 1931–1934 г. – председатель ЦИКа и Временного центрального правительства Китайской Советской Республики. Со второй половины 30-х годов Мао Цзэдун стал главой КПК.

международным коммунистическим движением, а также констатировалось, что роспуск Коминтерна освобождает КПК «от обязанностей, вытекающих из устава и решений конгрессов Коминтерна» [4, с. 152]. Смирнов умалчивает о том, что переход к самостоятельности компартий после VII конгресса Коминтерна (1935) касался коммунистических организаций во всех странах и был связан с общим курсом на ликвидацию III Интернационала.

В работе канд. ист. наук И.Н. Сотниковой (ИКСА РАН) «К вопросу о роли Георгия Димитрова в Китайской революции» [5] отражена деятельность Коминтерна и КПК во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов. В центре внимания автора влияние болгарского коммуниста, генерального секретаря Исполкома Коминтерна в 1935–1943 гг. Г. Димитрова на руководство КПК и принятие им решений в отношении китайской политики ИККИ.

Современные китайские историки высоко оценивают роль Димитрова в оказании международной помощи КПК и китайской армии в борьбе с японской агрессией. При этом они ссылаются на неоднократные публичные похвалы Димитрову, произнесенные Мао Цзэдуном в 1950-е годы, а также на его работу «Г. Димитров и китайский народ». Мао Цзэдун отмечал большую роль Димитрова в «борьбе с “левым” сектантством и правым оппортунизмом» в процессе создания национального единого фронта в Китае. Автор предполагает, что именно позиция Димитрова позволила Мао одержать победу «над коминтерновским функционером» Ван Минем и другими «посланцами Коминтерна», претендовавшими на руководящие роли в компартии [5, с. 99].

Сотникова считает, что влияние Димитрова на революционное движение в Китае китайскими историками преувеличено. Они относят интерес Димитрова к китайским делам к 1921 г. на том основании, что он встречался в качестве представителя Болгарской компартии с членами КПК Чжан Тайлэем и Цюй Цюбо в Советской России, когда они участвовали в Москве в мероприятиях Коминтерна. На самом деле, считает автор, Димитров занялся вопросами Китая только в 1935 г., когда стал генеральным секретарем вновь образованного Секретариата ИККИ. Секретариат Димитрова курировал Компартию Китая и отвечал за контакты с ней, взаимодействовал с делегацией КПК при ИККИ.

Тактика единого фронта в Китае велась Коминтерном еще в 20-х годах. В этот период, по утверждению автора, эта политика не была связана с именем Димитрова. После начала оккупации японскими войсками Маньчжурии 18 сентября 1931 г. генеральный секретарь ЦК КПК Бо Гу подготовил «Обращение ЦК КПК к народу по поводу маньчжурских событий 18 сентября 1931 г.», в котором появился лозунг «национально-революционной войны вооруженного народа против японского империализма в защиту национальной независимости, государственного единства и территориальной целостности Китая» [5, с. 100]. Члены Делегации КПК в Коминтерне Ван Мин, О.В. Куусинен, Окано и др. продолжили разработку политики антияпонского единого фронта, что проявилась в решениях XII (1932) и XIII (1933) пленумов ИККИ. Речь шла о тактике единого фронта «снизу». Она предполагала объединение рабочего класса, крестьянства и городской бедноты против Японии и против Чан Кайши. Ван Мин рекомендовал ее антияпонским партизанским отрядам, Северо-Восточной армии и всем антияпонским силам в Маньчжурии.

С осени 1933 до весны 1934 г. тактика единого фронта стала постепенно сдвигаться в сторону широкого антияпонского единого фронта «с известной частью национальной буржуазии». Существенный поворот в понимании нового курса произошел к 1934 г. в период подготовки к VII конгрессу Коминтерна, проходившему летом 1935 г., когда был снят лозунг борьбы против партии Гоминьдан. На VII конгрессе III Интернационала Димитров делал доклад о наступлении фашизма и задачах Коминтерна в борьбе за единство рабочего класса против фашизма в Европе. Он подверг критике тактику единого фронта «снизу». Был выдвинут лозунг единого фронта «сверху», в который кроме коммунистических и социалистических партий входили бы умеренные либеральные и консервативные буржуазные партии, выступающие против фашизма. Димитров одобрил задачу создания широкого антиимпериалистического единого фронта против японского империализма со всеми силами, существующими на территории Китая, готовыми вести борьбу за спасение своей страны и своего народа. Но в его докладе подчеркивалась руководящая роль пролетариата в этом политическом союзе и ничего не говорилось о едином фронте с Гоминьданом и Нанкинским правительством.

Идея нового союза с Гоминьданом была разработана в результате сотрудничества Делегации КПК в ИККИ и Секретариата ИККИ. Активным проводником этого решения был Ван Мин. Он являлся автором «Декларации 1 августа» 1935 г., призывавшей от имени Китайского советского правительства и ЦК КПК всех соотечественников к борьбе против Японии во имя спасения родины путем создания общенационального единого антияпонского фронта. Ему принадлежали и многие другие документы ЦК КПК по вопросу о союзе с партией Гоминьдан. Димитров хорошо осознавал, что после разгрома Чан Кайши в 1927 г. КПК, его карательных походов на советские районы и преследований армий китайских коммунистов, убедить китайскую компартию в необходимости единого фронта с Гоминьданом будет сложно.

Однако тактика Коминтерна всегда коррелировалась с внешней политикой СССР. Поскольку на Дальнем Востоке создавалась реальная угроза со стороны Японии, Советский Союз был крайне заинтересован в организации мощной армии в Китае в союзе с Гоминьданом, чтобы оттянуть японские войска от советских границ. Сталин настаивал на непременном установлении единого антияпонского фронта.

ИККИ вел работу по разработке новой тактики в течение 1936–1937 гг. В этом процессе активно участвовал сам Димитров. Комиссия во главе с Ван Мином была организована для составления «Программы борьбы против японской агрессии за спасение родины». В конце мая 1937 г. в ИККИ была создана бригада по изучению и разработке материалов и документов для КПК во главе со старшим референтом Отдела кадров ИККИ, бывшим сотрудником внешней разведки Г.И. Мордвиновым.

«Военное взаимодействие КПК и Гоминьдана, “второй единый фронт” официально сложился после начала широкомасштабных боевых действий Японии на территории Китая осенью 1937 г., когда ЦК КПК опубликовал “Декларацию о сотрудничестве между Гоминьданом и КПК”, а Чан Кайши признал законность статуса Китайской компартии. В результате этих заявлений из частей китайской Красной армии были сформированы Новый 4-й корпус и 8-я армия Национально-революционной армии. Члены Делегации КПК при ИККИ Ван Мин и Кан Шэн были направлены в Китай для помощи КПК в проведении новой политики. Перед отъездом

11 ноября 1937 г. они получили от Сталина “советы насчет целого ряда важнейших вопросов”. Руководитель СССР поставил основную задачу для КПК: “влияться в общенациональную войну и занять руководящее участие”» [5, с. 103].

Коминтерн, Димитров и Сталин придавали особое значение сохранению единого фронта с Гоминьданом при любых обстоятельствах. Примером может служить Сианьский инцидент, когда 12 декабря 1936 г. генералы Чжан Сюэлян и Ян Хучэн арестовали главкома Гоминьдана Чан Кайши и его генералов в г. Сиань. Делегация КПК в ИККИ поддержала этот арест. Только после прямого вмешательства Сталина Димитров направил в ЦК КПК телеграмму с рекомендацией решить конфликт мирно. Еще одним примером служат события января 1941 г., когда националисты Гоминьдана совершили вероломное нападение на Новую 4-ю армию. В результате была расформирована штабная колонна Новой 4-й армии в Центральном Китае и возникла угроза распада единого национального фронта. Димитров созвал несколько заседаний Секретариата ИККИ по Китаю, чтобы выработать способы сохранения единства КПК и Гоминьдана и предотвратить новый всплеск гражданской войны. 4 февраля 1941 г. он телеграфировал в Яньань о необходимости любыми средствами не допустить разрыва с Гоминьданом и избежать междоусобных столкновений. Под давлением и при посредничестве Москвы весной 1941 г. состоялась встреча представителя КПК, видного дипломата Чжоу Эньлая и Чан Кайши. Обе стороны подтвердили стремление сохранить единый фронт для борьбы с Японией. Позже, 15 июня 1942 г., при обострении ситуации на переговорах Чжоу Эньлая с Чан Кайши, в телеграмме Мао Цзэдуна Димитров указывал: «Нынешнее положение повелительно диктует, чтобы Китайская компартия предпринимала все от нее зависящее для возможного улучшения взаимоотношений с Чан Кайши и укрепления единого фронта Китая в борьбе против японцев» [цит. по: 5, с. 104].

С 1935 г. после VII конгресса началась реорганизация Коминтерна. Центр тяжести переместился в Секретариат ИККИ. Каждый из секретарей ИККИ имел свой штат сотрудников и отвечал за обработку вопросов по своей группе стран. Секретариат Димитрова курировал Компартию Китая и в него входил представитель КПК при ИККИ. Секретариат Димитрова тесно взаимодействовал

с Делегацией КПК при ИККИ, во главе которой в то время стоял Ван Мин, и с советскими спецслужбами. Генерального секретаря ИККИ имел обширные контакты со Сталиным, которому сообщал о всех мероприятиях Коминтерна. Обычно, для консультации и изучения важных вопросов секретариат Димитрова создавал небольшие комиссии и «бригады», которые разрабатывали стратегию военных операций армий компартии в Китае, составляли планы для их реализации.

Димитров сыграл определенную роль в выдвижении Мао Цзэдуна в качестве лидера Китайской компартии. Но сделано это было по указанию Сталина. Сотникова, ссылаясь на исследования А.В. Панцова, указывает, что еще с конца 1920-х – начала 1930-х годов именно Москва и прежде всего Сталин активно способствовали выдвижению Мао и вставали на его защиту во время конфликтов с руководящими деятелями КПК.

В начале июля 1938 г. Димитров передал решение ИККИ о поддержке Мао Цзэдуна на роль лидера КПК и нежелательности на этом посту Ван Мина собиравшемуся на родину и. о. главы Делегации КПК в ИККИ Ван Цзясяну: «Вы должны передать всем, что необходимо поддержать Мао Цзэдуна как вождя Компартии Китая. Он закален в практической борьбе. Таким людям, как Ван Мин, не надо бороться за руководство» [цит. по: 5, с. 105]. Генеральным секретарем ЦК КПК был избран Мао Цзэдун. Его конкурента Ван Мина, недавнего главу Делегации КПК в ИККИ, Москва не поддержала. Несмотря на хорошие отношения с Ван Мином, Димитров без санкции Сталина не мог принимать такие важные решения, как подбор кандидатов на избрание в руководство ЦК КПК.

Последняя проблема, которую Сотникова рассматривает в своей статье, касается роли Димитрова в оказании финансовой помощи КПК. Китайские историки считают, что его позиция была решающей в этом вопросе. Но Сотникова доказывает, что данная точка зрения ошибочна. После VII конгресса с 1935 г. Советский Союз прекратил регулярное субсидирование зарубежного коммунистического движения. Целевое выделение финансовых средств проходило теперь по конкретным запросам компартий. Решение о выделении денег не входило в компетенцию Димитрова. «С каждой просьбой КПК о помощи Димитров обращался непосредст-

венно к Сталину. Только он определял размер суммы и сроки предоставления помощи. Деньги передавались партиям, как правило, через НКВД, минуя Коминтерн» [5, с. 105–106]. В 1936 г. по ходатайству Димитрова перед Сталиным КПК получила не менее 30 тыс. долл., а также самолеты, тяжелую артиллерию, снаряды, пехотные винтовки, зенитные пулеметы и т.д. [5, с. 106]. Помощь китайским коммунистам выделялась и позднее.

Всего за 1937–1941 гг., по подсчетам д-ра ист. наук А.И. Картуновой, КПК получила финансовую помощь в размере 3 852 394 долл. По подсчетам китайского историка Ян Куйсуна она составила 3,5 млн долл. [5, с. 107]. Каждый раз просьбы КПК и решения Москвы проходили через Димитрова.

Автор считает, что преувеличенная оценка роли Димитрова у китайских исследователей сложилась из-за непонимания того, что после реорганизации Коминтерна в 1935 г. была упразднена всякая коллегиальность, прекратили работу Политсекретариат и лендерсекретариаты ИККИ. «Качественно новая, по сути, структура Коминтерна сосредоточила всю полноту власти в руках его генерального секретаря и Секретариата под всеобъемлющим контролем Сталина» [5, с. 108].

В заключение автор отмечает, что Димитров сыграл значительную роль в помощи Китайской компартии в 1935–1943 гг., представляя ее интересы и передавая просьбы КПК советским властям. Но он был лишь передаточным звеном между Сталиным и руководством КПК, и никакой самостоятельной роли играть не мог.

Анализ выше рассматриваемых работ свидетельствует о большом интересе российских историков к проблеме сотрудничества СССР и Китая в 20–30-е годы прошлого столетия. В них представлена история взаимодействия различных политических сил двух стран на протяжении всего этого периода. От попыток создания союза КПК с Гоминьданом до провала тактики единого фронта в 1927 г. Поворот Коминтерна к левым лозунгам, ориентация на завоевание власти Китайской компартией, завершение ею задач буржуазно-демократической революции и подготовка перехода к социализму в Китае. И вновь возвращение к политике единого народного фронта с Гоминьданом против японской агрессии во второй половине 30-х годов.

Параллельно рассматриваются проблемы влияния внешне-политических интересов СССР на тактику КПК в Китае, роль Сталина и Димитрова в руководстве Коминтерном, а также механизм принятия решений по китайскому вопросу на завершающем этапе существования Коминтерна во второй половине 1930-х – начале 1940-х годов. Представлен новый взгляд авторов на все эти проблемы. Но тема советско-китайских отношений далеко еще не изучена и нуждается в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Батунаев Э.В. Монгольский вопрос в политике Коминтерна // Власть. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 106–112.
2. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 5. – С. 14–32. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdu-gomindanom-i-kpk-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-kitae-1918-1927-gg/viewer>
3. Емельянова Е.Н. От революционного наступления к обороне. IV конгресс Коминтерна // Левая альтернатива в XX в.: драма идей и судьбы людей. К 100-летию Коминтерна : сб. докладов Международной научн. конф. – Москва : РОССПЭН, 2020. – С. 75–89.
4. Смирнов Д.А. К вопросу о соотношении внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции на примере VI съезда КПК // Исторические события в жизни Китая и современность : сб. статей. К 100-летию Коммунистической партии Китая / ИДВ, РАН ; Мамаева Н.Л. (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2021. – С. 145–155.
5. Сотникова И.Н. К вопросу о роли Георгия Димитрова в Китайской революции // Исторические события в жизни Китая и современность / Институт Китая и современной Азии РАН. – Москва, 2022. – С. 96–112.

НАКАТИ М. ЗАМЕНИТЬ ПОГИБШИХ: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕВОЕННОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА
NAKACHI M. Replacing the dead: the politics of reproduction in the postwar Soviet Union. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – XIV, 327 p.

Ключевые слова: демографическая политика в СССР; стимулирование рождаемости; борьба с абортами в СССР; семейное право в СССР.

Keywords: Demographic policy in the USSR; stimulation of fertility; fight against abortion in the USSR; family law in the USSR.

Для цитирования: Минц М.М. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – Москва : ИНИОН РАН. – 2024. – № 1. – С. 57–64. – Реф. кн.: Nakachi M. Replacing the dead: the politics of reproduction in the postwar Soviet Union. – Oxford : Oxford University Press, 2021. – XIV, 327 p.

Миэ Накати – доцент глобальных исследований университета «Хокусей Гакуэн» (Саппоро, Япония).

Книга посвящена политике стимулирования рождаемости в послевоенном Советском Союзе, прежде всего в период с 1944 по 1955 г., т.е. с выхода указа Президиума Верховного совета от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» до повторной легализации абортот. Автор отмечает, что еще в 1920 г. Советская Россия стала первой страной в мире, полностью легализовавшей аборты, но это решение мотивировалось не соблюдением прав женщин, а заботой об охране их здоровья на период временных, как представлялось, трудностей на пути продвижения к социализму. Советские руково-

дители опирались на восходящее еще к идеям Маркса и Энгельса представление о том, что ограничение рождаемости является «буржуазной» идеологией, тогда как в социалистическом обществе рождаемость будет высокой, поскольку уровень благосостояния трудящихся также будет достаточно высоким, а заботу о детях по большей части возьмет на себя государство. В 1930-е годы к этим сугубо идеологическим соображениям добавилась обеспокоенность сталинского руководства по поводу обеспечения страны рабочей силой для нужд индустриализации, а армии – достаточным количеством призывников. Рождение детей, таким образом, рассматривалось не столько как право женщины, сколько как ее обязанность. Следствием этого стало постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении аборт, поскольку при отсутствии доступных средств контрацепции аборт являлся основным инструментом регулирования рождаемости. Согласно новым правилам, легальное прерывание беременности допускалось только в случае угрозы жизни или риска тяжелых последствий для здоровья женщины либо при наличии тяжелых наследственных заболеваний у одного из родителей.

Меры по повышению рождаемости, принимавшиеся в первое послевоенное десятилетие, были продиктованы в первую очередь необходимостью вывести страну из тяжелейшего демографического кризиса, вызванного гибелью значительного числа советских граждан в период войны с Германией (по современным подсчетам, из примерно 27 млн погибших из которых 20 млн были мужчинами, что создавало серьезную диспропорцию между мужчинами и женщинами репродуктивного возраста). На решение этой задачи и был нацелен указ от 8 июля 1944 г.

Источниковая база исследования включает в себя документы девяти российских архивов (РГАНИ, РГАСПИ, РГАЭ, ГАРФ, региональные архивы Москвы и Саратовской области), опубликованные документы, периодическую печать, статистические материалы и собранные самой М. Накати интервью 15 женщин, ставших матерями в описываемый период.

Монография состоит из введения, шести глав и краткого эпилога. Первые пять глав охватывают 1944–1955 гг. и выстроены по тематическому принципу. В шестой главе обсуждается демографическая политика в позднем СССР (после 1955 г.), эпилог по-

священ постсоветскому периоду. Общих выводов по результатам исследования автор не приводит.

В первой главе книги описывается процедура выработки и согласования указа 1944 г. Инициатором его издания выступил Н.С. Хрущёв, однако в предложенный им первоначальный проект в дальнейшем были внесены изменения. По сравнению с предшествующим законодательством указ означал серьезный пересмотр семейной и демографической политики. Официальной пропагандой он преподносился в патерналистском духе как мера, направленная на защиту многодетных матерей со стороны государства, однако в действительности преследовал вполне утилитарные цели, что хорошо видно по рабочей документации, отложившейся в процессе его подготовки (автор специально обращает внимание на то, что эта документация, адресованная высокопоставленным советским руководителям, а не широким слоям населения, написана по существу совершенно иным языком, нежели сам указ). Введённые в 1936 г. пособия для матерей с числом детей от шести и более заменила целая шкала пособий для матерей с числом детей от трех и более. Размер пособий по сравнению с первоначальным проектом Хрущёва был снижен из финансовых соображений; в качестве компенсации вводилась система государственных наград для матерей, воспитавших пять и более детей. К введённому в 1941 г. (также по инициативе Хрущёва) налогу на бездетных добавлялись аналогичные налоги (правда, с более низкими ставками) на граждан с одним и двумя детьми. По сути это означало, что деторождение по-прежнему считается не правом, а обязанностью взрослого населения Союза и пособия для матерей, обеспечивающих прирост населения, будут выплачиваться в том числе за счет сограждан, пренебрегающих этим «долгом».

Второй составляющей новой политики стали дополнительные пособия для одиноких матерей в комбинации с запретом на взыскание алиментов в случаях, когда родители ребенка не были официально женаты. Тем самым государство одновременно освобождало мужчин от ответственности за возможные последствия внебрачных связей и обещало женщинам свою помощь в содержании и воспитании детей, рожденных вне брака. По мнению автора, разработчики указа надеялись таким образом вовлечь в воспроизводство населения многочисленных женщин, оставшихся одино-

кими в результате войны, и не придали значения тому, что эти же нормы фактически вернули в законодательство унижительное понятие незаконнорожденных детей, отмененное еще в 1918 г. Чтобы четко разграничить замужних матерей и незамужних, отменялась норма 1926 г., согласно которой фактическое сожительство приравнивалось к зарегистрированному браку; процедура развода при этом была максимально усложнена.

На женщин тем самым переносилась вся тяжесть ответственности за содержание и воспитание детей. Такую политику автор характеризует как «стимулирование рождаемости при одном родителе» (*one-parent pronatalism*) в противоположность «стимулированию рождаемости при двух родителях» (*two-parent pronatalism*), характерному для 1936–1944 гг. (с. 10). Сам термин «стимулирование рождаемости» (*pronatalism*) она при этом употребляет в узком смысле слова, обозначая им только правительственные меры по увеличению числа рождений, которые в сталинском СССР были продиктованы не гуманитарными, а сугубо прагматическими соображениями (с. 230, сноска 52).

Отношение советских врачей к проблемам повышения рождаемости и борьбы с абортами рассматривается во второй главе. Система контроля для выявления подпольных абортов была выстроена еще во второй половине 1930-х годов, однако ее эффективность оставалась низкой, так что уже в 1937 г., всего через год после запрета абортов, их число снова стало расти, поскольку контрацепция для советских женщин оставалась по большей части недоступной, а пособия, введенные в 1936 г., оказались слишком низкими, чтобы переломить ситуацию. Проблему дополнительно усугубляло то обстоятельство, что действующие правила обязывали врачей сообщать властям о поступлении в клинику пациенток с последствиями нелегального аборта; это подрывало доверие к государственной медицине, так что многие женщины в критической ситуации старались по возможности не обращаться ко врачу. Начавшаяся война с Германией привела к стремительному росту числа абортов в пересчете на 100 рождений и одновременно к фактическому развалу системы контроля. Попытки властей возобновить борьбу с подпольными абортами после окончания войны натолкнулись на сопротивление врачей, многие из которых считали главной своей целью обеспечение надлежащей медицинской помощи и

настаивали на том, что наиболее эффективные методы повышения рождаемости – это улучшение материальных условий и доступная качественная медицина, а не принуждение граждан к деторождению. Начавшиеся в конце 1940-х годов чистки лишили врачей возможности донести свою позицию до властей.

Результаты нового политического курса, как показано в третьей главе, формально соответствовали ожиданиям партийного руководства: на протяжении послевоенного десятилетия было зарегистрировано 8 млн 900 тыс. внебрачных детей, их количество продолжало расти (с. 90). Число разводов, по крайней мере в городах, с выходом нового указа снизилось вдвое. Фактическое положение дел, однако, было гораздо сложнее. Вопреки первоначальным расчетам, внебрачные дети составляли от 14,5% до 19,7% от общего числа рождений вместо ожидавшихся 25% (с. 255, сноска 6). К тому же эти показатели невозможно было корректно сопоставить с довоенными, поскольку до 1944 г. регистрация рождений производилась в общем порядке вне зависимости от того, состояли ли родители ребенка в зарегистрированном браке. Установленные в 1944 г. пособия для одиноких матерей не покрывали реальных затрат на содержание ребенка. Кроме того, одинокие матери с одним и двумя детьми вынуждены были платить налог «на малосемейных граждан», а в 1947 г. все пособия как для замужних, так и для одиноких матерей, введенные в 1944 г., были уменьшены вдвое. В то же время указ 1944 г. привел к стигматизации «незаконнорожденных» детей и их незамужних матерей, что дополнительно осложняло их положение. В наиболее уязвимой позиции оказались женщины, жившие до 1944 г. в гражданском браке, поскольку их права не были подробно расписаны в новом указе, так что их мужья получили возможность не регистрировать брак и не платить алименты. В то же время усложненная процедура развода приводила к тому, что многие граждане, чей предыдущий официально оформленный брак фактически уже давно распался, лишились возможности зарегистрировать свои новые отношения. Норма, нацеленная на снижение числа разводов и стабилизацию брака как института, на деле только усугубляла ситуацию, порождая многочисленные внебрачные связи, не попадавшие в официальную статистику. Как следствие, несмотря на бюрократические препоны, количество разводов в послевоенные годы вновь стало быстро расти.

Росло и число нелегальных аборт (особенно резкий скачок произошел в 1948 г. на фоне голода). Это вызвало серьезное беспокойство специалистов, тем более что общее число рождений в этот же период заметно снизилось. В 1949–1951 гг. Министерством здравоохранения, Министерством юстиции, Генеральной прокуратурой и ВЦСПС были предприняты несколько исследований данной проблемы, как ведомственных, так и межведомственных, результаты которых Накати рассматривает в четвертой главе своей книги. Исследования показали, что большинство женщин, решившихся на аборт, были замужем, многие из них уже имели детей. Это опровергало стереотип о том, что к аборту прибегают в основном безответственные женщины, не желающие иметь ребенка. Наиболее частыми мотивами для аборта являлись тяжелые условия жизни, а также нестабильное семейное положение. По результатам исследований в 1950–1951 гг. были проведены первые ограниченные реформы, в том числе расширен список медицинских показаний для легального аборта и отменена плата за аборт. Новые инструкции Минздрава также уделяли значительное внимание просвещению и индивидуальному консультированию как инструментам предотвращения нежелательных беременностей. Впервые был поставлен вопрос о неравномерном распределении ответственности, при котором женщина, решившаяся на подпольный аборт, рисковала подвергнуться уголовному преследованию, в то время как членам ее семьи такая опасность не грозила даже в тех случаях, когда следствие показывало, что они в явном виде вынуждали ее прервать беременность. Обсуждался и вопрос о расширении производства разнообразных средств контрацепции, но любые усилия в этой области блокировались высшим партийным руководством, как подрывающие курс на повышение рождаемости.

Свободная дискуссия о необходимости более серьезных реформ в сфере семейного права и демографической политики (не только среди специалистов, но и в открытой печати, а также в «письмах во власть») стала возможной лишь после смерти Сталина. Сторонники реформ настаивали на легализации абортов, упрощении процедуры развода и отмене дискриминационных положений указа 1944 г. о регистрации внебрачных детей. В пятой главе автор отмечает, что именно в этот период в числе приводившихся аргументов в пользу легализации абортов впервые упоминаются репродуктивные права женщин – пока еще в ограниченном виде,

как право самостоятельно выбирать время для того, чтобы завести ребенка; право женщины на отказ от материнства в то время еще не обсуждалось. Кроме того, сторонники легализации абортс продолжали настаивать на том, что основной их причиной являются неудовлетворительные условия жизни, а основным средством предотвращения абортс должна стать контрацепция. Важными аргументами являлись и результаты упомянутых выше исследований, а также тот факт, что число абортс продолжало неуклонно расти, достигнув к середине 1950-х годов уровня середины 1930-х. Становилось очевидным, что политика запрета абортс просто неэффективна.

Реформы, однако, по-прежнему тормозились высшим партийным руководством, поскольку Хрущев оставался ярким сторонником политики стимулирования рождаемости. В межведомственных дискуссиях его поддержало Центральное статистическое управление, начальник которого В.Н. Старовский оценивал последствия указа 1944 г. как положительные, ссылаясь на снижение числа разводов и рост числа внебрачных детей. В этих условиях сторонники реформ (главным образом специалисты Минздрава, Минюста, Генпрокуратуры и ВЦСПС во главе с новым министром здравоохранения СССР М.Д. Ковригиной) вынуждены были сосредоточиться на борьбе за легализацию абортс. Кроме того, чтобы добиться положительной реакции в Президиуме ЦК, им пришлось скорректировать свою аргументацию, сделав основной акцент на том, что подпольные абортс опасны для здоровья женщин и запрет абортс, таким образом, только подрывает политику стимулирования рождаемости. Уголовная ответственность для женщин за нелегальный аборт была отменена в 1954 г. Год спустя, в 1955 г. было отменено постановление 1936 г. о запрещении абортс.

В шестой главе монографии сжато описывается дальнейшая эволюция советской демографической политики после 1955 г. Легализация абортс привела к скачкообразному росту числа клинических абортс, который, однако, сопровождался таким же стремительным сокращением числа нелегальных, так что общий уровень абортс по стране остался прежним. Поскольку легализация рассматривалась как вынужденная мера, официальное отношение к искусственному прерыванию беременности оставалось отрицательным — отсюда, в частности, пропагандистские кампании по противодействию абортс. Это сказывалось и на самой процедуре —

часто болезненной из-за отсутствия анестезии и психологически тяжелой из-за недоброжелательного отношения со стороны медицинского персонала.

Партийное руководство в позднесоветский период продолжало исходить из догматического представления о том, что продвижение к социализму должно сопровождаться ростом рождаемости, и отказывалось отменять положения указа 1944 г., касающиеся внебрачных детей и одиноких матерей. Не решили эту проблему и принятые в 1968 г. Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье. Кроме того, в 1970-е годы советское государство (так же, как и развитые капиталистические страны) столкнулось с постепенным снижением рождаемости. Стремясь воспрепятствовать этому процессу, правительство продолжало тормозить рост производства контрацептивов; как результат, основным инструментом регулирования рождаемости оставался аборт, и число абортов не снижалось вплоть до распада СССР. Ситуация дополнительно усугублялась тем, что, вопреки декларируемому равенству мужчин и женщин, работа по дому и воспитание детей по-прежнему считались исключительно «женскими» занятиями. Это создавало двойную нагрузку на женщин (на работе и дома), которую государство оказалось не в состоянии эффективно компенсировать. В подобных условиях возможность завести ребенка (особенно если один ребенок в семье уже был) часто зависела от помощи со стороны родственников (чаще всего бабушки), которая была доступна далеко не всегда. Как отмечает автор, неспособность советского руководства переломить тенденцию к снижению рождаемости была, таким образом, во многом обусловлена тем, что «позднесоветская политика стимулирования рождаемости оказалась не в состоянии услышать голоса женщин и обеспечить один из важнейших факторов, позволяющих женщинам задуматься о рождении больше чем одного ребенка – серьезную и стабильную помощь в работе по дому и заботе о детях» (с. 214).

*М.М. Минц**

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 303.446.4; 327.8; 94(450).094; 94(73).091.6–7

DOI: 10.31249/hist/2024.01.03

ЭМАН И.Е.* ИТАЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х годов В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье проанализированы дискуссионные вопросы современных исследований итальянских и американских историков по теме внешнеполитических отношений Италии и США в период фашистского 20-летия: в 1920-х – первой половине 1930-х годов. Рассмотрены проблемы итало-американских отношений в годы Великой Депрессии, деятельности администрации Франклина Д. Рузвельта, фашистский корпоративизм и его влияние на экономическую политику Соединенных Штатов, а также вопрос о времени поворота в политическом курсе Италии в сторону «европеизма».

Ключевые слова: фашизм в Италии; итало-американские отношения в 1920-х – начале 1930-х годов; корпоративизм в Италии; Великая депрессия; «новый курс» Ф.Д. Рузвельта.

EMAN I.E. Italian-American relations in the 20-s – the first part of the 30-s years of XX. The modern research

Abstract. The article aims at analyzing the modern historiographical discussion, in connection with the publication of the works composed by Italian and American historians on the Italian-American foreign policy relations during the 1920's – the first part of the 1930's

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); mit.semikozov@mail.ru

years of the Fascist Era. The article deals the peculiarity of the Italian-American relations in the period of the Great Depressions, during the activity F. Roosevelt's administrations, aims especially to analyze the possible including of the fascist corporative system on the economic policy of the United States of America, as well as the question of the timing of the turn in Italy's political course towards «Europeanism».

Keywords: Fascism in Italy; Italian-American relations in the 1920 s and early 1930 s; corporatism in Italy; the Great Depression; F.D. Roosevelt's New Deal.

Для цитирования: Эман И.Е. Итало-американские отношения в 1920-х – начале 1930-х годов в свете современных исследований (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 65–80. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.03

По теме итало-американских отношений: политических, дипломатических, экономических, социальных, культурных в период фашистского 20-летия в Италии существует огромный пласт литературы, начиная с 20-х годов прошлого века и по настоящее время. Обратимся к отдельной проблеме этой всеобъемлющей темы – к итало-американским отношениям в сфере внешней политики в 1920-е – начале 1930-х годов, поскольку данная проблематика, начиная с 1970-х годов, обогатилась появлением ряда фундаментальных исследований: Дж.П. Диггинса [7], К. Дамиани [4], Дж.Дж. Мигоне [11], Д.Ф. Шмитца [15], Р. Квартораро [13], М. Мартелли [10] и других специалистов. В наши дни предложенные концепции продолжают оставаться предметом дискуссий, о чем свидетельствуют публикации последних двух десятилетий.

Итало-американские отношения в сфере внешней политики в 1920-е годы

После Первой мировой войны Соединенные Штаты заняли ведущее положение в качестве мировой финансовой, торговой и промышленной державы, превратившись в страну-кредитора. Как справедливо замечает итальянский историк Джанпаоло Феррайоли, всякий, кто хотел участвовать в реорганизации послевоенного мирового порядка, должен был «пройти через Вашингтон». [8, р. 336]. США вступили в 1920-е годы при правлении республикан-

ской партии, девизом которой был лозунг «back to normalcy» («возврат к нормальности»). Экономические и финансовые структуры США при республиканской администрации возвращаются к довоенной доктрине «открытых дверей» и «дипломатии доллара», адаптированной применительно к реалиям послевоенного времени.

В контексте данной модели Соединенные Штаты требовали от государств, которым они оказывали финансовую поддержку, определенной стабильности. Однако послевоенная Италия ни в малейшей мере не соответствовала этим требованиям. Джан Джакомо Мигоне в своем фундаментальном труде «Соединенные Штаты и фашизм. О происхождении американской гегемонии в Италии» [11] отмечает, что в 1920 г. Италия попросила у США заем, но потерпела неудачу [11, р. 49]. В марте 1921 г. посол Соединенных Штатов в Риме Роберт Джонсон писал государственному секретарю администрации президента У. Гардинга Чарльзу Э. Хьюзу, что итальянскому правительству не следует предоставлять кредит, пока оно не даст подтверждения, что владеет ситуацией в стране. И было бы желательно, чтобы итальянское правительство сделало поворот вправо, т.е. по существу к фашизму, чтобы решить проблему и преодолеть беспорядок и хаос, в которые погрузился полуостров [15, р. 42].

Для Штатов «Италия 1919–1921 гг. была синонимом политического, социального и экономического хаоса», «стояла одной ногой в могиле из-за революций по большевистской модели» [8, р. 337]. Практически все исследователи итало-американских отношений фашистского периода отмечают, что Муссолини понимал необходимость следовать гегемонистскому сценарию Запада под американским руководством, чтобы Италия не оставалась маргинальной страной. Он неслучайно перед «походом на Рим» (28 октября 1922 г.) пытался добиться встречи с американским послом Дж. Чайлдом, а вскоре после этого похода отправил благодарственную телеграмму государственному секретарю США Хьюзу [8, р. 338].

За океаном благосклонно приняли послание Муссолини. Будущий дуче с точки зрения американского истеблишмента представлял собой «сильного человека», который может спасти Италию от хаоса и угрозы большевизма, вернуть ее в лоно западной капиталистической цивилизации. По мнению США, Италия стояла

перед драматическим выбором: либо хаос и коммунистическая революция, либо крайне правый правительственный эксперимент, либо продолжение экспериментов с демократическими и либеральными правительствами. Штатам представлялось своевременным поддержать правую диктатуру в Италии, пусть даже антилиберальную, но, по крайней мере, гарантирующую обеспечение капиталистической системы и социального порядка, основанного на иерархии. Как отмечал Манфреди Мартелли в своей работе «Муссолини и Америка. Итало-американские отношения с 1922 по 1941» [10], большинство американцев благосклонно отнеслись к Муссолини отнюдь не потому, что считали его идеальной моделью политика, но потому, что тот был «даром providения», как писала о дуче «Кристиан Сайнс Монитор» («Christian Science Monitor»), который сможет навести порядок среди неупорядоченного, анархического народа, готового внимать зову революционных сирен [10, р. 10].

Феррайоли утверждает, что за исключением немногочисленных сторонников фашистской идеологии и практики, американцы в большинстве своем не желали, чтобы режим, подобный итальянскому, повторился в Соединенных Штатах Америки. Демократию они считали несменяемой [8, р. 339]. Однако народ Италии, по их мнению, был незрелым для установления либерально-демократического правления. Хотя данная точка зрения, по мнению Феррайоли, недостаточно явно прослеживается в историографии, но ее легко обнаружить, ознакомившись с работой Джона П. Диггинса «Муссолини и фашизм. Взгляд из Америки» [7]. Исследователь дал комплексную составляющую итало-американских отношений, показав, как американские политические и дипломатические круги и американское общественное мнение воспринимали личность Муссолини и фашистский режим. Относясь к фашизму и Муссолини как к «дару providения», американцы в действительности считали Италию чем-то вроде центрально-американской «банановой» республики, которой необходим железный кулак, чтобы навести порядок и обеспечить стабильность, поскольку 1919–1922 гг. показали, что в Италии демократия ведет к хаосу и коммунизму. От фашистского правительства американские круги ожидали проведения политики по реконструкции и консолидации Европы согласно планам Вашингтона, налаживанию отношений с француза-

ми и, прежде всего, с англичанами. Вашингтон также предусматривал включение поверженной Германии в политическую жизнь европейского континента. Италия должна была расплатиться с Соединенными Штатами по долговым обязательствам, заключенным в период Первой мировой войны.

Исследователи констатируют, что в течение 1926 г. условия, поставленные Вашингтоном, были выполнены. Италия приняла участие в создании «Локарнской системы». Локарнские соглашения от октября 1925 г. и План Дэвиса 1924 г. были двумя сторонами одной медали – их целью была создать сотрудничество Европы и Америки, в котором Германия является равноправным партнером, а не поверженной страной, при реконструкции и консолидации экономической и политической европейской системы. Соглашение Вольпи – Меллона, заключенное в ноябре 1925 г., означало, что Италия одобрила соглашение с США также и по вопросу военных долгов.

Согласно американскому исследователю Д.Ф. Шмицу, автору книги «Соединенные Штаты и фашистская Италия» [15], США, предоставив поддержку фашистской Италии, начали апробацию политики в отношении некоторых стран Средиземноморья и Третьего мира, которой они будут следовать и которую будут развивать в течение всего XX в., особенно в период холодной войны, а именно: нация с правоориентированным авторитарным правительством будет получать экономическую поддержку, поскольку они выступают гарантом в борьбе против коммунизма. Начиная с администрации У. Гардинга, далее К. Кулиджа и Г. Гувера, вплоть до администрации Ф.Д. Рузвельта данная политическая линия будет положена в основу взаимоотношений США с фашистской Италией [15, р. 60, 150, 220].

Италия стала четвертой европейской страной (после Великобритании, Германии и Франции), которой США предоставляли инвестиции и займы. Доктрина «открытых дверей» и «долларовая дипломатия» республиканцев нашли в Италии прекрасную почву для применения. По свидетельству Мигоне, если в 1925 г. американские вливания в Италию можно приравнять к нулю, через пять лет они достигли 460 млн долл. [11, р. 188–189]. Поскольку Италия по многим позициям считалась развивающейся страной, но в политическом отношении к началу 1930-х годов выглядела весьма

прочной, инвестиции все увеличивались [11, р. 104–107]. Апеннинский полуостров стал trampлином для проникновения на рынки придунайских стран Европы, Ближнего Востока и Средиземноморья. Благодаря американскому финансированию Италия смогла стабилизировать курс лиры.

Исследователи сходятся в том, что, несмотря на моральное неприятие определенной частью американского общества в 1920-е годы фашистского режима в Италии, это никак не повлияло на итало-американские отношения. Такие эпизоды, как бомбардировка и оккупация Италией Корфу в 1923 г., или же позиция Муссолини в отношении пересмотра «Версальской системы», или же противоречия на государственном уровне между Италией и Албанией, возможно, могли бы создать определенные неудобства для американских кругов, проводивших политику поддержки фашистской Италии. Убийство социалиста Дж. Маттеотти, выступившего в парламенте с разоблачениями действий фашистов во время выборов 6 апреля 1924 г., меры, предпринимаемые фашистским режимом для укрепления диктатуры – все это сеяло определенные сомнения в американских политических и общественных кругах относительно возможности иметь дело с криминальным режимом. На эти факторы указала в своем труде «Муссолини и Соединенные Штаты» Клаудиа Дамиани [4, р. 74–75, 78–79], однако, в целом они оказались несущественными. Американские руководящие круги были убеждены, что ревизионизм Муссолини является частью его риторики, но не имеет конкретного преломления. В своей империалистической, антизападной, антидемократической и антисоциалистической риторике Муссолини выступал как защитник Италии, «молодой и амбициозной» нации. Но когда он вступал на реалистическую почву международной политики, тогда он считал, что для Италии весьма своевременно двигаться с Соединенными Штатами в одном направлении [6, р. 559]. А что до убийства Маттеотти и принятия антилиберальных законов, то они, по мнению американских политических и деловых кругов, представляют собой определенную плату, которую Италия вносит за свою неспособность быть демократической страной [8, р. 343].

Исследователи сходятся в том, что основной причиной ориентации Италии на Соединенные Штаты являлось то обстоятельство, что для Италии гораздо выгодней было заручиться поддерж-

кой Штатов, нежели поддержкой Великобритании и, главное, Франции. В отличие от США, эти страны могли бы потребовать высокую политическую цену, которую фашистский режим никогда не смог бы оплатить. Важно и то, что между Италией и Соединенными Штатами отсутствовали территориальные и колониальные претензии, а существенная диспропорция в экономическом развитии определяла отсутствие мотивов для соперничества [8, p. 345].

Итало-американские отношения в первой половине 1930-х годов

В июне 1928 г., как пишет Мартелли, Муссолини говорил о США как о нации, которая в результате Первой мировой войны «стала играть величайшую, если не первостепенную роль в мировой истории» [10, p. 120]. Накануне поездки министра иностранных дел Италии Дино Гранди (занимавшего этот пост с 1929 по 1932 г.) в Америку, намеченную на конец 1931 г., глава итальянского фашизма вновь назвал США «самым великим, самым сильным и богатым государством мира» [10, p. 119]. Мартелли отмечает, что в период пребывания Гранди на посту министра иностранных дел Муссолини констатировал, что, если за это трехлетие Италия извлекла ощутимые выгоды от близости к Америке, эта близость стоила больших жертв итальянскому режиму. Дело в том, что, хотя США и не входили в Лигу Наций, в период президентства Гувера Штаты существенно сблизились и сотрудничали с женеvской организацией, выступили с инициативой проведения крупных конференций по разоружению на суше и на море. Однако разразившийся в октябре 1929 г. мировой экономический кризис и последовавшая за ним Великая Депрессия вызвали определенную корректировку внешнеполитического курса США. Штаты постепенно отходят от мировых инициатив, и Италия оказалась лишенной той политической и, главным образом, экономической поддержки с их стороны, которой она пользовалась в предшествующие годы.

Несмотря на возникшие трудности, Гранди попробовал продлить политические контакты с Вашингтоном. В ноябре 1930 г. он совершил официальный визит в Соединенные Штаты после того, как в июле 1930 г. принимал в Риме государственного секретаря

администрации президента Гувера Генри Стимсона. Более того, Италия поддержала американские предложения по разоружению и отмену германских репараций («мораторий Гувера»). Известный итальянский историк Ренцо Де Феличе полагал, что эта позиция Италии имела «только теоретически-пропагандистскую» ценность [5, р. 389]. Однако ряд исследователей, в частности, Мигоне, видит в данной позиции нечто большее. Италия намеревалась продемонстрировать Соединенным Штатам, что ее позиция противоположна французской, предполагавшей изоляцию и наказание Германии. Италия хотела показать, что ее «сыгранность» со Штатами правильна. Гранди и Муссолини, выступая на стороне англо-американцев против антигерманской политики Франции, в обмен ожидали от Лондона и Вашингтона адекватной «премии» [11, р. 219–267].

Однако политика Гранди, прозападная и фило-социетарная (в поддержку Лиги Наций) потерпела поражение [5, р. 371–373]. Мигоне так объясняет причины этого. Летом 1932 г. Великобритания сближается с Парижем, и Муссолини посчитал такую позицию Гранди бесплодной. Дуче в перспективе уже видел на горизонте полюс, альтернативный демократическому Западу, а именно – Германию. Муссолини полагал, что гитлеровская Германия, идеологически близкая фашизму, взрастила молодые кадры, с опорой на которые Италия сможет достичь своих целей [11, р. 273–274].

Победа демократов во главе с Франклином Д. Рузвельтом на выборах 8 ноября 1932 г. и приход в Белый Дом новой администрации, в большинстве своем представлявшей либеральное крыло демократической партии, могли бы вызвать определенные проблемы в итало-американских отношениях. Прагматические коннотации послевоенных итало-американских отношений могли бы смениться, как это случилось на начальном, кратковременном этапе, идеологическими коннотациями. Однако критические голоса в адрес фашистской диктатуры в Италии имели весьма незначительное воздействие, поскольку для США главным было то, что Италия оставалась оплотом антикоммунизма. Диалог между Италией и США продолжился.

Администрация Рузвельта «унаследовала внешнюю политику с ее традиционными основными направлениями и соответствующими им доктринами: Монро в Латинской Америке, “откры-

тых дверей” в Азии и изоляционизма в отношении Европы» [1, с. 283]. В связи с кризисом США переориентируются, прежде всего, на свои внутренние проблемы, перестают играть роль мировой стабилизационной державы.

«Новый курс» Ф. Рузвельта и итальянская корпоративная система

Интересный материал предоставляют исследования итало-американских отношений в период пребывания у власти администрации Рузвельта для понимания современной интерпретации проблемы итальянского фашистского корпоративизма. Отмечается, что на позитивные отношения между двумя странами в годы Великой Депрессии повлияла положительная реакция определенных американских кругов на итальянский эксперимент введения корпоративной системы. Многие расценивали ее как возможный инструмент выхода из экономического кризиса, как некий «третий путь» между капитализмом и социализмом, как систему, которая может положить конец социальному конфликту между хозяевами и работниками, а также как панацею преодоления мирового капиталистического кризиса.

Тема сравнения фашистского корпоративизма и американского «нового курса» стала предметом обсуждений с 1933 по 1937 г., оставалась предметом анализа в 70–80-е годы XX в. [7, 4, 15], а также в последние десятилетия¹. Отметим, что современная тенденция, объединяющая исследования по итальянскому фашистскому корпоративизму, состоит в том, чтобы вписать корпоративизм в ряд других антикризисных теорий, общей составляющей которых является регулируемая экономика, расширение экономических функций государства. Во многих публикациях последних лет, американских и итальянских, приводятся доказательства того, что провозглашенный администрацией Рузвельта «новый курс» во многом являлся, можно сказать, моделью итальянской корпоративной системы и рассматривался как возможность использования

¹ См.: Эман И.Е. Корпоративизм: современные подходы к исследованию итальянской фашистской системы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2021. – № 2. – С. 187–200.

итальянского опыта в области регулирования социально-экономических отношений.

Дж. Сантомассимо отмечает, что именно «фашистский корпоративизм стал одним из фундаментальных рычагов международного успеха фашизма» [14, р. 11]. Итальянский корпоративизм широко проник в дискурс американского общества, как показал Франческо Карлези [3]. В частности, историк приводит оценки американских журналистов, работавших в Риме, а также американских дипломатов – работников американского посольства в Риме итальянского фашизма, его главы, а также итальянской корпоративной системы. Карлези, ссылаясь на исследование Претелли [12], приводит высказывания американского посла в Риме с 1933 по 1936 г. Б. Лонга (впоследствии заместителя государственного секретаря), о фашистской корпоративной системе, как об одном из наиболее интересных политических экспериментов, не проводившихся со времен принятия американской конституции (3, р. 237–238). Посол также указывал на полезность изучения корпоративистского «третьего пути» в Соединенных Штатах. сотрудничество капитала и труда в рамках государства и новый тип профессионального представительства – эти аспекты получили высокую оценку американского посла. Карлези отмечает, что 1933–1936 гг. были периодом максимальной конвергенции обеих стран на экономическом и политическом уровнях, но не только. Несмотря на определенные проблемы в итало-американских отношениях, с установлением «нового курса» между Италией и США участились контакты на культурном и институциональном уровнях [3, р. 443].

Однако ряд современных исследователей (Карлези также в их числе) полагают, что различия между «новым курсом» и фашистским корпоративизмом были весьма существенны. Для Рузвельта государственное вмешательство в экономику предполагалось только в качестве переходного этапа для преодоления Великой Депрессии, но никогда не ставились под сомнения такие краеугольные положения, как либеральная демократия и капитализм. [8, р. 356].

По мнению М. Претелли, «очарование» определенных кругов американского общества фашистской корпоративной системой, несмотря на некоторый интерес и достаточно широкую дискуссию, «продлилось недолго» [12, р. 233]. Захват фашистской

Италией Эфиопии стал «первым ударом» по подобному вниманию к итальянскому корпоративизму в Америке. Претелли приводит текст отчета Карло Болди, руководившего поездкой итальянских фашистских университетских преподавателей в Америку в 1935 г., представленный Муссолини 29 ноября 1935 г., в котором Болди отмечает, что в итало-американской печати в период их пребывания в Америке, он «не смог прочесть ни одной достойной внимания статьи о фашизме и о современном развитии экономической корпоративной системы, которая в настоящее время действует в Италии» [12, р. 254].

Итальянская эмиграция в США

Что касается проблемы «итальянских американцев» – данный предмет раскрывает механизм пропаганды фашистской системы за океаном. Еще в джолиттианскую эпоху большое число итальянцев, особенно из Сицилии и Южных областей Италии, эмигрировало в Соединенные Штаты Америки. Речь шла о массовой эмиграции, что привело к достаточно напряженным отношениям между двумя странами. Следует отметить, что большинство итальянских эмигрантов оказывали поддержку и выражали симпатии фашистскому режиму. Но верно и то, что всего несколько тысяч итальянских эмигрантов официально вступили в фашистские организации, возникшие в США [8, р. 346], которые были разобщены и соперничали между собой.

Фашистский режим стремился показать итальянским американцам, что он не бросит их в одиночестве, и что эмигранты могут пропагандировать в Соединенных Штатах итальянский образ жизни. В США возникло большое количество ячеек, финансируемых Римом, деятельность которых с 1925 г. координировала Фашистская Лига Северной Америки. Среди эмигрантов распространяли фашистские или профашистские газеты (наиболее известна «Итало-Американский Прогресс»), молодым эмигрантам была предоставлена возможность использовать учебный период или каникулы для пребывания в Италии.

Следует отметить, что со временем лидеры итальянского фашизма начинают осознавать серьезность опасений американских правительственных кругов относительно деятельности фаши-

стских и профашистских организаций, и к концу 1929 г. деятельность Североамериканской Фашистской Лиги была свернута. Однако Италия не перекрыла все каналы своей пропаганды в Северной Америке, но начала проводить более сдержанную пропагандистскую политику. Однако вопрос относительно эмигрантских потоков из Италии оставался предметом определенных трений в итало-американских отношениях, особенно с введением Штатами квот для въезжавших итальянских безработных, что поставило Италию перед серьезной проблемой занятости и даже явилось одним из мотивов отмены запланированного на 1924 г. визита в Вашингтон короля Виктора Эммануила III [4, р. 59–61].

Нападение фашистской Италии на Эфиопию и итало-американские отношения

Современная историография в своем большинстве считает нападение фашистской Италии на Эфиопию в 1934 г. тем событием, которое коренным образом изменило отношение американской администрации, Конгресса, американского общества в целом к фашистской Италии, за исключением филофашистских американских кругов. В августе 1935 г. Конгресс принимает первый закон о нейтралитете, вступивший в силу с октября месяца, и продленный в феврале 1936 г., согласно которому запрещался экспорт оружия в воюющие страны (к таковым относилась и Италия), а также кредитование воюющих стран. Феррайоли, ссылаясь на ряд исследований, отмечает определенный поворот в американском общественном мнении уже в 1932–1933 гг. Тем более, что начиная с 1935–1936 гг. американцы оказались свидетелями таких последовавших друг за другом событий, как война в Эфиопии, формирование так называемой «Оси» Берлин–Рим, поддержка Италией франкистов в войне в Испании, присоединение вместе с Японией и Германией к антикоминтерновскому Пакту, введение в 1938 г. расистских законов.

Феррайоли признается, что, за исключением Шмица, который, на его взгляд, переоценивает вес Италии в развитии американской внешней политики межвоенного периода, скорее правы те историки (например, Мартелли), которые отмечают снижение интереса, определенное безразличие американского истеблишмента

и общества в целом в отношении Италии. В Америке на первый план выходят собственные социальные и экономические проблемы, политика изоляционизма, как о том свидетельствовало принятие изоляционистских законов¹. «Широкий резонанс внутри и за пределами США получила “карантинная” речь Рузвельта в Чикаго 5 октября 1937 г. Президент в резких выражениях говорил о “существующих режимах террора”, которые грубо попирают международное право и создают угрозу основам цивилизации» [1, с. 307]. Следует заметить, однако, что в целом государственно-политическая система фашистской Италии, ее идеология, оставались вполне приемлемы для американского истеблишмента прежде всего как оплот антикоммунизма.

Фульвио Сувич, заместитель министра иностранных дел с 1932 по 1936 г., а затем посол в Вашингтоне в феврале 1937 г., констатировал, что уже к моменту прихода Гитлера к власти американское общественное мнение было убеждено в том, что Германия весьма привлекает Италию. Последняя начинает постепенно отдаляться от США, что стало еще более очевидным с захватом фашистской Италией Эфиопии [5, p. 237].

Отметим, что большинство исследователей делят двусторонние отношения между Италией и Штатами на два периода. До 1935 г. эти отношения развивались в позитивном ключе, хотя подчас «пробегали тучи». С 1935 г. отношения характеризуются все более растущим взаимным недоверием. Иной точки зрения придерживается Шмиц. Как верно заметил Феррайоли, этот исследователь во имя идеи антикоммунизма часто преуменьшал разногласия и определенное взаимное непонимание между Италией и США вплоть до 1940 г. Американский историк даже после начала Второй мировой войны не усматривал кризиса во взаимоотношениях двух стран.

Изучение эволюции итало-американских отношений в период, последовавший за приходом Гитлера к власти, помогает прояснить вопрос, когда произошел поворот Италии в сторону Германии. На этот счет существуют различные точки зрения. Арнальдо Момильяно, по свидетельству Феррайоли, относит «нацификацию» Италии к 1932–1933 гг. [8, p. 352]. Однако Федерико Шабо

¹ Новый, бессрочный закон о нейтралитете был принят 1 мая 1937 г.

считает, что утверждение о существовании в 1932–1933 гг., пусть даже в зародыше, союза между Италией и Германией, который был заключен между странами в 1939 г., весьма некорректно. И Муссолини, и гитлеровская Германия должны были пройти еще длительный временной путь, прежде чем объединиться в союз. Отношения между странами переживали как периоды сближения, так и отдаления, прежде чем дуче смог заявить, что в Гитлере он нашел своего «естественного союзника».

Большинство историков, занимающихся дипломатической историей и изучивших огромный массив документов, поддерживают концепцию Шабо. Другое направление полагает, что обе страны имели определенное взаимное притяжение уже с момента прихода Гитлера к власти. Наиболее авторитетным представителем данного направления считается Р. Де Феличе. Он также относит консолидацию итало-германских отношений к более раннему периоду – со второй половины 1930 г. когда Гранди перестал возглавлять Министерство иностранных дел, и когда нацисты победили на выборах в Германии. Конечно, в Италии еще не был запущен процесс «нацификации», как считал Момильяно, однако Германия начинает оказывать все более значительное влияние на итальянскую идеологию [5, p. 430].

Эмилио Джентиле отмечал, что «приход к власти Гитлера создавал «в итальянском фашизме убежденность, что близок час эпохального поворота, появления радикальной альтернативы европейской цивилизации, и что неизбежно столкновение между “старыми”, переживающими период упадка европейскими демократиями и молодыми, сильными нациями, перерожденными фашистскими или фашиствующими режимами» [9, p. 48–49].

Признанный специалист по истории итальянского фашизма, д-р ист. наук, профессор Уральского Федерального ун-та В.И. Михайленко [2] вписал вопрос о сближении позиций Италии и Германии в концепцию «параллельной» стратегии. Как подтверждают современные исследования, развитие внешнеполитической стратегии фашистского государства шло от европеизма итальянского либерального государства конца XIX – начала XX в., к его критическому осмыслению. С приходом к власти Муссолини европеизм становится предметом дискуссии. Затем, с появлением мощного ревизионистского центра в лице нацистской Германии, как убеди-

тельно показал Михайленко, формируется «параллельная» стратегия Муссолини, т.е. возможность для Италии реализовать собственную экспансионистскую программу в параллели с будущими союзниками – Германией и Японией [2, с. 8–9].

Анализ итало-американских отношений 1920-х – начала 1930-х годов, как следует из оценок итальянских и англо-американских исследований, подтверждает вывод Михайленко относительно того, что Муссолини стремился сохранить связи с Версальской системой и обеспечить Италии положение великой державы. В то же время США во имя политики антикоммунизма, начали оказывать Италии определенные знаки политического, экономического и финансового «внимания». Соединенным Штатам, имевшим огромный финансовый и экономический потенциал, удалось занять центральное положение, определившее развитие внешней политики Италии. 1920-е годы стали «знаковыми» с точки зрения поворота Италии в сторону Америки.

Однако Великая Депрессия 1929 г. и ее последствия, прежде всего прекращение финансирования Италии, остановка американских инвестиций привели к тому, что во внешнеполитических ориентирах Италия поначалу ослабевает, а затем исчезает признание первостепенной роли США. Итальянская внешняя политика в лице своих дипломатических ориентиров возвращается к европеизму, который, по мнению Михайленко, существовал в трех вариантах: первый был приспособлен к условиям Версальской системы, второй разрабатывался в рамках итальянской концепции, а затем приспособливался к германской политике «жизненного пространства», третий планировался в расчете на сохранение и приспособление фашистского режима к условиям послевоенной реконструкции Европы, осуществляемой под эгидой США и Великобритании [2, с. 77]. В реализации «параллельной» стратегии и поддержания баланса сил, фашистская Италия сместила свою политику «решающего веса» в сторону Германии, не отказываясь в принципе от диалога и сотрудничества с западными демократиями.

Список литературы

1. История США : в четырех томах. Том третий. 1918–1945. – Москва : Наука, 1985. – 671 с.

2. Михайленко В.И. «Параллельная» стратегия Муссолини: внешняя политика фашистской Италии (1922–1940) : в 3 т. Т. 1. Фашистская Италия в Версальской системе (октябрь 1922 – август 1939). – Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2013. – 342 с.
3. Carlesi F. Il brain trust di Roosevelt davanti al corporativismo fascista // Nuova rivista storica. – 2021. – N 2. – P. 443–459.
4. Damiani C. Mussolini e gli Stati Uniti 1922–1935. – Bologna : Cappelli, 1980. – 325 p.
5. De Felice R. Mussolini il duce. Gli anni del consenso, 1929–1936. – Torino : Einaudi, 1996. – 945 p.
6. De Felice R. Mussolini il fascista. La conquista del potere 1921–1925. – Torino : Einaudi, 1995. – 802 p.
7. Diggins J.P. Mussolini and Fascism: The View from America. – Princeton : univ. press, 1972. – XX, 524 p.
8. Ferraioli G. Le relazioni americane durante il fascismo. Alcune riflessioni alla luce della ricerca storiografica // Nuova rivista storica. – 2022. – N 1. – P. 333–370.
9. Gentile E. Fascismo. Storia e interpretazione. – Roma-Bari : Laterza, 2002. – XIV, 324 p.
10. Martelli M. Mussolini e l'America. Le relazioni italo-americane dal 1922 al 1941. – Milano : Mursia, 2006. – 362 p.
11. Migone G.G. Gli Stati Uniti e il fascismo. Alle origini dell'egemonia Americana in Italia. – Milano : Feltrinelli, 1980. – 404 p.
12. Pretelli M. La “terza via” corporativa fascista e la sua ricezione negli Stati Uniti // Rivista storica italiana. – 2019. – N 1. – P. 233–255.
13. Quartoraro R. I rapporti italo-americani durante il fascismo (1922–1941). – Napoli : Edizioni Scientifiche Italiane, 1999. – 304 p.
14. Santomassimo G. La terza via fascista. Il mito del corporativismo. – Roma : Carocci, 2006. – 317 p.
15. Schmitz D.F. The United States and Fascist Italy, 1922–1940. – Chapel Hill ; London : Univ. of North Carolina press, 1988. – 273 p.

УДК 172.15; 303.446.4; 94(477) DOI: 10.31249/hist/2024.01.04

БАБЕНКО О.В.* СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ИСТОКАХ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА (2013–2023)

Аннотация. В статье анализируется современная отечественная историография проблемы истоков украинского национализма. Происхождение последнего рассматривается по трем периодам: эпоха феодализма, XIX в., XX в. Большая часть исследователей склоняется к мнению о том, что украинская национальная идеология зародилась в XIX в. Одни считают авторами «украинского проекта» поляков, стремившихся возродить исчезнувшую в XVIII в. с карты Европы Речь Посполитую, а другие – власти антироссийски настроенной Австро-Венгрии.

Ключевые слова: истоки украинского национализма; современная российская историография об украинском национализме.

BABENKO O.V. Modern russian historiography about the origins of ukrainian nationalism (2013–2023).

Abstract. The article analyzes the modern domestic historiography of the problem of the origins of Ukrainian nationalism. The origin of the latter is considered in three periods: the era of feudalism, the XIXth century, the XXth century. Most researchers tend to believe that the Ukrainian national ideology originated in the XIXth century. Some consider the Poles to be the authors of the “Ukrainian project”, who sought to revive the Polish-Lithuanian Commonwealth, which disap-

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

peared from the map of Europe in the XVIIIth century, the others – the authorities of anti-Russian Austria-Hungary.

Keywords: origins Ukrainian nationalism; modern Russian historiography on Ukrainian nationalism.

Для цитирования: Бабенко О.В. Современная российская историография об истоках украинского национализма (2013–2023) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5 : История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 81–98. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.04

Введение

В настоящее время продолжают выходить статьи, авторы которых пытаются осмыслить истоки и суть украинского национализма, выявить их связь с современностью. Острое звучание в России украинской темы обусловило широкий разброс мнений в отечественной историографии об истоках украинского национализма. Тем не менее до сих пор не выработано единого определения национализма и подхода к его изучению. Это связано главным образом с тем, что национализм – явление многогранное, и невозможно сформулировать такое его определение, которое в полной мере соответствовало бы его сути. Большая часть исследователей рассматривает украинский национализм в конструктивистской парадигме, в которой украинцы представлены как отдельная этническая группа, выделенная на основе культурной самоидентификации по отношению к другим национальностям.

Предпосылки украинского национализма

Некоторые исследователи ищут истоки украинского национализма в истории Древней Руси и средневековой России. А. Гусев видит его преддверие в истории домонгольской Руси, когда князь Андрей Боголюбский (1157–1174), взявший в 1169 г. Киев, с его точки зрения, провел размежевание между северной и южной Русью [4, с. 73]. После этого, как утверждает исследователь, резиденция старшего русского князя в «матери городов русских» была упразднена, а Киев стал провинциальным городом [там же]. В действительности, никакой четкой границы между северной и южной

Русью не было. В Киевской Руси не существовало национального вопроса и, соответственно, самого понятия украинского национализма, восточные славяне жили в рамках единой этнической общности и говорили на одном языке – старославянском. Поиски глубоких корней украинского национализма связаны, на наш взгляд, с обострением российско-украинских отношений, а выводы о его древних истоках не выдерживают критики.

Тем не менее Гусев не единственный исследователь, занимающийся поисками корней украинского национализма в истории Древней Руси. Его мнение разделяют Д.А. Белашенко и А.Е. Цымбалова, полагающие, что истоки украинского национализма «относятся к периоду феодальной раздробленности Древнерусского государства и культурно-религиозного притеснения православного населения Речи Посполитой» [1, с. 70]. С.С. Жильцов тоже утверждает, что «истоки украинского национализма уходят в глубь веков...» [7, с. 26].

Некоторые ученые отмечают, что в эпоху феодализма земли, находящиеся на западе современной Украины, прошли особый путь. В конце XII в. при волынском князе Романе Мстиславиче (1170–1205) возникло Галицко-Волынское княжество. В 1203 г. он покорил Киев и принял титул великого князя, а его княжество стало одним из крупнейших государств Европы. Однако уже в 1240 г. Галицко-Волынское княжество было разорено монголо-татарами, а в XIV в. входившие в него земли были включены в состав Польши (галицкая земля) и Литвы (Волынь). Белашенко и Цымбалова замечают, что особенности исторического развития и географическое положение способствовали обособлению западных территорий современной Украины и установлению ими «тесных культурных, религиозных и политических связей с западными государствами» [1, с. 71]. Но они не поясняют, какими были связи южнорусских земель с Европой.

С нашей точки зрения, начать следует с Речи Посполитой – ближайшего соседа России. Широко известно, что связи жителей южнорусских земель с Польшей и Литвой носили характер насильственного насаждения католицизма и жесткой дискриминации русского населения. Как пишут В.А. Кутепов и С.В. Рыбаков, в XVI–XVII вв. в Речи Посполитой было запрещено делопроизводство на русском языке, у православных общин отнимались храмы и

монастыри, запрещалось православное богослужение, подвергались нападению русские школы и дома [11, с. 22]. Поэтому отдаленные истоки украинского национализма можно усмотреть и в польском гнете, хотя говорить об этом явлении в эпоху Средневековья неуместно. Современное понятие нации появилось лишь во второй половине XVIII в. А тесные связи малороссийских земель с Западом устанавливались позднее – в конце XVIII–XIX вв. – после разделов Польши.

Ряд ученых находят предпосылки формирования украинской идентичности в эпохе Гетманщины. Однако из доказательных рассуждений Гусева следует, что в XVII в. в Восточной Европе не существовало государственного образования, которое можно было бы назвать предшественником современной Украины [4, с. 73]. И это соответствует действительности. Казачество того времени делилось на реестровое и запорожское. Первое находилось на службе у короля Речи Посполитой и имело привилегии, которых не было у запорожского казачества. Административные функции выполняла небольшая по численности верхушка этих групп казачества. Главное отличие казаков от поляков виделось в приверженности первых православию. Казачество присоединилось к России по решению Переяславской Рады 1654 г. и принесению присяги православному государю. «Этнический и национальный аспекты никогда не подчеркивались», – констатирует Гусев [там же]. Не вызывает сомнения тот факт, что Гетманщина в составе России была лишь автономией запорожского казачьего войска, а не прообразом современного украинского государства. Да и Запорожская Сечь – это не более чем собирательное название ряда административных центров днепровского низового казачества XVI–XVIII вв., а не самостоятельное государство.

Другой исследователь, Б.В. Сафронов, утверждает, что формирование украинского национального движения началось с Богдана Хмельницкого (1595–1657) [18, с. 11]. Ученый считает, что в политической программе Хмельницкого содержались элементы будущей украинской националистической идеологии. Он противопоставил казачество полякам, а после своих военных побед казачество «стало восприниматься как некая новая национальная общность, основанная на исторических традициях и особенностях уклада повседневной жизни» [18, с. 11]. Однако эта точка зрения

весьма сомнительна. Хмельницкий действительно противопоставил казаков полякам, но в его Мартовских статьях 1654 г., хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины (г. Киев), он называет свою Родину и свой народ «российским миром» [14]. Опираясь на эти материалы, невозможно признать наличие в программе Хмельницкого зачатков украинского национализма. Более того, нельзя не согласиться с мнением Кутепова и Рыбакова, которые полагают, что Хмельницкий в конечном счете выбрал православную Россию, а не Польшу или Османскую империю, в соответствии с действовавшей в то время шкалой мировоззренческих ценностей [11, с. 21].

В 1654 г. был подписан Переяславский договор, согласно которому казачьи земли присоединялись к Московскому государству под названием «Малая Россия» или «Малороссия». Следует отметить, что некоторые современные авторы [6; 11] неправомерно используют термины «Украина» и «украинцы» применительно к казачьим землям и казакам XVII в. С нашей точки зрения, это совершенно недопустимо, поскольку в то время не было ни топонима «Украина», ни этнонима «украинцы». Тем не менее Кутепов и Рыбаков полагают, что в XVII в. произошло воссоединение Восточной Украины (!) с Россией [11, с. 20]. Между тем достаточно обратиться к классике российской историографии для того, чтобы почерпнуть уместную в данном случае терминологию: замечательный российский историк В.О. Ключевский писал о Малороссии и малороссийском (не украинском!) вопросе [10, с. 109]. Экскурс в историю термина «Украина» проводит С.Б. Павлов, который замечает, что понятие «украина» с древних времен было синонимом слова «окраина» и означало пограничные области. В России «украинами» называли любые пограничные земли, включая сибирские, а в Польше – Киевское, Брацлавское и Подольское воеводства [16, с. 161].

Общепринято считать, что на формирование национальной идентичности малороссов оказал заметное влияние казачий фактор. Так, Гусев проводит мысль о том, что «национальная идея Малороссии XVII – начала XIX в. вовсе не является украинской – это идея казачья...» [4, с. 73]. Казаки сформулировали ее с целью подтвердить свое право на вольности. Казачье влияние можно усмотреть в появлении «Истории русов, или Малой России», напи-

санной предположительно в конце XVIII в. В данном сочинении история Украины впервые подавалась как история обособленного государства, имеющего самостоятельную историческую миссию. А Сафонов пишет, что «История русов» представляла собой сфальсифицированную историю украинского народа, но при этом «она стала программным документом украинских националистов» [18, с. 12].

Повествование в «Истории русов» заканчивается 1769 г., следовательно, написано оно в правление Екатерины II. Вопрос об авторстве этого труда считается дискуссионным. Сафонов полагает, что его автором мог быть малороссийский писатель Григорий Полетика [там же]. Гусев приводит аналогичную точку зрения [4, с. 74]. Еще одним сочинителем этого труда называли архиепископа Георгия Конисского, но многие историки с этим не соглашались. Так, С.Д. Шокин подчеркивает, что это произведение было впервые опубликовано **польским историком В. Мацеевским** (сохранено выделение автора. – *О. Б.*) в 1839 г. в книге «Памятники древней письменности и права славян» [20, с. 91]. Вацлав-Александр Мацеевский (так правильно транслитерируется эта фамилия. – *О. Б.*) действительно первым опубликовал «Историю русов», но при этом был пропагандистом идеи общеславянского единения.

В «Истории русов» впервые встречается упоминание об обособленной этничности малороссийских казаков: казаки происходят от хазар. При этом цитируются неизвестные науке документы, скорее всего вымышленные. Прослеживается попытка «состарить» историю гетманства на два столетия и представить его вхождение в состав Литвы как объединение двух государств. Совершенно очевидно, что автор этого сочинения имел целью подчеркнуть особый исторический путь казачества и его «благородный» статус. Однако, как пишет Гусев, большая часть казаков происходила из русских беглых крестьян [4, с. 74].

Российские исследователи признают влияние польского элемента на формирование украинофильства, которое действительно имело место. Так, Шокин называет одним из отцов «украинского проекта» польского писателя Яна Потоцкого (1761–1815) [20, с. 90]. В своей книге «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» (1795 или 1796) Потоцкий писал, что

украинцы являются народом, отдельным от русского и имеющим самостоятельное происхождение.

В последней трети XVIII в. Россия приняла участие в разделах Польши, присоединив к себе практически все земли современной Украины, за исключением Галиции и Закарпатья. На присоединенных территориях наибольшим влиянием обладала местная политическая элита, взгляды которой сформировались на основе польских традиций. Как отмечают Белащенко и Цымбалова, одним из последствий этого стало возникновение в России украинофильства [1, с. 70]. А Шокин считает, что «украинский проект» зародился на рубеже XVIII–XIX вв. как ответ польской шляхты Российской империи на разделы Речи Посполитой [20, с. 90]. И это совершенно справедливо, поскольку данный проект призван был способствовать возрождению Польского государства в его прежних границах.

Формирование украинской национальной идеи в XIX в.

Украинская национальная идея формировалась на протяжении всего XIX столетия под влиянием текущей ситуации и новомодных тенденций. Благодаря распространенному в эту эпоху течению «романтического национализма» тенденции украинофильства развивались в среде петербургской и московской интеллигенции. При этом «украинство» было замешано на русофобии, что нашло отражение как в художественной литературе, так и в научных и околонаучных трудах.

Некоторые современные исследователи справедливо полагают, что нет свидетельств существования украинской идентичности раньше XIX в. [8; 16, с. 159]. А Гусев утверждает, что XIX век был эпохой становления «фольклорно-культурного» направления в украинской национальной идее [4, с. 74]. Действительно, именно в это столетие формируется украинский литературный язык, которым, однако, простые обыватели не владели.

Какой смысл изначально вкладывался в украинский национализм? Сафонов правомерно считает, что в начале XIX в. он формировался на теоретическом уровне [18, с. 13]. Идея об исключительности украинской нации проводилась в том числе и в художественной литературе – в произведениях Т.Г. Шевченко (1814–

1861) и П.А. Кулиша (1819–1897). Сафронов полагает, что именно Шевченко «определил ценностные ориентации и пути воплощения национальных идеалов» [18, с. 13]. В своих произведениях он создал образ независимой Украины, считая, что Москва обманула Киев при подписании Переяславского договора, и союз получился неравным.

В связи с этим возникает вопрос о том, в каких еще произведениях встречаются националистические идеи. Е.П. Лезина и Я.В. Силантьева утверждают, что основы теории украинского национализма содержатся в «Книге бытия украинского народа» (1846), написанной Н.И. Костомаровым и Н.И. Гулаком [13, с. 222]. Оба автора были членами Кирилло-Мефодиевского братства – тайной организации, появившейся в Киеве в 1846–1847 гг. Братство уделяло особое внимание проведению научных исследований в области украинской истории, языка и фольклора. Белашенко и Цымбалова считают его появление целым «этапом развития украинского национализма» [1, с. 71]. Шокин подчеркивает, что именно в документах Кирилло-Мефодиевского общества впервые прозвучало слово «Украина» в значении названия страны, а ее население именовалось отдельным народом («братья украинцы», «жители Украины обеих сторон Днестра» и т.д.) [20, с. 94]. Рассуждения современных ученых об этнониме «Украина» завершает вывод Н.Я. Лактионовой, констатировавшей, что в XIX в. название «Украина», а точнее «Малороссия», являлось географическим, а не этнографическим понятием [12, с. 27].

Гусев именует «программным документом» украинского исторического сепаратизма книгу Н.И. Костомарова «Две русские народности» (1885) [4, с. 74]. В ней русские были впервые разделены по национальному принципу – на великорусскую и южнорусскую народности. Однако идея украинской культурной самобытности не носила политической окраски до того времени, пока этой проблематикой не начали заниматься польские исследователи. Полякам нужно было создать внутренний конфликт в Российской империи для того, чтобы восстановить Польшу в границах 1772 г., включавших в себя Правобережную Украину. Белашенко и Цымбалова подчеркивают, что именно поляки пытались распространить в Российской империи свои теории о существовании отдельных русской и украинской наций [1, с. 70]. Однако использование

украинского фактора не помогло полякам во время закончившегося поражением восстания 1830–1831 гг. Кроме того, рассуждения о существовании отдельной украинской нации противоречили уваровской «теории официальной народности», согласно которой русские считались «триединой» нацией, состоявшей из великороссов, малороссов и белоруссов.

Ряд ученых уточняют, кто именно внес большой вклад в развитие украинского национализма. Так, Лезина и Силантьева выделяют польского историка Францишека Духинского (1816–1893), написавшего, что русский народ не славянский, а представитель «туранского племени», как и монголы, а этноним «русские» по праву принадлежит малороссам [13, с. 222]. О популярности идей Духинского пишут также Белашенко и Цымбалова. Они тоже подчеркивают, что поляк считал русских потомками азиатских кочевников, говорящими на искаженном церковнославянском языке [1, с. 72].

Шокин причисляет к отцам «украинского проекта» польского общественного деятеля Тадеуша Чацкого (1761–1815) [20, с. 90]. Чацкий в своем труде «О названии “Украина” и зарождении казачества» (1801) высказал мысль о том, что украинцы – народ не славянский, а ведущий свою родословную от кочевой орды укров, якобы переселившихся в Поднепровье из-за Волги еще в VII в.

Таким образом, многие исследователи четко определяют время появления украинской национальной идеи и называют имена ее создателей. А к какому времени относится зарождение украинского национального движения? По мнению А.Н. Егорова, к началу XIX в. [5, с. 21]. Он подчеркивает, что движение было сначала аполитичным, а суть его нашла свое отражение в исторических и филологических исследованиях. Однако в 1840-е годы оно подверглось политизации в связи с деятельностью Кирилло-Мефодиевского братства [там же].

В связи с этим возникает еще один вопрос: на каких территориях начал формироваться украинский национализм? Белашенко и Цымбалова считают, что на территориях Российской и Австрийской (впоследствии Австро-Венгерской) империй [1, с. 70]. Но существует и более категоричное мнение. К примеру, В.Н. Гурба утверждает, что украинский национализм возник в конце XIX – начале XX в. в Галиции, входившей в состав Австро-Венгерской

империи, как антироссийский проект властей Австро-Венгрии, основанный в конфессиональном плане на униатстве и сделавший «возможным рост экстремизма и ненависти по отношению к России и русским как врагам украинской самостоятельности, и евреям и полякам, проводникам политики угнетения украинцев...» [3, с. 26].

Таким образом, некоторые исследователи считают виновниками появления украинского вопроса либо поляков, либо власти Австро-Венгрии. Обе точки зрения подтверждаются историческими фактами. Но есть и такие специалисты, которые не умаляют значения малороссийского фактора в становлении украинского национализма. К ним относится, в частности, Жильцов, который считает одним из таких идеологов ученого, публициста и общественного деятеля М.П. Драгоманова (1841–1895). Он выступал за отделение Украины от России, полагая, что Украина должна достичь положения, равного ведущим европейским державам. Один из его научных выводов сводился к тому, что «в целом под правлением России украинцы более потеряли, чем приобрели» [7, с. 26].

Российские власти действительно чинили препятствия малороссам, в частности, в деле украиноязычного книгопечатания. Так, во время польского восстания 1863–1864 гг. поляки в очередной раз попытались привлечь на свою сторону малороссов. Эти действия стали известны правительству. В ответ на них были изданы Валуевский циркуляр 1863 г. и Эмский указ 1876 г., смысл которых сводился к запрету ввоза из-за границы книг на украинском языке, а в конечном счете – к запрету книгопечатания на «малороссийском наречии». В итоге часть наиболее активных украинских националистов была вынуждена эмигрировать в Галицию и искать поддержку у Запада. Белашенко и Цымбалова подчеркивают, что украинский национализм распространялся «сверху», в среде политических элит западных государств, а не «снизу» – между простых малороссов [1, с. 71].

В украинских делах немаловажную роль сыграл и внешнеполитический фактор. Так, Лезина и Силантьева обратили внимание на противостояние в XIX в. двух полюсов: «пангерманского» (Германия, Австро-Венгрия) и «панславянского» (Россия, Сербия). Россия стремилась к объединению всех славянских народов под своей эгидой, а Австро-Венгрия пыталась этому противодействовать. Не вызывает сомнений утверждение Лезиной и Силантьевой

о том, что украинские земли, входившие в состав Российской империи, были козырной картой Запада в борьбе с Россией [13, с. 222]. Сафронов же дополняет это утверждение следующим фактом: Германия и Австро-Венгрия стремились использовать всплеск этнического самосознания в малороссийских губерниях Российской империи, который пришелся на 1880-е годы, для достижения своих политических целей [18, с. 11].

Топоним «Украина» и украинский национализм в XX в.

Продвижение украинской национальной идеи изначально было направлено на формирование национального самосознания, но в конце XIX – начале XX в. она обрела политический смысл, заключавшийся в достижении государственной независимости. А идеологическая риторика, по мнению С.Л. Кандыбовича и Т.В. Разиной, начала приобретать ксенофобский характер [8].

В начале XX в. из австрийской Галиции в Малороссию распространялась националистическая пропаганда, которая призвана была способствовать развалу Российской империи. Украинская карта использовалась Австро-Венгрией и Германией в качестве оружия в борьбе против России. Как пишет Павлов, перед Первой мировой войной германский канцлер Б. Бюлов, Э. фон Гартман и П. Рорбах строили проекты вычленения из состава Российской империи юго-западных украинских областей [16, с. 161]. К ним собирались применить топоним «Украина», но проекты провалились. Тем не менее немцы помогали украинским националистам в финансовом отношении, вели националистическую пропаганду на территории Российской империи. А в Галиции людей под страхом смерти «заставляли объявлять себя украинцами» [16, с. 162].

В связи с этим возникает вопрос о местных идеологах украинского национализма первой половины XX в. Т.С. Гузенкова пишет, что в начале XX в. весомый вклад в обоснование идеологии украинского национализма внес политический и общественный деятель Н.И. Михновский (1873–1924) [2, с. 33]. Его самые известные работы: «Самостийная Украина» (1900) и «Десять заповедей УНП¹»

¹ УНП – Украинская национальная партия, осуществлявшая свою деятельность на оккупированных Румынией украинских землях в 1927–1938 гг. – *Прим. авт.*

(1904). Именно ему принадлежит следующее высказывание: «Украина для украинцев! Так выгони отовсюду с Украины чужаков-угнетателей» [цит. по: 2, с. 34]. Фигура Михновского и сейчас пользуется большой популярностью у властей Украины и радикальной части украинского общества.

Большой интерес представляют собой воззрения идеологов партии русских националистов начала XX в. – Всероссийского национального союза (ВНС). В целях понимания отношения русской политической элиты к феномену украинского национализма к ним обращается П.Б. Стукалов [19]. Теоретики ВНС разрабатывали концепцию конструктивной национальной политики, проведение которой обеспечивало бы развитие России как русского национального государства. Они не рассматривали украинский национализм в качестве реальной общественно-политической силы, констатировали отсутствие традиций украинской государственности и считали реализацию идеи создания независимого украинского государства несостоятельной. Более того, руководство ВНС полагало, что украинский национализм не имел широкой социальной базы, «представляя собой движение “верхов” при полном равнодушии простого народа» [19, с. 365].

Следует отметить, что до XX в. украинский национализм не был востребован, поскольку, как справедливо указывает Гусев, «украинский народ не считал себя особым по отношению к народу Великороссии» [4, с. 75]. Он приводит в своей статье отрывок из воспоминаний будущего министра труда УНР В.В. Садовского, в котором сказано, что в 1904 г. в Киеве повсюду звучал русский язык [там же]. Гусев считает, что речь украинского села была отличной от русской, но это не был украинский литературный язык [там же]. Это утверждение представляется нам верным, поскольку на Украине в сельской местности и сейчас говорят на суржике.

Из рассмотренных нами публикаций только статья Лактионовой дает четкое представление о том, когда были законодательно закреплены топоним «Украина», этноним «украинцы» и термин «украинский язык» [12, с. 28–29]. В июле 1917 г. было принято постановление Временного правительства «Об образовании Генерального Секретариата в качестве высшего органа управления краевыми делами на Украине». В нем было сказано, что в составе Российского государства создается особая область под названием

«Украина», население которой в государственных актах будет именоваться «украинцами», а его язык – «украинским».

Многие исследователи признают, что государство Украина было создано В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Однако, как подчеркивает Гусев, первое украинское государство – Украинская народная республика (1918) – не продержалось и года [4, с. 75]. Впоследствии УНР восстановили, но она довольно быстро была окончательно упразднена.

В 1920-е годы и в начале 1930-х годов в СССР осуществлялся курс на коренизацию, в которую включалась украинизация. После Гражданской войны территория Советской Украины расширилась за счет новых регионов, не имевших отношения к украинской культуре [1, с. 72]. Акцент на «украинство» был весьма спорным и подвергался жесткой критике даже в номенклатурной среде. Гусев приводит удручающий факт: советские власти выплачивали пенсии украинским писателям и их семьям, эмигрировавшим за границу, в том числе семье Ивана Франко [4, с. 75]. В то же время некоторые украинские националисты смогли вернуться на территорию советской Украины, например, историк М.С. Грушевский (1866–1934), автор «Истории Украины-Руси», в которой Киевская Русь рассматривалась как форма украинской государственности. Грушевский вел историю украинцев от славянских племен антов, а русским приписывал «значительное влияние финно-угорского компонента» [2, с. 33].

Предпосылки формирования современного украинского национализма отчасти заключены в политике украинизации. Гусев справедливо полагает, что процесс украинизации позволил кодифицировать украинскую письменность, создать украиноязычную систему образования и оформить украинскую государственность, пусть даже в рамках СССР [4, с. 75]. Он считает Украину правопреемницей УССР, поскольку именно в советский период были реализованы потребности украинской интеллигенции в государственности [там же].

А.В. Осташевский утверждает, что теоретические основы украинского национализма были заложены после Первой мировой войны [15, с. 34]. Главным идеологом украинского национализма он считает философа и государственного деятеля Д.И. Донцова (1883–1973). С ним соглашается Жильцов, который делает упор на

мысль Донцова о том, что национальная идея должна быть «аморальной», т.е. несоответствующей общепринятым ценностям, и тезис об извечной борьбе наций (рас) [7, с. 28]. Его идеи легли в основу политической платформы ОУН. А С. Бандера по окончании Великой Отечественной войны повторил слова Донцова: «Врагом был не только данный режим – царский или большевистский; сама московская нация» [цит. по: 7, с. 28].

Другим идеологом украинского национализма Жильцов называет историка и философа В.К. Липинского (1882–1931). Последний считал, что государство творит нацию, а не наоборот. Поэтому народ («этнографическую массу») нужно организовывать с помощью государства. Жильцов приводит схему плана действий Липинского: польская шляхта с помощью государственных структур должна организовать силовыми методами «пассивную украинскую этнографическую массу» [7 с. 27].

Украинский национализм имел опору в виде соответствующих организаций, возникших в 1920-е годы: Украинской войсковой организации (УВО), Группы украинской националистической молодежи, Лиги украинских националистов (включавшей в себя Союз украинских фашистов), Союза украинской националистической молодежи. В 1929 г. они объединяются в Организацию украинских националистов (ОУН). В.Г. Кикнадзе ищет истоки украинского национализма в деятельности последней организации, которая в начале 1930-х годов «декларировала цель – создать свое “самостійне” государство» [9].

Однако не только Кикнадзе видит истоки украинского национализма в той эпохе, когда он уже был достаточно развит. Так, например, Н.В. Работяжев убежден в том, что украинский национализм зародился в Восточной Польше в 1920–1930-е годы, а его политическим воплощением стала ОУН [17, с. 518]. Стратегические цели украинского национализма были сформулированы еще на Первом Конгрессе ОУН в 1929 г. – «построение соборного украинского государства на всех украинских этнографических территориях» [15, с. 38]. ОУН определила границы будущей Украины, в состав которой должны были войти части территорий Польши, Чехии, Белоруссии, России, Молдавии, Румынии, Венгрии, Словакии, а на юге России границы должны были простирались вплоть до Чечни [15, с. 39]. Более того, как пишет Осташевский, к 1940 г.

видение этнографического пространства Украины ОУНовцами изменилось в сторону увеличения [15, с. 39].

Если же обратиться к истокам современного украинского национализма, то этот вопрос поднимает Жильцов. Он находит истоки во второй половине 1980-х годов, когда в СССР начали происходить политические изменения [7, с. 21]. Первоначально движение украинских националистов имело целью возрождение исторического наследия, но уже в 1988 г. они начали проявлять большой интерес к идее создания народного фронта на Украине по образцу прибалтийских республик. Декларация о государственном суверенитете Украины была принята в июле 1990 г. В 1991 г. Западно-Украинская политическая элита при помощи зарубежной украинской диаспоры и стран Запада расширила влияние украинской националистической идеологии на территории Украины. А дальнейшие события привели к последствиям, которые мы ощущаем и по сей день.

Заключение

Таким образом, в 2013–2023 гг. вышло немало работ российских исследователей, посвященных истокам украинского национализма. Большая часть исследователей считает, что украинский национализм идейно оформился в XIX в., и это нашло свое отражение в ряде исторических и художественных сочинений. Они, за редким исключением, не ищут предпосылки украинского национализма в истории Древней Руси или эпохе Гетманщины. Не все упоминают о сфальсифицированной истории украинского народа – «Истории русов», написанной в эпоху Екатерины II.

Некоторые ученые справедливо отмечают, что в XIX в. украинские земли были козырной картой в борьбе Запада с Россией. Целый ряд специалистов сходится во мнении о том, что авторами «украинского проекта», имевшего крайне негативные последствия для России и русских в XX–XXI вв., были поляки, желавшие возродить разделенную Речь Посполитую. При этом называются разные имена: Ф. Духинский, Я. Потоцкий, Т. Чацкий. А В. Мацеёвского считают инициатором публикации пресловутой «Истории русов». Некоторые ученые полагают также, что к созданию украинской проблемы были причастны власти Австро-Венгрии.

Большая часть исследователей приходит к мнению о том, что Украина – это искусственно созданное государство, в котором националистические идеи всегда исходили от правящих кругов. В XIX–XX вв. украинский национализм навязывался малороссам «сверху» – галицийской политической элитой, находившейся под влиянием Запада. До начала XIX в. не было ни украинской национальной идентичности, ни движения соответствующего характера. И только в 1917 г. были законодательно закреплены топоним «Украина», этноним «украинцы» и термин «украинский язык». Украинское государство сформировалось в первой трети XX в. благодаря большевикам, но период независимости УНР был очень коротким. С момента образования СССР государство украинцев существовало лишь в виде республики УССР, входившей в его состав.

Некоторые исследователи связывают зарождение украинской националистической идеологии с деятельностью ОУН и идеологов украинского национализма первой половины XX в. Однако, как нам представляется, справедливым можно назвать мнение тех ученых, которые ищут истоки украинской национальной идеи в XIX столетии. Тем не менее они не могут указать единственный основной труд того времени, в котором содержатся основы украинской идеологии. Для одних это «Книга бытия украинского народа» Н.И. Костомарова и Н.И. Гулака, для других – «Две русские народности» Костомарова. Более того, в научной среде возникают споры по вопросу о причинах политизации украинского национального движения: одни называют в качестве причины работу польских исследователей, другие – деятельность Кирилло-Мефодиевского братства.

Список литературы

1. Белашенко Д.А., Цымбалова А.Е. Особенности возникновения и развития украинского национального движения в середине XIX – конце XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. – 2018. – Т. 45, № 1. – С. 69–76.
2. Гузенкова Т.С. От «Нероссии» к «Анти-России»: радикальный национализм как фактор украинской политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 31–46.

3. Гурба В.Н. Терроризм в контексте истории и практики украинского национализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Сер. Социально-экономические науки. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 24–33.
4. Гусев А. Истоки украинского национализма // Родина. – 2013. – № 1 (31). – С. 73–75.
5. Егоров А.Н. Толерантность и национализм (на материалах полемики по «украинскому вопросу» в России начала XX в.) // Проблемы толерантности: история и современность : материалы Межд. научн. конф. – Череповец : Череповецкий гос. ун-т, 2015. – С. 21–24.
6. Жеребкин М.В. Логика намерений и логика обстоятельств в действиях гетмана Богдана Хмельницкого // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2018. – № 2 (46). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logika-namereniy-i-logika-obstoyatelstv-v-deystviyah-getmana-bogdana-hmel'nitskogo/viewer> (дата обращения: 05.10.2023).
7. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 2014. – № 4. – С. 21–36.
8. Кандыбович С.Л., Разина Т.В. Психологические истоки украинского национализма // Мировые цивилизации. – 2022. – Т. 7, № 2. – С. 1–11. [Электронный ресурс] (дата обращения: 11.09.2023).
9. Кикнадзе В.Г. Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – Т. 10, № 3 (32). – URL: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2022-3-17-17> (дата обращения: 01.09.2023).
10. Ключевский В.О. Сочинения : в 9-ти т. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 3 : Курс русской истории, ч. 3 / под ред. В.Л. Янина ; послесл. и коммент. составили В.А. Александров, В.Г. Зимина. – 414 с.
11. Кутепов В.А., Рыбаков С.В. Чего добивался гетман Хмельницкий? // Омский научный вестник. – 2015. – № 3 (139). – С. 20–24.
12. Лактионова Н.Я. Антироссийская специфика украинского национализма // Обозреватель. – 2021. – № 10 (381). – С. 26–39.
13. Лезина Е.П., Силантьева Я.В. Истоки украинского национализма // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XII Межд. научно-практ. Конференции : в 2 ч. – Тольятти : Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2015. – Ч. 2. – С. 222–228.
14. Мартовские статьи Богдана Хмельницкого 1654 года // ЦГИАК Украины. Ф. 222. Оп. 1. Спр. 291. Лл. 16–20. – URL: https://ic.pics.livejournal.com/kramatorsk33/73798490/235120/235120_original.jpg (дата обращения: 05.10.2023).
15. Осташевский А.В. Идеология украинского национализма: искусственное государство // Кубанские исторические чтения : материалы XI Межд. научно-практ. конференции / отв. ред. Курусканова Н.П., Улезко Б.В. – Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2020. – С. 33–42.
16. Павлов С.Б. Феномен украинского национализма в истории России // Философия хозяйства. – 2023. – № 1 (145). – С. 158–174.

17. Работяжев Н.В. Правый радикализм на Украине: история и современность // Проблемы постсоветского пространства. – 2020. – Т. 7, № 4. – С. 516–531.
18. Сафронов Б.В. Истоки украинского национализма // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 11–19.
19. Стукалов П.Б. Украинский национализм в идеологии Всероссийского национального союза // Актуальные проблемы деятельности подразделений УНС : сб. материалов Всерос. научно-практ. конференции с межд. участием. – Саратов : Научная книга, 2014. – С. 364–366.
20. Шокин С.Д. Об истоках украинского национализма: зарождение национальной идеи (первая половина XIX в.) // Вестник социально-политических наук. – 2017. – № 16. – С. 89–95.

УДК: 172.4; 355.013, 014, 019

DOI: 10.31249/hist/2024.01.05

ЛЮБИН В.П.* УЧЕНЫЕ РОССИИ И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ СТРАН О ПОЛЕМОЛОГИИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ (Реферативный обзор).

Аннотация. В обзоре представлены новые публикации, касающиеся полемологии и понятия «стратегическая культура», авторами которых являются ученые из России и некоторых немецкоязычных стран (Австрия, ФРГ).

Ключевые слова: история военных наук; политическая и военная стратегия государства; исследования войны в России; стратегическая культура; полемология.

LJUBIN V.P. Scientists of Russia and german-speaking countries on polemology and strategic culture (Abstract review).

Abstract. The review presents new publications concerning polemology and the concept of strategic culture, authored by scholars from Russia and some German-speaking countries (Austria, FRG).

Keywords: history of military sciences; political and military strategy of the state; war studies in Russia; strategic culture; polemology.

Для цитирования: Любин В.П. Ученые России и немецкоязычных стран о полемологии и стратегической культуре. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 99–108. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.05

Представленная в обзоре коллективная монография (3) отражает результаты проведенного в 2018 г. в МГЛУ международно-

* Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН; valerij.ljubin@gmail.com

го научного семинара «Полемология и военные науки в Австрии и России» с участием российских, австрийских и одного немецкого специалистов в области военной науки, философии, политологии, социологии, истории. «Высокая компетентность, большой опыт практической военной (в том числе военно-стратегической и военно-политической), исследовательской образовательной деятельности, конструктивно-критический настрой докладчиков, их взаимное стремление понять друг друга, откровенность при обмене мнениями и продуктивное открытое обсуждение обеспечили высокий научный уровень дискуссии» [3, с. 5]. Основу монографии составили работы, написанные участниками по результатам докладов на семинаре [3, с. 8]. Материалы даются в авторской редакции, они отражают «многообразие сложившихся в Австрии и России методологических подходов к научному осмыслению военной действительности и могут не соответствовать мнению других авторов и издателей» [3, с. 9–10].

В монографии помещены следующие статьи: профессора Андреаса Алекса «Военная наука в Австрии», д-ра филос. наук, профессора И.С. Даниленко «Современные войны и проблемы антивоенной борьбы», д-ра воен. наук, профессора В.Н. Лобова «Соотношение политической и военной стратегии государства», канд. полит. наук, доцента Ю.А. Михалева «Вклад А.Е. Снесарева в исследование войны», бригадного генерала Вольфганга Пайшеля «О сущности и содержании стратегии», канд. филос. наук, доцента А.Е. Савинкина «Идейное наследие российской военной классики», бригадного генерала Андреаса В. Штупка «История военных наук в Австрии», д-ра полит. наук, профессора В.К. Белозерова «Генезис, состояние и перспективы политологического исследования войны в России», начальника отдела «Операции» Института высшего военного управления Академии национальной обороны в Вене Юргена Виммера «Осмысление войны как предпосылка военно-стратегического и оперативного исследования», д-ра права Александра Дубови «Об актуальности дефиниции войны Клаузевица для понимания “новых войн”», д-ра соц. наук, профессора И.В. Образцова «Военная социология: российский опыт в контексте мировых тенденций», канд. ист. наук, д-ра полит. наук, профессора Г.М. Сидорова «Современные вооруженные конфликты в Африке как объект политологического анализа», канд. филос. на-

ук, доцента А.В. Соловьева «Развитие полемологических наук в России», подполковника службы генерального штаба (ФРГ) Дирка Хайнцманна «Военная наука как учебная дисциплина в Австрии и Германии: Взгляд на военно-научную подготовку офицеров службы Генерального штаба». В конце монографии прилагается обширный Список русскоязычной, немецкоязычной, англоязычной, франкоязычной, италияязычной литературы по рассматриваемым вопросам [3, с. 165–181]. Вторая часть книги издана на немецком языке с полным повторением материалов, помещенных в русскоязычной части.

В открывающей монографию статье А. Алекса анализируется состояние военной науки в Австрии. «За последние годы военная наука в Австрии пережила подъем благодаря имплементации в вооруженные силы специальных учебных дисциплин высшей школы и активному обращению к методологии исследований и обучения» [3, с. 13], – пишет он. Военная наука является молодой, по предметной номенклатуре Австрийской систематики отраслей науки в 2012 г. она была отнесена к категории социальных наук. Военная стратегия, продолжает автор, «охватывает военно-научные исследования и учебную работу относительно вклада военного инструментария в скоординированное использование всех средств и возможностей государства для восприятия целей политики безопасности по противодействию всем угрозам» [3, с. 15].

И.С. Даниленко в статье о современных войнах и антивоенной борьбе полагает, что к таким войнам справедливо отнести те, что происходят в последнее 30-летие после окончания существования Советского Союза. Из двуполярного мир на какое-то время превратился в однополярный. Либералы уже готовы были предположить, что наступил конец истории, так как завершилась борьба за социальное устройство и прекращаются революции и войны в результате победы либерализма. Однако ход событий показал ошибочность таких выводов. Стабильный мировой порядок во главе с США установить не удалось. С множеством войн, революционных переворотов и военных конфликтов мир медленно и болезненно стал превращаться в многополярный [3, с. 20].

Поясняя понятие «полемология», автор пишет, что современная военная наука остается, как и прежде, наукой о подготовке и ведении войны. Но системной наукой о войне она так и не стала

и остается в основном прикладной. «Она решает проблемы противодействия развязыванию войны, но не ставит своей задачей ее исключения из исторического процесса» [3, с. 28]. Наука о войне должна работать над задачей исключения вероятности суицидной войны, которая, начиная со второй половины XX в., стала реально возможной.

Для реализации любой государственной или военной доктрины необходима тщательно проработанная, научно выверенная и практически обоснованная стратегия, отмечает В.Н. Лобов. Однако понятие «стратегия» недостаточно хорошо изучено и осмысленно российскими теоретиками и практиками и толкуется весьма вольно. При этом политическая стратегия обнаруживает свои корни в военной сфере [3, с. 30]. Автор обращается далее к разработкам по стратегии таких теоретиков, как Д.Г. фон Бюлов, Карл Австрийский, К. Клаузевиц, В. фон Вилизен, Ж.Л. Лаваль, А. фон Шлиффен, Ф. Фош, Б. Лиддел Гарт, Г. Дельбрюк, Э.Дж. Кингстон-Макклори и др. Последний дал классификацию войн, разбив их на четыре типа: 1) тотальная война, 2) вооруженные конфликты, 3) локальные войны, 4) холодная война. В своей книге английский вице-маршал авиации Кингстон-Макклори утверждал, что стратегия претерпевает непрерывные изменения не только в военном, но и в политическом, экономическом и других отношениях. «Стратегическая близорукость влечет за собой не только военные поражения, но и гибель целых государств» [3, с. 38].

Весьма интересны приведенные В.Н. Лобовым рассуждения английского исследователя о стратегии войн, государства и армии. Согласно Кингстону-Макклори, теория стратегии всегда учила, что цель войны – сломить волю противника в сражении. При этом в личности главы государства воплощена как воля самого государства, так и его природа. Чтобы сломить эту волю, необходимо уничтожить противника или полностью разрушить его планы. Исход войны (сражения) часто определяет смерть или бегство главы государства. «Поэтому воля народов к ведению войны зависит от воплощения этой воли в руководстве государства» [3, с. 37].

Вслед за данной весьма четкой и справедливой констатацией Кингстон-Макклори давал не менее впечатляющую оценку зависимости воли к победе в войне от морального состояния армии и сражающихся в ней воинов. «Если армия является наемной или

профессиональной, то волю воюющего государства к ведению войны воплощают в себе отдельные личности. Основная же масса народа пассивно воспринимает результаты того или иного сражения или боевых действий вообще. Вместе с тем получается, что когда граждане национальной армии проникнуты духом патриотизма и сражаются не за плату, а во имя национальных интересов, то они сами становятся носителями воли к ведению войны» [3, с. 37].

В последующих материалах в рассматриваемой коллективной монографии представлены и другие актуальные вопросы военной науки, ее истории, дается оценка вклада в науку известных российских и западных теоретиков и практиков военного дела. Доминирует междисциплинарный подход в трактовке истории и современного состояния военной науки. Различные подходы российских специалистов прошлого и настоящего времени обобщены в статье одного из ответственных редакторов монографии В.К. Белозерова [3, с. 85–98]. В ней автор заключает: «В течение истории человечества происходило накопление обширных научных знаний о войне, были основательно проработаны многие эвристические идеи и подходы относительно войны. Заслуживают особого внимания *военные, философские, социологические и психологические научные теории* войны. Востребован и специфический политологический подход, поскольку понимание войны как продолжения политики и другие обстоятельства обуславливают и требуют изучения войны с точки зрения политологической науки. В настоящее время политическая наука и другие гуманитарные науки уже создали необходимые предпосылки для разработки полноценной политологии войны» [3, с. 98].

В продолжающих его предыдущие исследования статьях д-р полит. наук, профессор В.К. Белозеров (МГЛУ; Нижегородский государственный лингвистический ун-т им. Н.А. Добролюбова) [1; 2] продолжает изучение специфики стратегической культуры и её отражения в общественных и научных дискуссиях немецкоязычных стран, и прежде всего Германии¹.

¹ Напомним, что к наиболее крупным немецкоязычным странам относятся состоящая в НАТО с 1955 г. Германия, сначала это была лишь западная часть страны – ФРГ, а после ее объединения в 1990 г. в этот военно-политический блок вошли и земли бывшей ГДР; а также нейтральные Австрия и Швейцария. – В. Л.

Белозеров подчеркивает, что использование понятия «стратегическая культура»¹ (СК) получает в последнее время все большее распространение в общественно-политическом лексиконе Германии и других немецкоязычных стран. Исследователи обращают внимание на то, что в начале 2000-х годов понятие СК стало использоваться в лексиконе и в дискуссиях таких институтов, как НАТО и Евросоюз, в связи с оценкой складывающейся международной обстановки, характеристикой угроз безопасности и изложением возможных вариантов реагирования на действия других акторов. Немецкоязычные авторы утверждают, что наступил ренессанс в использовании понятия СК и ее изучении. В России же осмысление феномена СК практически остановилось, считает Белозеров, но, возможно, это лишь временная пауза. Российские исследователи игнорируют и сравнительный анализ СК ключевых игроков международных отношений. Отсутствуют теоретические наработки, направленные на исследование российской СК. Вместе с тем подобная ситуация не всегда имела место в нашей стране. Ранее достижения немецкой военной мысли и в России, и в Советском Союзе подвергались глубокому осмыслению. Это имело положительные последствия для развития теории и практики применения военной силы, обороны страны.

Истоки исследования национальной СК современные немецкие теоретики обнаруживают в идейном наследии классической военной мысли своей страны. Они обращают внимание на принадлежащие военному мыслителю К. Клаузевицу идеи о преобладании моральных факторов, находящихся в центре его метода познания войны. В то же время эти концепции служат основой для современных прикладных зарубежных разработок в области менеджмента и консалтинга, многие из них разрабатывают свою стратегию управления военным делом на основе идей Клаузевица.

В современной России, по мнению Белозерова, фактически утрачена динамика изучения сложившихся в немецкоязычном культурно-научном пространстве научных – и не в последнюю

¹ Понятие, появившееся в 1970-х годах. для сравнения ядерных доктрин США и СССР, обозначает целостную систему символов (т.е. способов аргументации, аналогий, метафор), которая формирует представления о роли и эффективности военной силы в межгосударственных отношениях, придавая им ауру очевидности. – В. Л.

очередь политологических – подходов к подготовке и применению военной силы, не говоря уже о СК. Не вполне дальновидно отказываться от понимания детерминантов поведения такого крупного игрока, каким является Германия с ее богатым историческим военно-политическим опытом, активизирующимся не только в региональных, но и в глобальных рамках. Поэтому заслуживает пристального внимания уже сам факт нарастания интенсивности исследований СК и в самой Германии, и в немецкоязычном культурно-языковом пространстве в целом, что фактически выступает как самопознание и осмысление политического курса своей страны. Появление таких теоретических разработок свидетельствует о стремлении немецкого экспертного и научного сообщества выработать эффективный инструментарий для понимания детерминантов, состояния и перспектив складывающейся в мире и в Европе обстановки.

В последние годы стали появляться работы немецкоязычных авторов, посвященные исследованию СК нашей страны, ее соотношению с СК других международных игроков, пониманию причин обращения России в своей политике к военной силе с учетом исторических особенностей ее государственного развития. Но в итоге вряд ли можно назвать нормальной ситуацию, когда СК России выступает не более чем объект познания зарубежных исследователей.

Вопрос о развитии национальной СК поставили и организаторы Мюнхенской конференции по безопасности, полагая, что без таковой не может состояться общая стратегия страны и реформа процессов подготовки и принятия политических решений. В сентябре 2021 г. германское общество выступило с призывом провести в стране институциональные реформы в сфере безопасности на основе реанимации и формирования национальной СК в условиях наступившей опасной эпохи, напоминает Белозеров [1, с. 18].

Видимо, внявшее этому совету правительство Германии, как пишет Белозеров в другой своей статье (2), приняло 14 июня 2023 г. программный документ – Стратегия национальной безопасности (СНБ) ФРГ¹. Разработчики характеризуют политику безопасности

¹ Integrierte Sicherheit für Deutschland // Nationale Sicherheitsstrategie der Bundesrepublik Deutschland. – 2023. – 14.06. – URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/> (дата обращения: 05.07.2023).

Германии как «интегрированную, т.е. охватывающую все ее аспекты и инструменты». Она определяется в качестве «обороноспособной, стойкой к негативным внешним воздействиям и устойчивой к изменениям окружающей среды» [2, с. 166]. Документ, в котором представлено положение Германии в Европе и в мире, разделен на части: 1) идентичность в сфере политики безопасности, 2) ценности и интересы, 3) окружающее пространства безопасности.

Обращаясь к истории вопроса в разделе статьи «От комплекса вины к глобальным претензиям», автор анализирует мотивы появления документа и содержащихся в нем политических планов, касающихся вопросов обороны, безопасности и понимания внешнеполитической идентичности ФРГ. В течение нескольких десятилетий немецкое общество болезненно переживало ответственность за последствия действий Германии в годы Второй мировой войны для народов мира. «Комплекс вины» и «синдром побежденной нации» стали неотъемлемой частью политической культуры¹, что проявлялось и в государственной политике. Выступая в бундестаге 14 ноября 2021 г. в канун Всенародного дня скорби, президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер признал исторический опыт отягчающим и сдерживающим фактором для применения Германией военной силы. Своё выступление политик завершил отрывком из эмоционального стихотворения известной советской поэтессы Юлии Друниной, прошедшей войну² [2, с. 169]. Однако уже через три месяца, с началом российской специальной военной операции (СВО), немецкий политический дискурс разительно изменился: 27 февраля 2022 г. О. Шольц на экстренном заседании бундестага, провозгласил смену эпох и резкое наращивание военных возможностей страны [там же].

В принятой Стратегии национальной безопасности ФРГ содержатся отсылки к истории и признание исторической вины Германии: «Мы действуем в осознании нашей истории и вины, лежа-

¹ См., например: Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. – Москва : Прогресс, 1999. – 146 с.

² Zentrale Gedenkstunde zum Volkstrauertag // Der Bundespräsident. – 2021. – 14.11. – URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2021/11/211114-Gedenkrede-Volkstrauertag.html> (дата обращения: 05.07.2023).

щей на нашей стране из-за развязывания Второй мировой войны и цивилизационного разрыва, которым стал Холокост. Примирение с нашими европейскими соседями и ответственность за право Израиля на существование остаются для нас долговременным обязательством» [2, с. 170–171]. Правда, перечень соседей при этом не приводится, замечает Белозеров. Оценивая анализируемый документ и нынешнюю политику безопасности ФРГ, автор характеризует ее как «радикальную, слабо отражающую национальные интересы, идеологизированную и иррациональную» [там же, с. 173]. В статье подчеркивается, что выстраивание политической идентичности Германии, судя по СНБ, происходит по линии противодействия России, которая, согласно данному документу, «на обозримый период остается самой большой угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом пространстве» [там же, с. 174]. В опубликованной в 2016 г. в ФРГ «Белой книге политики безопасности и будущего бундесвера», как напоминает автор, в отношении России использовано всего лишь понятие «вызов» [там же].

Возвращаясь к современности, Белозеров заключает: «Россия и Германия воспринимают сложившуюся международную обстановку, мягко говоря, по-разному, а двусторонние отношения как не просто конфронтационные, но и осложненные критическим отсутствием доверия и обвалом всех связей. Однако политики приходят и уходят, а немецкий народ остается. В немецкоязычном экспертном сообществе в целом осознается необходимость следования курсу на обеспечение безопасности и формирование стратегической культуры, построенной на долгосрочных детерминантах, что позволит исключить ситуативность. Без этого устойчивая и прогнозируемая политика безопасности, понимаемая в стране и за ее пределами, невозможна. Но перспективы такой политики пока неясны» [2, с. 177].

Список литературы

1. Белозеров В.К. Стратегическая культура в общественно-политическом и научном дискурсе немецкоязычных стран // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – Вып. 1(846). – С. 10–18. DOI: 10.52070/2500–347 X_2022_1_846_10.
2. Белозеров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру. Размышления после выхода Стратегии национальной безопасности ФРГ // Россия в гло-

- бальной политике. – 2023. – Т. 21, № 5. – С. 166–177. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-5-166-177.
3. Военные науки versus наука о войне в Австрии и России = Militärwissenschaften versus Wissenschaft über den Krieg in Österreich und Rußland : коллективная монография / под общ. ред. В.К. Белозерова, А. Дубови ; пер. под ред. И.А. Лузяниной. – Москва : МГЛУ, 2021. – 378 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 926/6:94(476)

DOI: 10.31249/hist/2024.01.06

ПЕТРУХИНА Д.В.* НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КУЛЬТУРНОЕ ЕДИНСТВО И ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЫБОР

Аннотация. Для каждого государства мира национальные символы имеют большое значение как инструмент сплочения гражданской нации и средство репрезентации на мировой арене. Фундаментом формирования национальных символов выступают история страны и традиционная символика, отсылающая к культуре и ценностям составляющих нацию народов. В настоящее время в Республике Беларусь сложилась противоречивая ситуация с установлением национальных символов: наблюдается борьба между сторонниками важности литовского и советского периодов истории страны. Каждый из этих периодов несет отпечаток определенной системы ценностей, выбор которой и предстоит сделать белорусской нации. Традиционные белорусские символы также пока не находят единого отклика у населения. В представленном обзоре делается попытка обобщить имеющиеся данные об истоках формирования различных национальных символов Беларуси и их применения в различных социальных, культурных и политических контекстах.

Ключевые слова: белорусская культура; национальные символы; традиционные символы; история государственного флага; имидж страны.

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); darkamercante@gmail.com

PETRUKHINA D.V. National Symbols of the Republic of Belarus: Cultural Unity and Historical Choice

Abstract. For every state in the world, national symbols are important as a tool for building a civil nation and for representing itself to the world. The basement of the national symbols formation is the history of the country and traditional symbols, referring to the culture and values of the constituent peoples. At present, there is a contradictory situation in the Republic of Belarus with regard to the establishment of national symbols: there is a struggle between supporters of the importance of the Lithuanian and Soviet periods of the country's history. Each of these periods bears the imprint of a certain system of values, the choice of which is to be made by the Belarusian nation. Traditional Belarusian symbols also do not yet find a unified response among the population. The review attempts to summarize available data on the origins of the different national symbols of Belarus and their application in different social, cultural and political contexts.

Keywords: Belarusian culture; national symbols; traditional symbols; history of the state flag; image of the country.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Национальные символы Республики Беларусь: культурное единство и исторический выбор. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. «История». – Москва : ИНИОН РАН, 2024 – № 1. – С. 109–121. – DOI: 10.31249/HIST/2024.01.06

События первой четверти XXI в. на территории Восточной Европы и Южного Кавказа способствовали активизации гуманитарных научных исследований в Республике Беларусь, направленных на поиски путей национальной консолидации и укрепления государственности. Этот процесс нашел отражение в «мягкой белорусизации», а также активной работе научных институтов, в первую очередь НАН Беларуси, по комплексной разработке философских, социальных и культурных оснований белорусской национальной идентичности и самобытности. В последние годы минским издательством «Беларуская навука» выпускается все больше научной и научно-популярной литературы как на белорус-

ском, так и на других языках, призванной познакомить читателей с традиционной картиной мира и мировоззрением белорусов¹.

В современном мире одним из наиболее ярких проявлений этнической общности выступают традиционные символы народной культуры, а национальной – официальная символика государства, которая часто отражает историческое наследие нации. Символы аккумулируют социокультурный опыт нации и выполняют коммуникативно-информационную функцию, способствуя взаимообмену идеями и ценностями, в частности герб и флаг страны отражают историко-культурное развитие и поддерживают национальный дух населения [13, с. 255].

Единство взглядов на исторические события и их влияние на развитие страны отражает формирование в современном социуме общенациональных ценностей, что является залогом сохранения целостности и стабильности общества². Таким образом, существование противоположных точек зрения на официальные государственные символы может свидетельствовать о распространении различных интерпретаций исторических событий и ценностных ориентаций, что в настоящий момент наблюдается в Беларуси.

За чуть более чем 30-летнее существование после распада СССР Республика Беларусь пережила две смены государственной символики. После обретения независимости в 1991 г. в стране был принят комплекс официальных символов, в основе которого лежал герб Великого княжества Литовского «Погоня». Флаг представлял собой прямоугольное полотнище с тремя равновеликими горизонтальными полосами: двумя белыми, разделенными красной. Герб практически полностью повторял «Погоню»: в красном поле скачущий влево всадник с горизонтально поднятым мечом в правой руке и щитом, на белом поле которого шестиконечный золотой крест, в левой руке³. Провозглашение описанного герба государст-

¹ Традыцыйны светалад беларусаў.: У 5 кн. Кн. 1. Касмалогія / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі ; уклад. і агул. рэд.: І.М. Дубянецкая, С.І. Санько. – Мінск : Беларуская навука, 2023. – 87 с.: іл.

² Левко А.И. Социально-культурные предпосылки инновационного развития общества : философско-методологический анализ. – Минск : Беларуская навука, 2019. – 508 с.

³ Сапрыков В. Белорусская «Погоня» // Наука и жизнь. – 1993. – № 11. – С. 42–45.

венным привело к существованию идентичной геральдической символики у двух соседствовавших стран: к тому времени подобный герб уже был принят в Литве. Такая ситуация объяснялась общей историей Беларуси и Литвы, когда их современные территории входили в состав Великого княжества Литовского.

В начале 1990-х годов значение цветов на бело-красно-белом флаге нигде не расшифровывалось. По данным некоторых исследователей, наиболее раннее упоминание использования стягов этих цветов приходится на XV–XVI в., т.е. период войн Великого княжества Литовского против тевтонского ордена и Русского государства.

По мнению Е.А. Бикетовой, выбор именно таких символов для молодого белорусского государства означал попытки построить национальную идентичность на основе культурно-исторического наследия Великого княжества Литовского [3, с. 222].

Несмотря на отсылки к славному прошлому, новая символика была отрицательно воспринята большинством населения, что отразилось на результатах референдума 1995 г. Основной причиной подобной реакции белорусов, вероятно, явилась связь бело-красно-белого флага с коллаборационистским движением во время Великой Отечественной войны. Так как для абсолютного большинства белорусов эта война носит священный характер в силу их героической борьбы и огромных человеческих потерь, можно предположить, что символы коллаборационистов (независимо от их исторических корней) не были приняты именно по этой причине.

Бело-красно-белые флаги в первой половине XX в. актуализировались в периоды обретения Беларусью независимости и ее оккупации немецкими войсками: вначале в 1918 г. при образовании Белорусской Народной республики, а затем – в 1941–1945 гг. Коллаборационизм на территории Белорусской Советской Социалистической Республики (далее – БССР) в период Великой Отечественной войны наблюдался в административной, политической, идеологической сферах и в этих формах был признан нацистской Германией легальным. В частности, бело-красно-белые символы использовались такими организациями, как Белорусская независимая партия и Союз белорусской молодежи [11, с. 263], как олицетворение борьбы за полную независимость (в том числе и от СССР) любыми средствами.

В сознании многих людей символы коллаборационистов были (и остаются) устойчиво связаны с ужасами нацистской оккупации, и как следствие, носили и носят отрицательный характер. Тем не менее в настоящее время бело-красно-белые флаги не теряют своей актуальности в среде политически активных националистических организаций, оппозиционно настроенных по отношению к современной власти. Многие активисты рассматривают историческое наследие СССР в контексте тотальной русификации и потери белорусами своей культурной самобытности вслед за потерей родного языка.

Парадокс использования символики в бело-красно-белых тонах в современных условиях подробно рассматривает в своей статье Е.Г. Пономарева. С одной стороны, в обществе существует устойчивая ассоциация таких флагов с преступлениями коллаборационистов, с другой – они официально не запрещены, в отличие от другой нацистской символики¹. Любые протесты, независимо от состава протестующих и их требований, обязательно сопровождаются белым и красным цветами. В то же время, при общенациональном праздновании дат, связанных с определенными историческими событиями (годовщина образования Белорусской Национальной Республики и т.п.), использование бело-красно-белых флагов официально разрешается [7, с. 20–21]. Важно также подчеркнуть, что красный и белый цвета активно используются при производстве материальной и виртуальной продукции, связанной с культурой и родным языком белорусов, что устанавливает прочные ассоциативные связи между данной символикой и самой принадлежностью к белорусскому народу².

Современные государственные символы – флаг и герб Республики Беларусь, принятые по итогам всенародного референдума 1995 г., в целом повторяют символы БССР за исключением нескольких деталей. С флага были убраны серп, молот и звезда, в результате осталось «прямоугольное полотнище, состоящее из двух горизонтально расположенных цветных полос: верхней –

¹ Постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь № 271 от 28 октября 2022 г. «Об установлении перечней организаций и иных структур, нацистской символики и атрибутики».

² Культурно-просветительский портал «Будзьма беларусамі» («Будем белорусами»). – URL: <https://budzma.org>

красного цвета и нижней – зеленого цвета. Отношение ширины полос красного и зеленого цвета – 2:1... У древка вертикально расположен белорусский национальный орнамент красного цвета на белом поле»¹.

Указанный орнамент представляет собой узор, вышитый М.С. Маркевич в 1917 г., предположительно, на полотенце. Отдельные элементы узора восходят к традиционным аграрным символам древних славян, использовавшимся для обозначения распаханного поля, подготовленного для засеивания². Таким образом, символизм современного государственного флага Республики Беларусь имеет глубокие исторические и культурные корни.

По мнению А.С. Мицевич, современный флаг Беларуси соединяет в себе символ солнца, братства, счастья (красный цвет) и символ природы, добра и мира (зеленый цвет), красный орнамент означает счастливую судьбу, а белый фон – свободу и нравственную чистоту.

Новый герб Беларуси, представляющий собой географические контуры страны в лучах восходящего солнца, показывает, что люди любят свою страну, работают на ее силу и процветание. В новых элементах герба (цветы клевера и льна) зашифрованы такие национальные ценности белорусов, как гражданское единство, миролюбие, труд [13, с. 257–258].

Таким образом, кроме акцента на важность советского периода для белорусской национальной идентичности, государственные символы обозначили векторы будущего развития страны, ориентированные на укрепление взаимоотношений со странами СНГ [3, с. 223]. Современная официальная символика отсылает к ценностям жизни, мужества и самопожертвования, а также традиционным славянским ценностям.

В то же время Республика Беларусь не отказалась и от глубокого исторического наследия: красный цвет на флаге был соот-

¹ Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 года № 301-З «О государственных символах Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/>

² Рассадин С.Е. Орнамент на государственном флаге Республики Беларусь: древнейшие истоки // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. – 2017. – № 1 (197). – С. 5–9.

несен со штандартами Грюнвальда, а герб «Погоня» был признан историко-культурной ценностью¹.

Современный гимн «Мы, белорусы» был официально принят в 2002 г. Музыка сохранилась от гимна БССР, в основе текста лежат стихи М. Климковича, обновленные В. Каризной. В гимне раскрываются как образы героического прошлого, так и светлого будущего белорусов, объединенных традиционными ценностями мира, семьи и труда. Согласно А.Д. Дерендяевой, символы, прослеживаемые в тексте гимна, свидетельствуют о попытках построения современной идентичности на основе советских ценностей [5, с. 172].

Таким образом, специфическую идентичность, сформировавшуюся среди белорусов в результате восприятия и осмысления ими национальной истории и символики, можно назвать «квазисоветской», сочетающей в себе европейские, белорусские и советские элементы [3, с. 224].

Проведенные в начале XXI в. опросы белорусов показали, что главным историческим событием для страны большинство граждан считает Великую Отечественную войну. Историческая память о событиях 1941–1945 гг. бережно сохраняется не только в материальной форме, но и в виде государственных праздников, фестивалей и различных мероприятий. В частности, днем независимости Республики Беларусь является 3 июля – день освобождения города Минска в 1944 г. Статус национального праздника получили и события воссоединения территории Западной Белоруссии и Советской Белоруссии 17 сентября 1939 г. (День народного единства), в честь которого названы более 150 объектов дорожной сети Брестской, Минской и Гродненской областей, в том числе улицы в областных и районных центрах².

Большое значение имеют архитектурные и скульптурные мемориалы: всего насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений³.

¹ Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – URL: <http://gosspisok.gov.by>

² Национальное кадастровое агентство Республики Беларусь. – URL: <https://nca.by/press/news/17-sentyabrya-v-nazvaniyakh-ulits-belarusi/>

³ Чалая Е.А. Символы Великой Отечественной войны в Республике Беларусь // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». – 2015. – № 7. – С. 205–213.

К наиболее известным памятным местам можно отнести Курган Славы, Хатынь, (Минская область), Брестскую крепость (Брестская область), мемориальные комплексы «Отдавшим жизнь за свободу Родины» (Витебская область) и «Буйничское поле» (Могилевская область).

Несмотря на медленное смещение в сознании населения акцента с героизации к виктимизации в рамках подобной общеевропейской тенденции [1, с. 5], Великая Отечественная война по-прежнему остается главным символом патриотизма, широко используемым в процессе воспитания на всех уровнях образования.

Согласно многочисленным социологическим исследованиям, главными символами своей страны сами белорусы называли флаг и герб, а также различные элементы природы¹.

Белорусская культура издревле была тесно связана с природой. При этом на относительно небольшой территории страны (207,6 тыс. км², 84-е место в мире) можно наблюдать большое разнообразие природных зон: хвойные, смешанные и широколиственные леса, лесостепи и болота. Это нашло отражение не только в использовании стилизованных изображений отдельных природных объектов: василька (валошка), цветка папоротника (папараць-кветка), звезды (зорка), зубра, аиста и др., но также и в их древнейших символических сочетаниях, имеющих форму орнаментов.

Определенную смысловую нагрузку несут не только сами объекты природы, но и цвета, с помощью которых они изображаются. Для белорусской культуры характерны три основных цвета: красный, белый и черный, символизирующие трехчастьность мира, а также переход из одного состояния в другое (болезнь-выздоровление, холостая жизнь-брак и т.д.). По отдельности красный и белый цвета могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. Красный может символизировать любовь, жизнь, солнце, агрессию и враждебность, а белый – здоровье, чистоту или смерть [12, с. 46–49].

Многочисленные традиционные символы отражают ценность семьи для белорусской культуры. Особую роль играют символы любви и матери, включающие стилизованные изображения

¹ Сосновская Н.А. Представления об образе современной Беларуси в общественном сознании населения страны // Социологический альманах. – 2013. – № 4. – С. 241–247.

звезд, геометрических, растительных и животных элементов, по отдельности или соединенные в орнаменты. В эту группу также входит символ Матери-Земли («Маці-Зямля»), подчеркивающий тесную связь белорусов с родной землей. По наблюдению Е.С. Сочневой, молодежь современной Беларуси не рассматривает семью как духовно-нравственную ценность, что свидетельствует об их отдалении от белорусской традиционной семейной культуры [9, с. 59]. Использование в процессе воспитания ребенка образцов народного художественного творчества поможет в развитии у него эмоционально-ценностного отношения к семье как проявлению любви и заботы о любимых.

В настоящее время широкое развитие получили традиционные белорусские орнаменты, используемые для создания брендов различных организаций и отсылающих к главным культурным ценностям [2, с. 19]. Основные орнаментальные группы элементов олицетворяют Беларусь, мать, землю, веру, любовь, человека, праздники и мифы [4, с. 181]. Среди отдельных символов выделяются звезда, семантически объединяющая человека и землю, а также василек – традиционный цветок Беларуси, символизирующий чистоту, приветливость и дружелюбие [4, с. 182; 8, с. 158].

Примером использования традиционных символов для представления белорусской идентичности на мировой арене может служить официальная символика II Европейских Игр, которые Республика Беларусь принимала в 2019 г. Основным логотипом мероприятий стало древо жизни как отражение укорененности белорусов на родной земле и их стремления к развитию. Мощные корни дерева олицетворяли тысячелетнюю историю Беларуси и многовековые традиции, являющиеся опорой широкому стволу государственности. Кроме того, древо жизни было выполнено в стиле вытынанки (узора из бумаги) – одного из уникальных белорусских видов декоративно-прикладного искусства.

Г.А. Барвенова обращает внимание на тот факт, что не все жители Беларуси поняли сокрытый в символах II Европейских Игр смысл, что, по ее мнению, связано с недостатками образования в сфере традиционной белорусской культуры [2, с. 22].

Кроме общенациональных, в Беларуси существует и локальная (местная) символика, которая также во многом зависит от природы местности. Я.С. Шевченко провела опрос среди молодежи

Гродненской области с целью определения значения растительных символов и связанной с ними обрядности в процессе самоидентификации жителя этой области. Выяснилось, что наибольшее значение для информантов играют традиционные славянские календарные праздники (Купала, Масленица, Сочельник и др.). Треть опрошенных среди образов родного края отметили леса, из конкретных растений – василек, клевер и рожь [10, с. 433–434]. О заметной роли растительных символов в развитии этнической идентичности белорусов Гродненской области свидетельствует и популярность Музея ароматов трав и растений (г. Гродно), а также широкое использование растений в продукции ручного труда современных белорусских мастеров.

В условиях развития тесных взаимоотношений и взаимосвязей населения стран мира большую роль играет имидж государства. Кроме официальных символов культуру и ценности страны также представляют другие традиционные символы с этнической, религиозной и другими коннотациями [8, с. 154]. В качестве основы для международного бренда Республики Беларусь чаще всего выбираются символы, несущие положительные смыслы и отражающие традиционные ценности населения: гостеприимство, толерантность, радушие, доброжелательность, открытость, высокие стандарты качества [4, с. 179].

В 2020 г. Витебский государственный университет выпустил коллективную монографию, посвященную развитию имиджа Беларуси в целом, и города Витебска, в частности.

Целенаправленное формирование международного имиджа Беларуси началось в 2006 г., однако его становление до сих пор продолжается. При формировании образа страны белорусы обращаются, прежде всего, к ее истории: как к литовскому, так и к советскому периодам. Обилие используемых исторических символов говорит, с одной стороны, о богатстве истории Беларуси, а с другой – о «незавершенности процесса становления национальной идеи» [6, с. 52]. Важную роль в продвижении бренда Беларуси также играют традиционные и природные символы: белорусский орнамент, вытинанка, зубр, василек, картофель и др. О высоком приоритете создания положительного образа страны свидетельствует серия форумов «Имидж Республики Беларусь», проведенных

в 2010–2014 гг. при участии органов государственной власти, лидеров коммерческих и некоммерческих организаций.

В монографии подробно рассматриваются различные проекты по продвижению международного бренда Беларуси в зависимости от составляющих имиджа и вариантов его позиционирования, оцениваются возможности их реализации [6, с. 54–55]. Авторы подчеркивают важность формирования туристической привлекательности Беларуси для иностранных граждан, источниками которой могли бы стать как природные и искусственные объекты, так и известные личности. В связи с широким распространением в стране русского языка одной из главных задач выступает отделение образа Беларуси от образа России на основе выстраивания ассоциативной связи между белорусским языком и независимостью Беларуси [6, с. 61]. Заметный вклад в создание положительного образа Беларуси за рубежом может также внести достойное поведение белорусских туристов на территории других стран.

В рамках изучения современного образа страны в России коллектив белорусских исследователей провел контент-анализ российской блогосферы, результаты которого показали в целом положительный имидж Беларуси [6, с. 78–80].

Формированию локального образа региона Республики Беларусь на примере г. Витебска целиком посвящена пятая глава рассматриваемой монографии. На основании истории развития города, как одного из центров духовной культуры Европы, авторы предлагают развивать бренд «Витебск – город искусств» [6, с. 149].

Таким образом, конвенциональная система национальных символов государства, в данном случае Республики Беларусь, несет двойную функцию: внутреннюю, как фактор сплочения социума, фундамент и индикатор национальной идентичности его членов; и внешнюю, как репрезентацию страны и нации на международной арене. В настоящий момент несформированность данной системы внутри Беларуси стимулирует активный поиск путей становления и обоснования национальной самобытности белорусов.

Список литературы

1. Аленькова Ю.В. Великая Отечественная война в исторической памяти белорусов // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова

- 2019 г. : материалы научно-методической конференции, Могилев, 29 января – 10 февраля 2020 года. – Могилев : Могилевский гос. ун-т, 2020. – С. 4–6.
2. Барвенова А.А. Использование достояний традиционной белорусской культуры в создании образа государства (на примере символа II европейских игр 2019 г.) // Навуковы пошук у сферы сучаснай культуры і мастацтва : матэрыялы навуковых канферэнцый прафесарска-выкладчыцкага складу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. – Мінск : Беларускі гос. ун-т культуры і искусств, 2020. – С. 19–23.
 3. Бикетова Е.А. Принятие новой государственной символики Республикой Беларусь и формирование белорусской идентичности (1991–1995 гг.) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2015. – № 2–1 (86). – С. 221–225.
 4. «Валовшэ» в брэндінгу нацыянальных ценнасцей / Усовская Э.А., Пронько Ю.Ю., Кречко Е.В., Ходырева К.С. // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы I Республиканской научно-практической конференции с международным участием, Минск, 23–24 февраля 2017 года. – Минск : Беларускі гос. ун-т, 2017. – С. 178–183.
 5. Дерендяева А.Д. Ключевые концепты государственных гимнов на постсоветском пространстве: историческая преемственность или новая идентичность? // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 170–180.
 6. Имидж Беларуси: становление, состояние, продвижение : монография / М.А. Слемнев, Е.А. Бикетова, О.В. Вожгурова [и др.]. – Витебск : Витебский гос. ун-т, 2020. – 199 с.
 7. Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Обозреватель. – 2021. – № 2(373). – С. 5–28.
 8. Рабец Т.Д. Национальный орнамент как сквозной элемент бренда Республики Беларусь // Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования : материалы V Международной научно-практической конференции, Минск, 15–16 апреля 2021 года. – Минск : Беларускі гос. ун-т, 2021. – С. 151–159.
 9. Сочнева Е.С. Образы белорусского народного творчества в формировании семейной культуры современной молодежи // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. – 2021. – № 3(143). – С. 57–60.
 10. Шевченко Я.С. К вопросу о месте и роли растительных символов в формировании этнической идентичности белорусов среди молодежи Гродненщины // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі: асоба, грамадства, дзяржава : Зборнік навуковых артыкулаў. – Гродно : Гродненский гос. ун-т, 2021. – С. 433–435.
 11. Якунин Д.В. Символы белорусских коллаборационистов // 80 лет с начала Великой Отечественной войны: историческая правда, уроки, взгляды современников : материалы Международной научно-исторической конференции, Гомель, 27–28 октября 2021 года. – Гомель : Беларускі гос. ун-т транспарта, 2022. – С. 262–264.

12. Яроцкая Ю.А. Особенности цветовой символики в японской и белорусской культурах // Вестник Белорусского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 4 (46). – С. 44–52.
13. Міцэвіч А.С. Дзяржаўныя сімвалы Беларусі і Італіі як рэпрэзентанты фундаментальных каштоўнасцяў нацыянальных культур // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы : материалы международной научно-практической онлайн-конференции, Минск, 28 марта 2019 года. – Минск : Белорусский гос. педагогический ун-т, 2019. – С. 255–259.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

УДК 656.8; 94(47).084.1

DOI: 10.31249/hist/2024.01.07

БОГОМОЛОВ И.К.* ПРАВИЛА РАБОТЫ ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ ПОЧТОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ В РОССИИ В 1917 г.

Аннотация. В статье впервые публикуется проект «Кратких правил и указаний для военных контролеров при просмотре почтовых отправок в военном контроле», изданных в 1917 г. После Февральской революции остро встал вопрос о дальнейшем существовании и формате военной цензуры. Временное правительство изначально не собиралось ее отменять, однако в силу бюрократических и политических причин медлило с определением ее правового статуса и полномочий. Лишь после Июльского кризиса власти правительство начало действовать более решительно, приняв 24 июля постановление о специальной военной цензуре печати и о военном почтово-телеграфном контроле. Задачей последнего было отслеживание подозрительной переписки и пресечение шпионской деятельности. Для организации работы военных контролеров были разработаны «Краткие правила», на деле – весьма подробный документ, описывающий разные ситуации и алгоритм действий при их решении. Однако вследствие накопленных за прошлые годы войны организационных проблем, а также общего кризиса государственного организма военный контроль не мог в полной мере решить поставленные перед ним задачи.

Ключевые слова: военная цензура; военный контроль; Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро; Февральская революция; революция 1917 г.; Временное правительство.

* Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, зав. отделом истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); boga_igor@mail.ru

BOGOMOLOV I.K. Rules for Military Control of Postal Correspondence in Revolutionary Russia (1917).

Abstract. The article publishes «Brief rules and guidelines for military inspectors when viewing mail in military control» (1917). The question of the format of military censorship became acute after the February Revolution. The Provisional Government initially did not intend to abolish it, but due to bureaucratic and political reasons it was slow in determining its legal status and powers. Only after the July Days of 1917 did the government began to act more decisively, adopting in July a decree on special military censorship of the press and on military postal and telegraph control. The latter's task was to monitor suspicious correspondence and suppress espionage activities. To organize the work of military controllers, «Brief Rules» were developed. In fact, it was a very detailed document describing various situations and an algorithm for solving them. However, due to the organizational problems accumulated over the past years of the war, as well as the general crisis of the state, military control could not fully solve the tasks assigned to it.

Keywords: military censorship; military control; Central Military Postal and Telegraph Control Bureau; February Revolution; Russian Revolution; Provisional government.

Для цитирования: Богомолов И.К. Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции в России в 1917 г. (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 122–143. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.07

Февральская революция 1917 г. вызвала глубокие изменения в системе цензуры печати и корреспонденции в России. Уже в марте 1917 г. было объявлено о ликвидации Главного управления по делам печати – символа цензуры «старого режима» [6, с. 442]. Упразднялись также местные комитеты по делам печати, духовная и драматическая цензура. Однако созданная с началом Первой мировой войны военная цензура выводилась за скобки этих распоряжений Временного правительства. Кроме того, изначально в центре внимания оказалась печать и ее освобождение от политического давления власти путем цензуры – как предварительной, так и карательной. Вопрос о цензурном контроле почто-

вой и телеграфной корреспонденции в течение весны-лета 1917 г. оставался до конца не решенным.

Временное правительство искало наиболее подходящий вариант сохранения контроля над перепиской граждан, стремясь сосредоточить внимание на обнаружении шпионских сообщений и передачи секретных военных сведений. То, что военная цензура в той или иной форме будет сохранена новой властью, было понятно уже в первые послереволюционные дни. 15 марта 1917 г. в «Вестнике Временного правительства» был опубликован новый вариант «Перечня сведений, подлежащих предварительному просмотру военной цензурой», который включал 30 пунктов и мало чем отличался от прошлого, дореволюционного варианта. 26 июля действие «Перечня» было продлено без каких-либо изменений [3, с. 157]. Параллельно разрабатывались правовые основы и механизмы работы военной цензуры в новых условиях. Так, уже 9 марта 1917 г. генерал М.В. Алексеев в письмах председателю Совета министров кн. Г.Е. Львову и военному министру А.И. Гучкову призвал публично подтвердить сохранение военной цензуры корреспонденции и печати, а также фотографии и кинематографа¹. К сохранению военной цензуры призывали и другие представители военного командования и военного министерства, а также редакторы крупных столичных изданий².

Работа в этом направлении началась уже в первые недели после революции. 8 марта 1917 г. Временное правительство поручило Юридическому совещанию проработать вопрос о «пределах применения военной цензуры» [1, с. 56], фактически поставив задачу разработки нового положения о военной цензуре. В подготовке проекта участвовали представители петроградских журналистских сообществ, Главной и Петроградской военно-цензурных комиссий. Проект был одобрен последовательно особым совещанием при Главном управлении Генерального штаба, МВД и Юридическим совещанием, которое утвердило проект 14 марта и внесло его на рассмотрение Временного правительства вместе с упомянутым выше «Перечнем» [4, с. 153–154]³. В отличие от последнего,

¹ РГВИА.Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 7.

² Там же. Л. 21, 25, 26, 28.

³ Там же. Л. 25–26.

положение о военной цензуре не было одобрено, его отправили на дополнительное рассмотрение в министерства морское, военное, юстиции и иностранных дел. Быстро пройдя согласование в министерствах морском, военном и иностранных дел, проект задержался в министерстве юстиции [4, с. 155].

Исследователь П.В. Батулин считает основной причиной задержки проекта бюрократические проволочки, а также кадровые перестановки внутри Временного правительства [4, с. 157]. Можно предположить, что министры опасались и политических последствий: едва избавившееся от цензуры царской, революционизированное общество могло выступить резко против новых ограничений свободы слова и переписки. Характерна в этом смысле медлительность министра юстиции А.Ф. Керенского. 24 апреля заместитель военного министра генерал-лейтенант В.Ф. Новицкий писал кн. Г.Е. Львову, что проект постановления о военной цензуре был рассмотрен в комиссии по ликвидации ГУДП, затем в Юридической комиссии Временного правительства, одобрен военным министерством и передан в министерство юстиции, в котором и «лежит» до сих пор¹. 29 апреля на запрос Львова в министерстве ответили, что Керенский «предполагал предварительно сего иметь по этому предмету собеседование с членами Временного правительства»².

Июльский кризис среди прочего привел к ужесточению цензурной политики Временного правительства. 14 июля мартовский проект положения о военной цензуре был вновь рассмотрен. Измененный вариант был одобрен на заседании правительства 24 июля и опубликован 26 июля [2, с. 188–189]. Самым значимым изменением было разделение военной цензуры на военный контроль и цензуру печати. Главной задачей военного контроля было отслеживание и выявление переписки шпионского характера посредством писем и телеграмм. Вместо Главной военно-цензурной комиссии создавалось Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро (ЦВПТКБ), ведавшее работой контролеров на местах.

¹ РГВИА.Ф. 13835. Оп. 1. Д. 99. Л. 35, 36.

² Там же. Л. 38.

Предполагалось, что выделение военного контроля корреспонденции позволит уйти от политической цензуры и преследования граждан новой России за их взгляды и убеждения. Однако «традиции», заложенные еще при введении военной цензуры в 1914 г., неминуемо должны были оказывать влияние на органы контроля. На это указывал уже тот факт, что большая часть контролеров работала ранее в «старорежимной» военной цензуре, и необходимо было время для их переобучения. Кроме того, служебные инструкции и правила работы контролеров во многом повторяли схожие дореволюционные документы, зачастую – дословно. Это и неудивительно, так как при реформе военной цензуры Временное правительство изначально не стремилось отказываться от накопленного опыта и коренным образом менять повседневную службу контролеров – вчерашних цензоров.

Этот подход хорошо виден на примере приведенного ниже документа – «Кратких правил и указаний для военных контролеров при просмотре почтовых отправок в военном контроле». Точная дата составления «Правил» неизвестна. Вероятно, проект составили не позднее первой половины августа 1917 г., вскоре после учреждения военного контроля. Хотя под документом стоит подлинная подпись начальника ЦВПТКБ подполковника Елагина, ряд опечаток и приписка от руки дают основание предполагать, что проект не окончательный.

К подготовке текста «Правил» составители подошли весьма основательно, очевидно имея большой опыт в цензурировании корреспонденции и стремясь учесть все нюансы работы контролеров. Упомянуты всевозможные виды писем, адресаты, необходимые в различных случаях штампы и действия. Составители стремились облегчить контролерам работу, однако стремление предусмотреть все возможные проблемы и спорные ситуации привело к тому, что документ получился явно запутанным и перегруженным, избыточным деталями. Во многом «Правила» были отражением трех лет войны, опыт которых лежал тяжелым бременем как на вновь устроившихся контролерах, так и на опытных цензорах. До Февральской революции неоднократные попытки создать всеобъемлющие правила, указания и инструкции неизменно обречались на неудачу, так как почти сразу начинали «обрастать» многочисленными дополнениями, уточнениями, а нередко – и распо-

ряжениями, которые высшие сановники диктовали цензорам по телефону. Подробнее см.: [5]. Все это усугублялось дефицитом кадров, недостаточным финансированием, отсутствием надлежащих помещений и ростом цен, приводившим к недостатку элементарных канцелярских принадлежностей. В 1917 г. ситуация для цензоров, а затем и контролеров стала лишь хуже, так как к указанным проблемам добавилось общее расстройство государственного механизма. В этих условиях новые «Правила» для контроля над почтовыми отправлениями не могли коренным образом изменить ситуацию. Для повышения эффективности борьбы со шпионажем и распространением секретных сведений у военного контроля по-прежнему не хватало ресурсов и полномочий, что приводило к недовольству одновременно и начальства, и населения, которое по-прежнему видело работу цензуры, напоминавшей о, казалось бы, ушедших в прошлое временах монархии.

Проект «Кратких правил и указаний для военных контролеров при просмотре почтовых отправок в военном контроле» 1917 г. обнаружен в фонде 13835 (Центральное военное почтово-телеграфное контрольное бюро) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Публикуется впервые и без сокращений. Сохранены стилистические особенности текста, орфография и пунктуация приведены к современным нормам русского языка.

№ 1

НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА И УКАЗАНИЯ ДЛЯ ВОЕННЫХ КОНТРОЛЕРОВ ПРИ ПРОСМОТРЕ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ В ВОЕННОМ КОНТРОЛЕ

1) ЦЕЛЬ. Военный Контроль почтовых отправок имеет целью: 1) способствовать обнаружению лиц, занимающихся шпионажем, 2) пресекать оглашение военных тайн, 3) не допускать распространения таких сведений, которые могли бы неблагоприятно повлиять на ход дел на театре военных действий и 4) извлекать из корреспонденции сведения, полезные для обороны Государства.

2) РАБОТА КОНТРОЛЕРОВ. Чрезвычайное по своей важности значение военного контроля требует самого добросовестного и внимательного к себе отношения.

Перед тем, как приступить к работе по контролированию почтовых отправлений, каждый Контролер обязан тщательно изучить положение о контроле, перечень сведений, запрещенных к оглашению, правила контролирования, изложенные ниже, а также руководствоваться могущими быть изменениями и дополнениями после утверждения сих правил.

3) ШТАМП. Каждому контролеру присваивается штамп с надписью и особым номером: «Вскрыто военной цензурой № и П.В.О.» для накладки на прочитанную и допущенную к отправке корреспонденцию. По окончании работы штамп обязательно должен быть сдан руководителю для хранения в запечатом помещении.

4) НАЛОЖЕНИЕ ШТАМПА. После просмотра почтового отправления и его заклейки штамп ставится на свободном месте оболочки отправления, на стороне противоположной адресу, покрыв собою часть заклейки. Нумер штампа должен быть отчетливо виден и находиться на самом конверте; под штампом надлежит проставлять дату просмотра.

5) НАЛОЖЕНИЕ ДВУХ ШТАМПОВ. Если почтовое отправление окажется написанным на языке, непонятном контролеру, то последний пишет чернилами, химическим карандашом, или ставит штамп (П. №) и свой номер (что означает: передал № такой-то) и заклеивает таковое особыми наклейками. После этого отправление передается им руководителю отделения, а в группах — своему заведывающему, который, в свою очередь, отдает его контролеру, владеющему данным языком. Прочитав письмо, этот контролер заделывает его и ставит свой штамп.

6) КОНТРОЛИРОВАНИЕ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С ИМЕЮЩИМИСЯ КОНТРОЛЬНЫМИ ШТАМПАМИ. Почтовые отправления с имеющимися на них контрольными штампами (Д.Ц. или Д.Ц. и название города или цензурного пункта), как не утвержденными, надлежит считать непроконтролированными и подвергать действию военного контроля на общих основаниях. Равным образом разрешается подвергать вторичному контролированию и

корреспонденцию, имеющую другие контрольные штампы, в случае какого-либо подозрения со стороны контролера.

7) ПИСЬМА, СОДЕРЖАЩИЕ МЕСТА, НЕ ПОДЛЕЖАЩИЕ ПРОПУСКУ, конфискуются. Если же сведения, содержащиеся в таком письме, представляют некоторый интерес, письмо представляется при меморандуме в Центральное Контрольное Бюро [имеется в виду ЦВПТКБ. – *И. Б.*].

I. ВСКРЫТИЮ ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ НЕ ПОДЛЕЖАТ:

A. ПОЧТОВЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ:

а) идущие на имя или от имени Председателя Совета министров (Министра-Председателя);

б) всех высших начальствующих лиц включительно до начальников дивизии и лиц, пользующихся правами последних, если в адресе должность этих лиц вполне точно обозначена;

в) идущие адресованные (так в тексте. – *И. Б.*) на имя или от имени Министров, Председателя и Членов Г. Думы, когда обозначено их звание или при условии адресования таковой в Государственную Думу и Начальников Главных Управлений Военного и Морского Министерств. Однако если эти отправления возбуждают какое-либо сомнение, то они подлежат вскрытию, но в этих случаях контролер всякий раз должен прилагать объяснения, какие именно обстоятельства вызвали его подозрения;

г) поступающие на имя Правительственных земских, городских и общественных учреждений и должностных лиц, когда корреспонденция эта следует за установленными для этих учреждений сургучными печатями;

д) исходящие от Правительственных земских, городских и общественных учреждений и должностных лиц, когда эта корреспонденция снабжена присвоенными этим учреждениям и лицам сургучными печатями; ж) (пункт «е» пропущен. – *И. Б.*) дипломатические и консульские СОЮЗНЫХ государств, как посылаемые, так и получаемые, когда они даже без печатей, и ЧАСТНАЯ корреспонденция, адресованная военным, морским, дипломатическим и консульским представителям СОЮЗНЫХ государств, если указана должность лиц;

з) дипломатические [отправления] НЕЙТРАЛЬНЫХ государств, СНАБЖЕННЫЕ обязательно официальной ПЕЧАТЬЮ

или ГЕРБОМ государства: 1. Входящие от правительства нейтрального государства своему же послу, посланнику или посольству и консулу или консульству в России; 2. исходящие от посла, посланника или посольства нейтрального государства своему же правительству; 3. от посла, посланника или посольства нейтрального государства из-за границы к послу, посланнику или посольству того же государства в Россию и обратно, за исключением послов, посланников и посольств, находящихся в неприятельских странах; 4. консула или консульства нейтрального государства своему же послу, посланнику или посольству в Петроград и обратно. Примечание: 1) Всякая прочая переписка, как отправляемая, так и получаемая НЕЙТРАЛЬНЫМИ дипломатическими и консульскими установлениями и лицами в России, подлежит контролю, хотя бы таковая и следовала за подлежащими казенными печатями. 2) Лица дипломатического и консульского звания указаны в списке, периодически издаваемом под названием: *Liste du Corps diplomatique accrédité auprès du Government de Russie* [Список дипломатического корпуса, аккредитованного при Правительстве России. – *И. Б.*].

и) иностранные офицеры, состоящие при Главных Управлениях Военного Министерства, указаны в особом списке, имеющемся у заведующих;

і) адресованные на имя Главного Уполномоченного Центрального Военно-Промышленного комитета, а равно посылаемые им на имя Комитета. При этом отправления, получаемые из Америки (США. – *И. Б.*), должны быть снабжены особою печатью Главноуполномоченного;

к) получаемые и отправляемые Правлением Добровольного Флота за присвоенною сему учреждению печатью;

л) с сообщениями, пропущенными Штабом Главнокомандующих (так в тексте. – *И. Б.*) и штабами армий.

Б. ИЗДАНИЯ: отправляемые за границу: а) Правительственные; б) Академий, университетов и других высших правительственных учебных заведений.

II. ПОДЛЕЖАТ ПРОСМОТРУ И НЕМЕДЛЕННОЙ ОТПРАВКЕ БЕЗ ЗАДЕРЖКИ:

а) Переписка наших казенных и торгово-промышленных предприятий и заводов и Военно-промышленных комитетов, работающих на нужды государственной обороны, с их заграничными контрагентами, особенно если она с вложением коносаментов (документов на получение товара, «накладных»).

б) Переписка промышленной экспедиции Бельгийской армии и ее отделения в Сестрорецке.

в) Чертежи всеобщей русской компании Радио-Телеграфа и Центрального Промышленного комитета.

г) Статьи из Англии в Англо-Русское бюро известий для снабжения столичных и провинциальных газет сведениями об Англии.

III. ПОЛНОЙ КОНФИСКАЦИИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ, ПО ПРОСМОТРЕ, КРАТКОЙ ЗАПИСКИ О ПРИЧИНАХ КОНФИСКАЦИИ ПОДЛЕЖАТ:

1) **ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА:** а) с изображением государей враждебных нам государств, их вождей, их знамен, крестов, национальных лент и цветов и всяких эпизодов военной жизни, надписей и стихов, восхваляющих доблесть этих войск и т.п.; б) с сообщениями **НАШИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ** за границей, как в открытых, так и в закрытых письмах, о привольном или хотя бы сносном их житье, хорошем содержании, обращении с ними и кормлении, как заведомо лживые и писанные под давлением врагов для соращения и побуждения наших солдат сдаваться в плен.

2) **ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ И ВСЯКОГО РОДА РИСУНКИ** из действующей армии с изображением участков позиций и военных действий.

3) **ДОКУМЕНТЫ О СТРАХОВКЕ**, пересылаемые за границу в страны **НЕЙТРАЛЬНЫЕ ИЛИ ВРАЖДЕБНЫЕ**, а также в страны союзные, если имеются указания, что они через союзные страны пересылаются в нейтральные или враждебные.

4) Вся переписка частных лиц или банковых учреждений, если окажется, что в ней идет речь о **ФИНАНСИРОВАНИИ ПРЕДПРИЯТИЙ**, находящихся во временно оккупированной неприязнелем нашей местности.

5) Воззвания к русскому народу с призывом к немедленному заключению мира, к неповиновению властям, с требованием выбирать деньги из ссудо-сберегательных касс, не платить податей и т.п.

6) ЧИСТЫЕ ЛИСТЫ БУМАГИ И ВСЕ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СТРАНИЦЫ, пересылаемые адресатам, исключая пересылаемые в письмах из России в действующую армию.

7) ВСЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ, направляемая ВО ВРАЖДЕБНЫЕ СТРАНЫ и получаемая оттуда непосредственно или через нейтральные страны, исключая корреспонденцию военнопленных и военнообязанных, которую, в случае надобности, [следует] отправлять в химический кабинет.

8) Вся внутренняя корреспонденция на НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ, по ее просмотре. ПРИМЕЧАНИЕ. Если в указанных письмах на немецком языке окажутся важные сведения, то письмо представляется, при соответствующем меморандуме, Начальнику Военного Почтового Контроля для направления его в Центральное [Военное Почтово-Телеграфное] Контрольное Бюро.

9) Корреспонденция находящихся в России военнопленных и военнообязанных враждебных нам государств, как между собою, так и с населением России.

10) Почтовое отправление или вложение, в котором места, недозволенные для пропуска, составляют ПОЛОВИНУ ИЛИ БОЛЕЕ ВСЕГО ЕГО СОДЕРЖАНИЯ, а также если отправление после зачеркивания или вырезки недозволенного текста может быть приведено в безобразный вид.

IV. ПРЕДСТАВЛЕНИЮ ПРИ МЕМОРАНДУМАХ НАЧАЛЬНИКУ ПОЧТОВОГО ВОЕННОГО КОНТРОЛЯ ДЛЯ НАПРАВЛЕНИЯ В П[очтовый] Т[елеграфный] К[онтроль] БЮРО ПОДЛЕЖИТ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ:

а) когда СООБЩАЮТСЯ СВЕДЕНИЯ об устройстве, составе, численности, местонахождении и т.п. сухопутных и морских сил, враждебных нам и нейтральных государств, равно как и об их политическом, экономическом, финансовом и моральном положении.

б) когда СООБЩАЮТСЯ ЦЕННЫЕ ВОЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ, могущие повредить или принести пользу интересам России или союзных с нами государств.

в) когда почтовые отправления содержат в целом недозволенные к оглашению сведения, предусмотренные как перечнем сведений, запрещенных к оглашению, так равно и распоряжениями по Военному Контролю.

г) когда обнаружены лица, способствующие военнообязанным уклониться от воинской повинности, или уклоняющиеся от нее, или же когда обнаружены чьи-либо преступные отношения к нашей армии и благоприятные неприятельской.

д) когда УСМАТРИВАЮТСЯ СДЕЛКИ по ввозу в Россию товаров из ВРАЖДЕБНЫХ нам стран. Что же касается сделок по вывозу продуктов и товаров, то соответствующие правила имеются у заведующих.

е) когда пересылаются ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ, ВЫРЕЗКИ ИЗ ГАЗЕТ, РУКОПИСИ И ПИСЬМА из-за границы, освещающие с невыгодной стороны внутреннее состояние нашего государства.

ж) когда корреспонденция вызывает какое-нибудь сомнение по своему содержанию, наружному виду, когда подозревается присутствие тайнописи и вообще когда контролер не уверен в том, что корреспонденция не содержит в себе ничего предусмотрительного (так в тексте. – *И. Б.*) и что она не может быть свободно пропущена.

з) когда пересылаются письма одного и того же содержания сразу по НЕСКОЛЬКИМ, в особенности по МНОГИМ адресам, т.к. такими способами иногда пользуются для донесений агентского или условного характера или же сообщений в целях германской пропаганды.

и) когда пересылается шифрованная или написанная условным текстом корреспонденция.

і) когда пересылается переписка организации адвентистов в Америке, печать генеральной конференции адвентистов седьмого дня, или переписка ПРОПОВЕДНИКОВ АДВЕНТИЗМА, которые, приводя тексты из Священного Писания, пользуются ими как средством для шпионажа.

V. ЦЕННЫЕ ВЛОЖЕНИЯ В ПРОСТЫХ ПИСЬМАХ.

1) Простые письма с документами или ценными вложениями (деньгами, марками, векселями, чеками и др.) надлежит записывать в имеющуюся особую книгу, подвергая письменное вложение контролю на общем основании, затем тщательно заделывать письма установленными заклеяками и сдавать для отправления по назначению.

2) При обнаружении документов или ценных вложений в корреспонденции, адресованной в оккупированные неприятелем местности России, корреспонденция эта, по записи обнаруженных в ней ценностей в особую книгу и по заделке ее, подлежит передаче в Центральное Военное Почтово-Телеграфное Контрольное Бюро.

VI. КОНТРОЛЕРАМ ПРЕДЛАГАЕТСЯ ОБРАЩАТЬ ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ:

а) на наличность в корреспонденции четырехугольных штампов отдела просмотра корреспонденции по секретным спискам. Примечание 1-е: На бандерольных отправлениях наличности указанного четырехугольного штампа не требуется, так как отправления эти на просмотр по секретным спискам не поступают. Примечание 2-е: Пакеты, содержащие в себе отдельные письма, должны быть представляемы, по их вскрытии, на просмотр по секретным спискам через Заведывающих;

б) несмотря на предварительную отборку корреспонденции, контролер должен удостовериться, не относится ли настоящее отправление к корреспонденции, не подлежащей вскрытию военным контролем, для чего [следует] обращать внимание на адресование и обратную сторону обложек и на печати. (См. ст. I настоящих правил);

в) на корреспонденцию, обмениваемую между Россией и нейтральными странами, в особенности Швецией, Голландией, Данией, Швейцарией и Норвегией;

г) на корреспонденцию частных фирм и лиц, направляемую в посольства и миссии нейтральных стран, особенно Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Испании и Голландии, так как под видом переписки частного характера разным условным способом могут сообщаться сведения, вредные для государства;

д) на корреспонденцию, содержащую сведения о военных или торговых судах, заказах для морского ведомства и морской торговли, каковую надлежит передавать для просмотра контролеру от морского министерства;

е) на почтовую корреспонденцию, идущую транзитом через Россию из Скандинавских стран, Дании, Голландии и Швейцарии в Китай, Персию и Японию и обратно, равно и транзитную корреспонденцию Америки и Испании, каковая должна быть передаваема НЕ ВСКРЫТОЙ заведывающему для передачи в транзитный отдел контроля;

ж) на входящую международную корреспонденцию ЧАСТНОГО ХАРАКТЕРА НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ, каковая по прочтении и наложении штампа должна быть сдана заведывающему отдельно от другой корреспонденции с соответствующей надписью на пакете. Корреспонденция военнопленных и военнообязанных на немецком языке подлежит просмотру на общем основании;

з) на деловую и торговую корреспонденцию на всех языках, так как немцы, чтобы ввести военный контроль в заблуждение, избегают вести корреспонденцию на немецком языке;

и) чтобы в письмах наших пленных за границей, в которых описываются обстоятельства побега из плена, не оглашались имена лиц, оказывающих помощь нашим воинам, чем чрезвычайно затрудняются дальнейшие попытки их товарищей вырваться из плена и ставятся препятствия деятельности друзей России в указанном направлении;

к) чтобы в адресах корреспонденции, идущей в действующую армию, не уничтожались полные названия войсковых частей, учреждений и заведений (рота, полк, артилл[ерийская] бригада и т.п.), в которых служит адресат, не допуская только указаний места нахождения их и в известных случаях наименования высшего войскового соединения (корпус, армия, фронт), в состав которого входят эти части;

Примечание: Подобные правила контроля адресов в действующую армию указаны в приложении втором к сим правилам;

л) чтобы корреспонденция, адресованная на имя чинов частей русских войск, находящихся во Франции, передавалась по ее просмотре и наложении штампа, через руководителей и заведующих, в отделение выдачи и отправки корреспонденции для отправ-

ления таковой во Францию в особых пакетах с надписью на них: «Secteur postal 189 Francais». Корреспонденцию же на имя личного состава 2-й особой бригады направлять, по ее просмотре, в особых пакетах по адресу: «Secteur postal 501 Armee d'orient par Marseille France»;

м) чтобы в тех случаях, когда на почтовом отправлении из действующей армии имеется отпечаток печати войсковой части, управления, учреждения и заведения и тут же почтовый штемпель с указанием места нахождения почтовой конторы, замазывать отпечатки печатей частей и названия местности на почтовом штемпеле для того, чтобы нельзя было определить, где часть находится;

н) чтобы в письмах из действующей армии не указывалось название местности, где расположена воинская часть, в которой служит отправитель письма;

о) на наружный вид всякой корреспонденции, как обложечек, так и вложения. На обложечке, кроме адреса, не должно быть никаких пометок, надписей, знаков и т.п. Почтовые марки надлежит отклеивать наполовину, т. к. под ними могут быть сообщения. Надлежит тщательно осматривать внутреннюю сторону обложки, уничтожая внутреннюю подкладку конвертов. На открытых письмах надо убедиться, не склеены ли два листа вместе и нет ли там секретного сообщения или вложения;

п) **НА ТАЙНОПИСЬ.** Для маскировки тайнописи текст письма пишется самого безобидного и в большинстве случаев шаблонного содержания. В случае малейшего подозрения контролер обязан корреспонденцию, равно как и всякое другое почтовое отправление, направлять при меморандуме через заведующего Начальника Почтового Военного Контроля для проявления тайнописи в химическом кабинете;

Примечание: Иногда тайнопись удается обнаружить простым глазом. Для этого следует предмет поднять на высоту глаза горизонтально так, чтобы он был вполне освещен, тогда станет ясно, что на предмете находятся начертания слов. Нередко тайнопись может быть проявлена путем подогревания и проглаживания утюгом, если надпись сделана лимонным соком, а также путем погружения и смачивания письма водою. Однако в последнее время, особенно в письмах военнопленных венгров, появилась тайнопись, написанная особым составом, которая проявляется только

при погружении в холодный раствор иода. На письмах в этом случае обыкновенно имеются надписи «iblang», что по-венгерски значит «иод». Следует в случае обнаружения или проявления хотя бы нескольких букв, дальнейшего проявления не производить, а передавать почтовое отправление при меморандуме заведывающему;

Задерживаемые письма не следует прикалывать булавками к сопроводительным бумагам или меморандумам, но прикладывать или прикреплять их зажимками для того, чтобы не оставлять следов прокола на письме и на конверте. Если марки на почтовом отправлении окажутся сорванными или конверт окажется в испорченном виде, то надлежит, не вскрывая письма, предъявить его через руководителя заведывающему для составления акта.

VII. ВОЕННЫМ КОНТРОЛЕРАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ:

а) Накладывать штамп на свою личную корреспонденцию или на корреспонденцию своих родственников или знакомых;

б) Делать какие-либо пометки, надписи и подчеркивания и приписки как в самой корреспонденции, так и на оболочках конвертов (кроме установленного штампа о просмотре и передаче).

в) Проставлять контрольные штампы на незаполненных текстом ответных бланках открытых писем.

г) Заклеивать те письма, которые не подлежали вскрытию, но были вскрыты контролером по ошибке. В этих случаях надлежит немедленно сообщать об ошибке заведывающему группой и передать ему вскрытое письмо.

д) Заделывать бандерольные отправления, подаваемые открытыми и заделке не подлежащие.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПРАВИЛА КОНТРОЛИРОВАНИЯ АДРЕСОВ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ

1) МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ВОЙСКОВЫХ ЧАСТЕЙ ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАЧЕРКИВАЕТСЯ.

Исключения: а) местонахождение управлений, учреждений и заведений, расположенных НЕ НА ФРОНТЕ, а на театре военных действий, необходимо оставлять, если не указано их название в

самом адресе, напр[имер]: 1) гор[од] Петроград. Начальнику Центрального Военного Почтово-Телеграфного Контрольного Бюро; 2) гор[од] Петроград. Окружному Интенданту Петроградского Военного Округа. В первом случае, если зачеркнуть город, то письмо дойдет по назначению с большим опозданием, обойдя все большие города, или же совсем не дойдет; во втором случае город можно зачеркнуть без всякого ущерба.

б) На письмах, адресованных лицам, служащим в управлениях, учреждениях и заведениях Красного Креста, в городских и земских союзах, а также и самим вышеупомянутым учреждениям, ничего зачеркивать нельзя, а сохранение полностью адреса не может служить указанием о месте нахождения воинской части, так как эти организации ничего общего с ними не имеют.

в) Название города не вычеркивается при адресовании писем: а) в Главные почтовые полевые конторы; б) в крепостные полки и в) в военно-учебные заведения (военные училища, школы прапорщиков, кадетские корпуса и т.д.).

2) НАЗВАНИЕ ФРОНТОВ нужно зачеркивать на всех письмах, кроме адресованных: Главнокомандующим, чинам их Штабов, Управлений, учреждений, заведений и мелким воинским частям, приданным данному фронту. Пример: Штаб Западного фронта, писарская команда. Штаб Юго-Западного фронта, нестроевая рота. Штаб Северного фронта, команда телефонистов. Тяжелый дивизион № 1 Северного фронта.

3) НАЗВАНИЕ НОМЕРА И АРМИИ зачеркивать на всех письмах, кроме адресованных: Командующим Армиями, чинам их Штабов, управлений, учреждений, заведений и мелким воинским частям, приданным данной армии. Пример: Штаб 2 Армии, команда службы Связи. Военному Следователю соединенного Суда 5 Армии.

4) НАЗВАНИЕ И НОМЕРА КОРПУСОВ зачеркивать на всех письмах, кроме адресованных: Командирам Корпуса, чинам их Штабов, управлений, учреждений, заведений и мелким воинским частям, приданным данному корпусу. Пример: 3 Армейский корпус, Заведывающему гуртом порционного скота.

5) НОМЕРА ДИВИЗИЙ зачеркивать на всех письмах, кроме адресованных: Начальникам дивизий, чинам их Штабов, управлений, учреждений, заведений и мелким воинским частям, приданным

ным дивизиям, и на письмах командирам отдельных бригад. Пример: 1-й Лазарет 12 пехотной дивизии. Командиру 7 пехотной дивизии.

6) НАЗВАНИЕ И НОМЕР ОТДЕЛЬНЫХ И ОСОБЫХ БРИГАД зачеркивать на всех письмах, кроме адресованных: командирам этих бригад, чинам их штабов, управлений, учреждений и мелким воинским частям, приданным этим бригадам. Пример: Делопроизводителю Польской стрелковой бригады. Саперная рота 18 Ополченской бригады.

ВСЕ, ЗАЧЕРКИВАЕМОЕ В ПРЕДЫДУЩЕЙ КАТЕГОРИИ, НУЖНО ЗАЧЕРКИВАТЬ И В ПОСЛЕДУЮЩЕЙ, например, на письмах, адресованных в категорию 5-ю: Начальнику 5 пехотной дивизии, надо зачеркнуть: фронт, Армию и корпус, т.е. то, что зачеркивается в 2, 3 и 4 категориях.

НОМЕРА ОТДЕЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ, А ТАКЖЕ И НАЗВАНИЯ ИХ И РОД ОРУЖИЯ, НИКОИМ ОБРАЗОМ ВЫЧЕРКИВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖАТ. Вообще на письмах, адресованных в полки, отдельные батальоны, роты, команды, артиллерийские бригады, дивизионы, парки и батарей, отдельные эскадроны, сотни и команды, должны в адресе обязательно оставаться: НОМЕР, НАЗВАНИЕ И РОД ОРУЖИЯ, и в адресе на письмах в эти части нельзя зачеркивать ничего ниже дивизии, а также и слова: Сибирский, Туркестанский, Пластунский, Стрелковый, Запасный, Ополченский, Особый, Отдельный, Тяжелый, Легкий, Местный, Подвижной, Ездящий и т.п.

Примечание. На письмах в действующий флот нельзя зачеркивать название: Балтийский, Черноморский, Владивостокский и т.д.

ОТДЕЛЬНЫМИ ВОИНСКИМИ ЧАСТЯМИ СЧИТАЮТСЯ:

1) для пехоты – полки, запасные и этапные батальоны и дружины;

2) для конницы – полки и отдельные Кавказские сотни;

3) для артиллерии: полевой – бригады и дивизионы; осадной и крепостной – полки;

4) для инженерных войск – саперные, понтонные и железнодорожные батальоны, отдельные искровые, военно-телеграфные, саперные роты, воздухоплавательные и автомобильные роты.

ПРИ ВСЕХ ОТДЕЛЬНЫХ ВОИНСКИХ ЧАСТЯХ НОМЕРА И НАЗВАНИЯ ФРОНТА, АРМИИ, КОРПУСА И ДИВИЗИИ ЗАЧЕРКИВАЮТСЯ, за исключением случаев:

А) адресования писем:

1) для рабочих команд, рот и т.д. (№ Армии не вычеркивается).

2) для отдельных телеграфных рот (кроме фронта ничего не вычеркивается).

3) для Автомобильных радиостанций (№ корпуса не вычеркиваются).

4) для воздухоплавательных радиостанций (№ корпуса не вычеркиваются).

Б) Название фронта не вычеркивается при адресовании писем в:

1) Бригады и дивизионы тяжелой артиллерии.

2) Железнодорожные парки.

3) Парковые полевые железнодорожные парки.

4) Передовые инженерные склады.

5) Санитарные госпитали (ничего не вычеркивается).

6) Тыловые воздухоплавательные парки.

7) Полевые радиостанции.

8) Штабы фронта.

ПРИ АДРЕСОВАНИИ ПИСЕМ ВО ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ВОЙСКОВЫЕ ЧАСТИ ПОДЛЕЖАТ УКАЗАНИЮ ТОЛЬКО НАЗВАНИЯ ИХ И РОД ОРУЖИЯ. К числу последних также относятся: Артиллерийские бригады, Автомобильные части, автопулеметные взводы, Авиационные школы, части-роты, дивизионы, отряды, Воздухоплавательные части, экипажи воздухоплавательных кораблей, полевые воздухоплавательные роты, наблюдательные станции, Этапные войска, Эксплуатационные батальоны, Железнодорожные войска, начиная с бригад до рот, Инженерные войска, Искровая рота (станция не вычеркивается), Искровая вьючная станция, Крепостные роты, Конно-искровые роты (станции и отделение не вычеркивается), Минные части, Мотоциклетные отделения и команды, Морские части, Осадные инженерные парки, Отдельные саперные роты, Понтонные батальоны и роты, Полевые инженерные парки, Радиотелеграфные мастерские-поезда,

Строительные отряды Всероссийского Союза, передовые инженерные строительные дружины, Самокатные роты.

Вообще, необходимо, чтобы адреса читались не машинально, а очень внимательно, не зачеркивая сведений, не могущих составлять тайну, но необходимых для доставления письма по адресу.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3¹

Штамп образца 8, проставленный на адресной стороне конверта и не сопровождаемый штампом «вскрыто военной цензурой» обозначает, что письмо должно быть передано на просмотр в военную цензуру.

Штамп образца 8, проставленный на чистой (не адресной) стороне конверта обозначает, что письмо должно быть отправлено по назначению без наложения штампа «вскрыто военной цензурой», т.е. без предъявления в военную цензуру; проставляется на корреспонденции, не подлежащей действию военной цензуры.

Штамп образца 44, проставленный на корреспонденции, обмениваемой с Францией и Англией (и с метрополиями), обозначает, что письмо должно быть отправлено по назначению без наложения штампа «вскрыто военной цензурой».

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ПРАВИЛА СОСТАВЛЕНИЯ МЕМОРАНДУМОВ

Военный Контролер, придя к решению о необходимости задержать почтовое отправление, передает таковое со своим меморандумом за личной подписью руководителю отделения; если последний находит задержание правильным, то делает о том отметку на меморандуме за своей подписью и возвращает контролеру для полного перевода в меморандуме места из письма, вызвавшего подозрение; все почтовые отправления задерживаемые по формальным причинам, должны сопровождаться меморандумами и по содержанию.

Меморандумы должны писаться на четвертях листа, по прилагаемой при сем форме, ясно и возможно подробно, с указанием:

¹ Сбита нумерация приложений.

А) места отправления и отправителя, если он может быть установлен; Б) места назначения и адресата; В) если письмо заказное – номера его; Г) причины задержания; Д) фамилии, номера штампа, наименование группы и отделения, составлявшего меморандум, и Е) фамилий руководителя и заведывающего, просматривавших меморандум.

Меморандумы должны писаться в двух экземплярах (допускается писать химическим карандашом с прокладкой синей копировальной бумаги): один экземпляр представляется с письмом Начальнику Почтового Контроля для направления в Центральное Военное Почтово-телеграфное Контрольное Бюро, другой остается у заведывающего группой и подшивается в особое заведенное для сего дело.

На заведывающих возлагается обязанность тщательного просмотра меморандумов до их отправления и наблюдение за соблюдением требуемых для его составления условий.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

МЕМОРАНДУМ

« » 191 г.

Военного Контролера..... штамп №.....

Отдела контроля..... « » гр[уппа] « » отд[ел]

Корреспонденция: из.....

от.....

Адресованное на имя.....

куда.....

Сообщение:

[Подп.] Подполковник Елагин

РГВИА.Ф. 13836. Оп. 1. Д. 709. Л. 1–8. Подлинник. Машинопись.

Список литературы

1. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март–октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 1. Март–апрель 1917 года. – Москва : РОССПЭН, 2001. – 448 с.

***Правила работы военного контроля почтовой корреспонденции
в России в 1917 г.***

2. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. Том 3. Июль-август 1917 года. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 416 с.
3. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 4. – С. 152–165.
4. Батулин, П.В. Проблемы реорганизации военной цензуры в период Временного правительства // История книги и цензуры в России. Четвертые Блюмовские чтения. – Нижний Новгород, 2018. – С. 146–175.
5. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история. – 2022. – № 4. – С. 96–117.
6. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. – Санкт-Петербург : Северная звезда, 2013. – 620 с.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1929/1953»

DOI: 10.31249/hist/2024.01.08

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: REVISIONING STALIN AND STALINISM: COMPLEXITIES, CONTRADICTIONS AND CONTROVERSIES / ed. by J. Ryan, S. Grant. – London : Bloomsbury Academic, 2022. – XIV, 250 p.

Ключевые слова: политическая система в СССР; политические репрессии в СССР; Сталин и гражданская война в Испании; культ личности Сталина; внешняя политика СССР; холодная война; историческая память; историческая политика в РФ.

Keywords: political system in the USSR; political repressions in the USSR; Stalin and the Spanish Civil War; Stalin's personality cult; foreign policy of the USSR; cold war; historical memory; historical politics in the Russian Federation.

Для цитирования: Минц М.М. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 144–152. – Рец. на кн.: Revisio-ning Stalin and stalinism: complexities, contradictions and controversies / ed. by J. Ryan, S. Grant. – London : Bloomsbury Academic, 2022. – XIV, 250 p. DOI: 10.31249/hist/2024.01.08

Рецензируемый сборник под редакцией Джеймса Райана (Кардиффский ун-т, Великобритания) и Сьюзен Грант (Ливерпульский ун-т имени Джона Мурса) посвящен различным аспектам сталинизма как исторического феномена. Он основан на материа-

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). Персональная страница: <http://inion.ru/ru/about/personalities/mints-mikhail-mikhailovich>

лах специального симпозиума Ирландской ассоциации российских, центрально- и восточноевропейских исследований, состоявшегося в мае 2018 г. в Ирландском национальном университете в Корке и приуроченного к уходу на пенсию Джеффри Робертса – известного и заслуженного специалиста по истории СССР в сталинский период¹. Участники симпозиума попытались суммировать и обобщить последние наработки западной историографии сталинизма и оценить текущее состояние исследований. Подготовленная ими книга состоит из введения и десяти статей, девять из которых сгруппированы в три части, охватывающие три основных группы вопросов: часть первая – Сталин как руководитель и глава государства, часть вторая – культ личности «вождя народов», часть третья – роль Сталина в холодной войне.

Введение, написанное Дж. Райаном и С. Грант, содержит не только общую характеристику самого издания, но и краткий обзор основных этапов изучения сталинизма в западной науке. Авторы отмечают, что хотя «тоталитарная школа» в первые годы холодной войны являлась доминирующим направлением, даже в этот период в исследовательском сообществе были представлены и альтернативные подходы, особенно в Западной Европе. Смена парадигмы произошла в 1970-е годы с появлением «ревизионистского» направления с его преимущественным вниманием к социальной истории РСФСР / СССР и соответственно – к изучению социальной базы советского режима. Следующей важной вехой стал распад Советского Союза, за которым последовала «архивная революция»

¹ Основные работы Дж. Робертса: Roberts G. The Unholy Alliance: Stalin's pact with Hitler. – Bloomington : Indiana univ. press, 1989. – XVIII, 296 p.; Idem. The Soviet Union and the origins of the Second World War: Russo-German relations and the road to war, 1933–1941. – New York : St. Martin's press, 1995. – X, 192 p.; Idem. The Soviet Union in world politics: coexistence, revolution, and Cold War, 1945–1991. – New York : Routledge, 1999. – XIV, 125 p. (Making of the contemporary world); Робертс Дж. Победа под Сталинградом: битва, которая изменила историю / пер. с англ. М.Ю. Мягкова ; вступ. ст. О.А. Ржешевского. – Москва : УРСС, 2003. – 175 с.; Его же. Вячеслав Молотов: сталинский рыцарь «холодной войны» / пер. с англ. Е.В. Матвеевой. – Москва : АСТ, 2014. – 283 с.; Его же. Иосиф Сталин: от Второй мировой до «холодной войны», [1939–1953] / пер. с англ. О.Ю. Семиной. – Москва : АСТ, 2014. – 638 с. – (XX век: великие и неизвестные); Его же. Георгий Жуков. Маршал Победы / пер. с англ. И.В. Павловой. – Москва : АСТ, 2016. – 364 с.

начала 1990-х годов, значительно расширившая источниковую базу исследований. В постсоветские годы еще продолжали выходить работы, основанные на «ревизионистской» и даже на «тоталитарной» методологии, но в целом период примерно с середины 1990-х годов авторы характеризуют как «постревизионизм». В методологическом отношении он стал составной частью «культурного поворота» и «лингвистического поворота», характерных для исторической науки в целом; на этом этапе произошел отход от классической социальной истории в сторону изучения повседневной жизни, массовых настроений и представлений. Вновь возродился интерес к истории советской идеологии, но под новым углом зрения, отличным от исследований, выполненных в рамках «тоталитарной» школы. Важное значение для исторической науки имело также окончание холодной войны, благодаря которому «постревизионистская» историография стала существенно менее политизированной по сравнению с предшествующими этапами.

Как отмечают Райан и Грант, дать сталинизму четкую научную дефиницию не так просто – по многим причинам, в том числе из-за того, что само советское государство успело заметно измениться за время пребывания Сталина у власти, в то время как многие его важнейшие особенности (включая плановую экономику и однопартийную систему) сформировались еще до 1929 г. и продолжали существовать вплоть до начала Перестройки. Сами авторы к числу определяющих характеристик сталинизма относят «курс на достижение полностью социалистического, затем коммунистического, общества; централизованную экономику, управляющуюся государством в условиях однопартийного режима; грандиозное, хотя и не непрерывное, использование массового принуждения и насилия в процессе ускоренной экономической и социальной модернизации, а также социальной инженерии; политические репрессии и в какой-то степени патологическую подозрительность по отношению к “врагам” революции; “пропагандистское государство”, характеризующееся исключительной важностью коммуникации с гражданами, их мобилизации на службу революционной социальной трансформации; строгое регулирование информации внутри и за пределами границ государства; культ вождя и тенденцию к патриархальному управлению; наконец – представ-

ление о собственном превосходстве над предположительно загнивающим капиталистическим миром» (с. 6–7).

Первую часть сборника открывает статья Кристофера Рида (Уорикский университет, Великобритания), посвященная эволюции представлений о личности диктатора в научной литературе и массовом сознании от идеологизированных образов времен холодной войны к более сбалансированным, основанным на доступных источниках представлениям об историческом Сталине. Автор также делится собственным опытом написании биографии советского «вождя», вышедшей в 2017 г.¹

В статье Питера Уайтвуда (Йоркский ун-т Святого Иоанна, Великобритания) анализируются причины армейских чисток 1937–1938 гг. Исследователь приходит к выводу, что эти события были обусловлены сочетанием нескольких факторов разной степени длительности. С одной стороны, лояльность командного состава Красной армии всегда вызывала у большевистского руководства серьезные опасения. В период Гражданской войны и на протяжении 1920-х годов это было связано с наличием в вооруженных силах многочисленных «военспецов»; в конце 1920-х годов добавились также опасения, что среди военных может оказаться значительное число троцкистов. С другой стороны, в 1937–1938 гг. важные изменения претерпел образ внутреннего врага в целом: именно в этот период действительным и мнимым бывшим оппозиционерам начали систематически предъявлять обвинения в сотрудничестве с иностранной разведкой (чаще всего немецкой или японской). Сочетание этих факторов привело к резкому всплеску шпиономании, что и сделало возможным арест Тухачевского и последующее расследование по делу о несуществующем «военно-фашистском заговоре». Данная гипотеза представляет несомненный интерес, но все же нуждается в дополнительной проверке, тем более что автор, судя по тексту статьи, исходит из того, что Сталин не мог не понимать, насколько существенный ущерб массовые репрессии нанесут обороноспособности страны. Такое приписывание историческому персонажу наших сегодняшних знаний о по-

¹ Read Ch. Stalin: from the Caucasus to the Kremlin. – London ; New York : Routledge, 2017. – XI, 339 p.

следующих событиях представляет собой довольно распространенную методологическую ошибку.

Уайтвуд обращает внимание на неочевидную, но важную особенность такой категории источников, как протоколы допросов арестованных военных: эти документы не только содержат информацию о том, какие именно показания и «признания» следователи пытались выбить из обвиняемых, но и позволяют (в сопоставлении с другими видами источников) проследить эволюцию различных теорий заговора в сознании советского руководства (с. 41). Автор также подчеркивает, что история «дела военных» во многом характеризует сталинскую систему в целом: «К началу 1930-х годов Сталин получил широчайший контроль над советским государством, но также много сделал для того, чтобы подорвать собственную силу, неправильно понимая природу угроз безопасности. Эта его способность строить одной рукой и разрушать другой определяла природу его власти» (с. 50).

Дэниел Ковальски (Ун-т Королевы в Белфасте, Великобритания) подробно анализирует историографию участия СССР в гражданской войне в Испании (как советскую и современную российскую, так и зарубежную, в том числе на испанском языке). Окончание холодной войны и «архивная революция» в России привели не только к количественному росту исследований по данной теме, но и к серьезным качественным сдвигам. До распада СССР даже опубликованные русскоязычные источники по большей части оставались неизвестными западным историкам, а научные работы о советской помощи Испанской республике выходили крайне редко. При этом среди авторов левого толка была распространена восходящая еще к Дж. Оруэллу точка зрения, согласно которой советская военная помощь была весьма ограниченной по масштабам, а стремление Сталина к доминированию в Испании только ускорило поражение республиканцев.

В самой Испании при жизни Ф. Франко преобладала официальная установка о том, что июльский мятеж 1936 г. был предпринят с целью пресечь подрывную деятельность коммунистов. В 1990–2000-е годы открытие прежде недоступных советских архивов и многочисленные документальные публикации по существу сформировали совершенно новую источниковую базу по советско-испанским отношениям в 1936–1939 гг., в свете чего, по словам

автора, «не будет преувеличением сказать, что почти все общие нарративы [гражданской] войны [в Испании], написанные до начала нового тысячелетия, являются теперь устаревшими» (с. 58). Прежние трактовки этих событий встречаются и в современной литературе (в русле этих трактовок гражданскую войну в Испании описывает, например, С. Коткин), но в целом сегодняшняя историография склоняется к тому, что Сталин не преследовал цели создать в Испании просоветский режим. Вмешательство СССР в гражданскую войну было обусловлено отчасти неспособностью англо-французского блока предотвратить итало-германскую интервенцию, отчасти же тем, что именно таких действий ожидали от Советского Союза многие деятели международного рабочего движения и антифашистского движения. При этом советская военная помощь по своим масштабам была довольно обширной и в значительной части может быть охарактеризована как вполне бескорыстная. Ковальски также высказывает предположение, что участие Советского Союза в гражданской войне в Испании не столько было обусловлено внутривнутриполитическими процессами в самом СССР, сколько само оказало существенное влияние на дальнейшую эволюцию сталинизма. К сожалению, непосредственно в тексте статьи этот тезис никак подробно не раскрыт и не обоснован.

Общий обзор достоинств и недостатков Сталина как военного руководителя приводится в статье Криса Беллами (Гринвичский университет, Великобритания). Автор рассматривает в числе прочего его участие в обороне Царицына во время Гражданской войны, роль в строительстве советских вооруженных сил в межвоенный период, стиль руководства страной и армией в годы Второй мировой войны, однако в силу ограниченного объема статьи предлагаемый анализ получился довольно кратким, пунктирным и, пожалуй, несколько поверхностным. Приходится констатировать, что выбранная автором тема слишком обширна для столь сжатого формата.

Феномен культа личности Сталина рассматривается во второй части книги в двух статьях, авторы которых сосредоточились главным образом на его международном контексте. Джудит Девлин (Университетский колледж Дублина, Ирландия) сравнивает советские практики с аналогичными явлениями в других странах в 1920–1930-е годы, прежде всего с культами Т.Г. Масарика в Чехо-

словакии, Ю.К. Пилсудского в Польше, П. фон Гинденбурга в веймарской Германии и К. Ататюрка в Турции. В статье подчеркивается, что такие культы личности политического лидера формировались в основном в государствах, возникших в результате Первой мировой войны или переживавших после ее окончания период острой внутренней нестабильности. Культ главы государства рассматривался правящими кругами этих стран как инструмент, позволяющий сплотить население вокруг правительства и обеспечить лояльность большинства граждан проводимому политическому курсу. Советский культ Сталина на этом фоне выделяется прежде всего своими масштабами, особенно с середины 1930-х годов.

Культы личности, формировавшиеся вокруг венгерских политических лидеров на протяжении XX в., рассматриваются в статье Балажа Апора (Тринити-колледж, Дублин). Автор анализирует официальную репрезентацию императора Франца Иосифа I, культы М. Хорти в межвоенной Венгрии и М. Ракоши в 1948–1956 гг., а также элементы культа личности в современном пропагандистском образе В.М. Орбана. Культ Ракоши, по заключению Б. Апора, представлял собой синтез венгерских политических традиций и советских практик сталинской эпохи.

Третья часть сборника содержит три статьи, посвященных роли Сталина в холодной войне. Истоки этого конфликта рассматривает Кэролайн Кеннеди-Пайп (Ун-т Лафборо, Великобритания), автор монографии «Холодная война Сталина», опубликованной еще в 1995 г.¹ В своей статье она возвращается к тематике этой книги с учетом новейших исследований и источников, ставших доступными для ученых за последние 25 лет. Кеннеди-Пайп выделяет три основных фактора, обусловивших распад Большой тройки и последующее глобальное советско-американское противостояние: новизну международной ситуации, сложившейся в 1945 г. (во многом в связи с изобретением ядерного оружия), морализм американской внешней политики (отменявший один из важнейших постулатов Вестфальской системы о том, что враждебный «другой» – это оппонент, которого необходимо победить, но не экзистенциальный враг, который должен быть уничтожен) и сохра-

¹ Kennedy-Pipe C. *Stalin's Cold War: Soviet strategies in Europe, 1943–1956.* – Manchester : Manchester University Press, 1995. – 218 p.

няющуюся идеологию «реальной политики», допускающую раздел мира на сферы влияния; автор подчеркивает, что этой идеологии придерживался и Сталин.

Отношение советского диктатора к международному движению за мир анализируется в статье Дж. Робертса; он показывает, в частности, механизмы взаимодействия между лидерами этого движения и советским руководством. В конце 1940-х – начале 1950-х годов движение за мир в значительной степени ориентировалось на Москву (часто даже не на прямые указания, а на предполагаемые пожелания Сталина), нередко в ущерб собственной репутации, но в то же время сохраняло и определенную автономию. Молли Пуччи (Тринити-колледж, Дублин) рассматривает политические процессы в Чехословакии в начале 1950-х годов (процесс Сланского) как перенос советских следственных практик в страны Восточной Европы.

Завершает книгу статья Дж. Райана об отношении к Сталину в современной России. Исследование выполнено в основном на материалах 2014–2019 гг. и охватывает как правящую элиту, так и широкие слои населения. Российскую политику памяти в этот период автор характеризует как противоречивую и непоследовательную; это же, по его мнению, можно сказать и об общественных настроениях. В то же время одним из проявлений этой непоследовательности является ограниченный характер сталинского «ренессанса» 2000-х годов. К примеру, российские «системные» политики и высокопоставленные чиновники, как правило, считают неприемлемыми сталинские репрессии, даже если положительно отзываются о тех или иных достижениях 1930–1940-х годов (прежде всего о победе во Второй мировой войне). Похожая ситуация существует и в массовом сознании, где, по наблюдениям Райана, образ Сталина (часто ассоциирующийся с социальной справедливостью, военной мощью и т.д.) отделяется от реалий его эпохи, так что одни и те же респонденты могут положительно оценивать личность диктатора, но не желать при этом возвращения к его методам управления страной. Как следствие, несмотря на явный рост его популярности, продолжается (в ограниченных масштабах) и работа по преодолению травматичного прошлого, так что о *реабилитации* Сталина в строгом смысле слова, по мнению автора, говорить пока не приходится (социально-политические процессы последних

двух лет в статье не затрагиваются, так как первое издание сборника вышло еще в 2021 г.).

Книга в целом производит противоречивое впечатление. Многие статьи посвящены достаточно узким сюжетам и не складываются в сколько-нибудь целостную картину; от сборника со столь претенциозным заглавием и многообещающим введением поневоле ожидаешь большего. Тем не менее большинство материалов выполнены на хорошем научном уровне (даже если и вызывают возражения в каких-то частностях) и несомненно будут полезны специалистам в соответствующих областях. Эта книга безусловно не является обобщающим коллективным исследованием феномена сталинизма, но с основной своей задачей – подготовить разностороннюю подборку научных работ по истории СССР в 1930–1950-е годы, отражающую текущее состояние исследований по затронутым в книге темам – авторы справились.

УДК 378.4; 94(47).083

DOI: 10.31249/hist/2024.01.09

БАБЕНКО О.В.* Рец. на книгу: ИВАНОВ А.Е. УНИВЕРСИТЕТЫ И ВЛАСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. НАЧАЛО XX в. – Москва : Принципиум, 2023. – 320 с.

Ключевые слова: университеты в Российской империи; система высшего образования в Российской империи; власть в Российской империи.

Keywords: universities in the Russian Empire; higher education system in the Russian Empire; power in the Russian Empire.

Для цитирования: Бабенко О.В. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – 2024. – № 1. – С. 153–159. – Рец. на книгу: Иванов А.Е. Университеты и власть в Российской империи. Начало XX в. – Москва : Принципиум, 2023. – 320 с. DOI: 10.31249/hist/2024.01.09

Рецензируемая книга – это новая монография известного российского историка, д-ра ист. наук Анатолия Евгеньевича Иванова (ИРИ РАН), посвященная взаимоотношениям университетов и власти в Российской империи в начале XX в. Иванов – крупный специалист по истории российской высшей школы. Его перу принадлежит целый ряд монографий, посвященных этой проблематике¹. Рецензируемая книга продолжает данный цикл исследований о

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

¹ См.: Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. – Москва : Институт истории СССР АН СССР, 1991. – 392 с.; Его же. Ученые степени в Российской империи XVIII – начала XX века. – Москва : ИРИ РАН, 1994. – 196 с.; Его же. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 414 с.; Его же. Студенческая

российских университетах. В ней предложены новые подходы к постановке и решению исследовательских задач, аккумулирован накопленный автором источниковедческий и историографический опыт научных изысканий.

К достоинствам рецензируемого исследования следует отнести введение автором в научный оборот большого количества неопубликованных архивных и библиотечных материалов (ГАРФ, Государственный архив Одесской области, РГВИА, РГИА, ОР ГПИБ, ЦИАМ) и широкое использование дореволюционной периодики («Журнал Министерства народного просвещения», «Московские ведомости», «Харьковские губернские ведомости» и др.). Кроме того, Иванов много цитирует мемуарную литературу – воспоминания и записки известных государственных деятелей и профессоров России.

В книге проводится мысль о том, что накануне и в период Первой русской революции университеты являлись оплотами оппозиционных и революционных сил, были центрами антиправительственных митингов и собраний. Автор последовательно рассматривает правительственную университетскую политику, направленную на подавление революционных настроений в высших учебных заведениях Российской империи. Согласно его доказательным рассуждениям, к началу XX в. власть и профессура имели диаметрально противоположные взгляды на общественно-культурные функции университетов (с. 9). Государство заботилось о пополнении чиновничьего корпуса специалистами «верноподданными по мировоззрению» (с. 10). Его не интересовала передача необходимых знаний молодому поколению и их использование на практике. Власть предрежащих больше беспокоили «академические вольности» и студенческие беспорядки. Самодержавное пра-

корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культурной и политической самоорганизации. – Москва : Новый хронограф, 2004. – 407 с.; Его же. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX века. Каким оно было. Опыт социокультурного портретирования. – Москва : Новый хронограф, 2007. – 428 с.; Его же. Мир российского студенчества. Конец XIX – начала XX века. Очерки. – Москва : Новый хронограф, 2010. – 360 с.; Его же. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII – начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. – Москва : Новый хронограф, 2016. – 648 с.; Его же. Высшая школа Российской империи XVIII – начало XX века. Избранные статьи. – Москва : Принципиум, 2019. – 702 с.

вительство стремилось «к всеобъемлющему охранительному контролю над деятельностью высшей школы...» (с. 11).

Монография имеет традиционную структуру – состоит из введения, семи глав и заключения. Основополагающее значение мы придаем первой главе, где автор приводит исчерпывающую информацию об университетском вопросе на рубеже XIX–XX вв. Здесь читателю предлагаются сведения об общем количестве университетов в Российской империи в начале XX в., их организационной структуре, институциональных и ментальных корнях российских университетов, географическом положении университетской сети, отношениях между бюрократическим региональным «бмондом» университетских городов и местной профессурой, численности студенческого университетского контингента в сравнении с количеством учащихся других высших учебных заведений и т.д. Иванов отдельно рассматривает запрет императора на открытие новых университетов от 2 апреля 1912 г., вызванный личной неприязнью Николая II к университетам как к источникам массовых студенческих беспорядков и оппозиционного настроения профессоров. Анализируются также университетская контрреформа 1870–1880-х годов, университетский устав 1884 г., значение диплома университета, функции «инспекции студентов» или «академической полиции», сословный состав и материальное положение студенчества и т.п.

Иванов считает, что университеты были «заглавной составляющей городской культуры» (с. 14). С этим утверждением можно поспорить хотя бы на том основании, что женщины дореволюционной России не имели доступа к университетскому образованию. Они могли обучаться только на высших женских курсах и в специальных учебных заведениях (в Академии художеств, консерватории и т.п.). Сам автор пишет о категорическом запрете на прием в университеты «лиц женского пола» (с. 27). Да и мужчины, не получившие законченного гимназического образования (и аттестата зрелости), не могли стать студентами университетов. Поэтому выпускники реальных и профессиональных училищ не имели возможности получить университетский диплом. Кроме того, был ограничен прием в университеты «лиц иудейского вероисповедания».

Важная особенность рецензируемого исследования заключается в том, что перед читателем предстают личности министров

народного просвещения: им дается обстоятельная характеристика, раскрывается их повседневная практическая деятельность по управлению университетами. Следует отметить, что Иванов впервые в историографии анализирует взаимоотношения в системе «власть – высшая школа», используя психологические характеристики царских министров. В монографии представлены шесть фигур: Н.П. Боголепов, П.С. Ванновский, Г.Э. Зенгер, В.Г. Глазов, И.И. Толстой, П.М. Кауфман. Вызывает интерес утверждение Иванова, что каждый из этих министров «пытался придать университетскому правительственному курсу свою персональную особость, одновременно оставаясь в общих рамках правительственного охранительного курса» (с. 12).

С нашей точки зрения, целесообразно рассмотреть подход автора к личности графа Ивана Ивановича Толстого (1858–1916). Именно при нем Министерству народного просвещения пришлось решать широкий круг вопросов: утверждение проекта либерального устава императорских университетов, либеральная академическая политика, еврейский вопрос, женский вопрос, «предметная система» преподавания в университетах. Иванов обращает внимание читателей на то, что Толстой был родовитым аристократом, правнуком фельдмаршала М.И. Кутузова, гофмейстером двора его императорского величества (с. 272). Пост министра народного просвещения он занимал в эпоху революционного хаоса – с 31 октября 1905 г. до 24 апреля 1906 г. В прошлом Толстой был вице-президентом Академии художеств, управлявшей всей системой художественного образования России. Поэтому его фигура в сфере высшего руководства образованием оказалась неслучайной. В беседе с Николаем II Толстой не скрывал, что является решительным врагом существующего «бюрократического» режима, а вся его министерская деятельность должна была содействовать «коренному либеральному реформированию государственного строя» (с. 278). По этим причинам он мало продержался на посту министра, не сумев добиться приема в университеты женщин равноправно с мужчинами и ввести «предметную систему» преподавания. Тем не менее ряд либеральных мероприятий министр провел: он отправил в отставку некоторых министерских консерваторов, способствовал восстановлению деятельности нескольких высших учебных заведений, закрытых до 1 января 1906 г., добился отмены

распоряжения Н.П. Боголепова о прикреплении абитуриентов к университетам «своих» учебных округов, получил позволение царя выбирать профессоров не только по конкурсу, но и по рекомендации, открыл «иудейской молодежи» доступ в общую русскую школу. Получается, что Толстой, вопреки приведенному выше утверждению Иванова, не оставался в рамках правительственного охранительного курса, а пытался проводить в жизнь собственную политику, идущую вразрез с ожиданиями верховной власти.

Последователь Толстого, член Государственного совета Петр Михайлович Кауфман (1857–1926), происходил из крупных землевладельцев и был, по меткому замечанию Иванова, «профессиональным бюрократом немалого калибра» (с. 300). Он не имел никакого отношения к сфере образования, поэтому консультировался у графа Толстого и в начале своей работы был его продолжателем. Тем не менее они расходились во мнениях касательно кадровой политики и «общих вопросов» политического курса Министерства народного просвещения. В целом же, по мнению Иванова, министерство Кауфмана «было переходным от безбрежно-либерального курса его предшественника И.И. Толстого к ультраконсервативному курсу его преемника А.Н. Шварца» (с. 302). Кауфман пытался обеспечить доступ в университеты женщинам, отменить процентные нормы для «лиц иудейского вероисповедания», упразднить аппарат инспекции по студенческим делам. Здесь Иванов во второй раз противоречит сам себе, поскольку после утверждения о работе министров народного просвещения в рамках правительственной охранительной политики признает либеральную деятельность Кауфмана.

Выводы Иванова резюмируют его рассуждения о взаимоотношениях в системе «власть – университеты» и сводятся к тому, что правительственная политика была направлена острием против университетской автономии (с. 312). Политика эта нашла выражение во «Временных правилах» от 27 августа 1905 г. Основной вектор правительственного курса сводился к формированию и утверждению в России западноевропейской модели высшего образования. Ее выразителями были либеральная профессура и демократическое студенчество, с умонастроениями которых власть под напором революционного кризиса не могла не считаться.

Нельзя не согласиться и с выводом Иванова о том, что в системе высших учебных заведений университеты занимали ключевое положение (с. 313). Они обладали очевидными признаками имперских учреждений: их деятельность жестко регламентировалась уставом 1884 г., они имели собственные штаты служащих, финансовый бюджет, канцелярское делопроизводство. Деятельность университетов законодательно подчинялась политическим и практическим нуждам правительства и других высших органов государственной власти.

Таким же неоспоримым является и умозаключение автора, согласно которому со второй половины XIX в. российские университеты боролись за собственную автономию, подобную автономии университетов ведущих европейских держав (там же). Этот процесс именовался «университетским вопросом» и не снимался с повестки дня до Февральской революции 1917 г. Просвещенные слои российского общества понимали, что задачи высшей школы заключаются в обучении молодого поколения, проведении научной работы и просветительской миссии в обществе. Однако верховная власть ожидала от университетов выполнения иных целей бюрократического характера. В ее глазах научная составляющая деятельности университетов занимала второстепенное место. Тем не менее либеральная профессура боролась за университетскую автономию, и в 1905 г. был образован Академический союз деятелей науки и высшей школы. Студенчество тоже включилось в эту борьбу, а университеты, по его воле, превратились во всенародную трибуну антиправительственной агитации. Бунтующих студентов умирляли полицейско-охранительными средствами, а амбиции профессуры, выступавшей за университетскую автономию, пытались нейтрализовать.

Тем не менее в рецензируемой монографии можно заметить некоторые неточности, в основном технического характера. Так, во введении Иванов упоминает исследование Г.И. Щетининой по проблеме «университеты и самодержавие» в 1830–1880-е годы, но его название отсутствует в ссылке (с. 8). Вероятно, автор имел в виду монографию «Университеты в России и устав 1884 года»¹.

¹ См.: Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года / АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва : Наука, 1976. – 231 с.

Таким образом, новая книга Иванова является существенным вкладом в изучение проблематики взаимоотношений университетов с властями Российской империи в начале XX в. Автор обстоятельно и всеобъемлюще представил решение университетского вопроса в рассматриваемое время. Особенность исследования заключается в рассмотрении правительственной политики в отношении университетов сквозь призму личностных характеристик министров народного просвещения. В книге нет общих выводов о влиянии личностей министров народного просвещения на политику в сфере образования и имеются некоторые противоречия, что, однако, не умаляет значения рецензируемого исследования.

УДК 070.1; 94(439).08

DOI: 10.31249/hist/2024.01.10

ЛЮБИН В.П.* Рец. на книгу: ПЫНИНА Т.Ю. ВЕНГЕРСКАЯ ПРЕССА В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ЭПОХУ ЯНОША КАДАРА. – Москва : РУДН, 2022. – 416 с.

Ключевые слова: Венгрия во второй половине XX в.; Я. Кадар; экономические реформы в Венгрии, венгерская пресса; венгерская культура и традиции.

Keywords: Hungary in the second half of the twentieth century; J. Kadar; economic reforms in Hungary; Hungarian press; Hungarian culture and traditions.

Для цитирования: Любин В.П. [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 160–167. – Рец. на книгу: Пынина Т.Ю. Венгерская пресса в политическую эпоху Яноша Кадара. – Москва : РУДН, 2022. – 416 с. – DOI: 10.31249/hist/2024.01.10

В монографии канд. филол. наук, доцента Кафедры массовых коммуникаций (РУДН) Т.Ю. Пыниной продолжены начатые автором несколько десятилетий назад исследования венгерских медиа в контексте истории страны. В аннотации к книге отмечается, что она написана в жанре научной публицистики, в ней отражена широкая панорама общевенгерской и местной прессы. Анализируется поистине уникальная в сравнении с другими странами социалистического содружества ситуация в Венгрии в годы правления Яноша Кадара и особенности «венгерской модели»: политические, экономические и социальные условия в стране показываются сквозь призму деятельности массмедиа. Собранный и

* Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); valerij.ljubin@gmail.com

проанализированный в книге материал помогает понять нынешнюю особую позицию Венгрии в рамках Европейского союза и НАТО, членом которых страна является. «Эта книга – дань уважения и любви к Венгрии, ее истории, самобытным традициям и культуре, которые, хочется верить, не сотрет универсальная цивилизация», – пишет Пынина (с. 22).

В предпосланном книге предисловии д-р филол. наук, профессор В.В. Барабаш (филол. фак-т РУДН) обращается к истории венгерской экономической реформы. Она была предпринята властями после известных трагических событий 1956 г. в самой Венгрии и 1968 г. в Чехословакии. Барабаш обращает внимание на факторы, которые привели к успеху данной реформы на первоначальном этапе. Среди них он называет продуманность, разработанность экономических шагов специалистами различных отраслей, выбор благоприятных условий внутри страны и за ее пределами. Хотя далее он признает: «экономическая реформа 1968 г. в Венгрии имела половинчатый характер и не была доведена до конца. Однако даже в таком незавершенном виде именно эта реформа стала одной из причин того, что венгерская экономика, возможно, наиболее безболезненно среди других стран соцлагеря преодолела кризис конца 1980-х – начала 1990-х годов» (с. 5). По мнению автора предисловия, материалы книги дают возможность оценить политическую мудрость многолетнего руководителя Венгерской Народной Республики Я. Кадара (с. 6).

Монографию предваряет также вступление, написанное в положительных тонах, Е. Широкова, работавшего долгое время (начиная с 1984 г.) в Будапеште в качестве заведующего Отделением Советского телевидения и радио. Широков выделяет из текста наблюдение Т.Ю. Пыниной о мирной революции в Венгрии 1989 г.: «Смена модели или революция прошли совершенно мирно. Но не тихо: СМИ сыграли в этом процессе чуть не ключевую роль. Сама же Венгрия сыграла роль катализатора, ускорившего распад социалистического лагеря» (с. 13). Вступление завершается следующим наблюдением: «И не надо предаваться расхожему заблуждению: мы – великая держава, а Венгрия – маленькая страна. “Маленькая страна”, несмотря на великие потрясения, испытывавшая, в отличие от богатой России, гнетущий дефицит природных ресурсов, сумела решить многие проблемы конструктивнее, чем

мы. А может быть, и потому, что впрок пошли, независимо от их трактовки, уроки Яноша Кадара и его эпохи?» (с. 15). Трудно не согласиться с этими мыслями эксперта, прекрасно знающего обстановку и настроения как правящей политической «элиты», так и народных масс в этой «маленькой стране».

В Венгрию Пынина приехала школьницей вместе с родителями, здесь закончила среднюю школу, а затем уехала учиться на факультете журналистики МГУ. Дипломная работа ее была о венгерской печати, преддипломную практику автор проходила в Венгрии в 1981–1982 гг. В аспирантуре ее тоже отправили на стажировку в Венгрию в 1989–1990 гг. «Написанная спустя много лет в Москве, – пишет во вступлении автор, – эта книга – не этюды о Венгрии и не описание ее неповторимой столицы, наполненная рефлексиями и воспоминаниями. Она относится к другому жанру – научной публицистике и посвящена венгерской прессе и по-своему уникальной ситуации в социалистической Венгрии, начиная с конца 1950-х годов, и введения реформы в 1968 г. и заканчивая сменой политической модели общества на рубеже 1980–1990-х годов, когда страна вернулась к капиталистическому пути» (с. 21).

Автор книги, по собственному признанию, «вводит читателя в журналистское измерение венгерских реалий», опираясь на тщательное изучение прессы. Наибольшее внимание при этом уделяется деятельности «Мадьяр хирлап» – общенациональной газеты, созданной по инициативе Я. Кадара как политический еженедельник и полуофициальное правительственное издание на волне и в поддержку экономических реформ в отсутствие цензуры и при либерализации всех сфер жизни венгерского общества, а также поддерживавшей эту линию вечерней газете «Эшти хирлап».

Обращаясь к реформистской политике венгерского руководства, автор констатирует, что длившийся более 30 лет период политической истории Венгрии получил название «эпоха Кадара». Он начался после трагических событий осени 1956 г. и окончился в 1988–1989 гг. после ухода «выдающегося политического лидера страны Яноша Кадара – вначале с поста главы партии (и государства), а затем и из жизни. Окончательным завершением эпохи Кадара стала смена политической модели общества в конце 1989 г.» (с. 23). Этот период и имя Кадара отождествляются с заметной либерализацией всех сфер жизни общества, формированием общест-

венного консенсуса, который напрямую связан с введением нового экономического механизма. Процесс либерализации активно поддерживался прессой.

В следующих главах автор знакомит читателя с биографиями и деятельностью известных лидеров социалистической Венгрии, среди них Имре Надь, Янош Кадар, Матяш Ракоши и др. Заключая свою характеристику венгерских событий осени 1956 г., автор отмечает, что «после 1956 г. сохранение структуры политических институтов и монолитных отношений власти и собственности создавало многочисленные и, как правило, непреодолимые препятствия на пути подлинных изменений, таило в себе постоянную опасность возврата к прошлому. Рамки, установленные 4 ноября 1956 г., привели к снятию с повестки дня вопросов о многопартийной системе, а реформистское крыло партии, куда некогда входил и сам Янош Кадар, а также влиятельные слои интеллигенции, обособились от партии» (с. 29).

В свое время ВСРП стала хранительницей взглядов и осуществляемых на компромиссной основе программ демократической, социалистической оппозиции внутри партии. Она смогла начать коррекцию так называемой сталинской модели, отбросить многие ее элементы и заменить их новаторскими идеями. Всё это совпало с решением Н.С. Хрущева покончить со сталинизмом, а также с установлением дружеских отношений между двумя политическими лидерами – Хрущевым и Кадаром. В стране постепенно формировалась новая, собственная модель социализма. В ней существенно снизилась заполитизированность всех сфер общественной жизни, и наряду с существованием общегосударственной и кооперативной собственности признавалась частная форма собственности (с. 29–30).

Отмечается, что судьба Венгрии в исследуемый период была тесно связана с СССР и другими социалистическими странами, с СЭВ и ОВД. Однако, по мнению критиков, односторонняя ориентация Венгрии как члена социалистического лагеря на рынок СЭВ не способствовала прогрессивному развитию ее экономики и тянула страну назад (с. 33). Отсюда необходимость реформ, которые проводили Кадар и его соратники в сложной международной обстановке после «Пражской весны» 1968 г. Но в условиях холодной войны экономические интересы Венгрии были малосовместимы с

политической конфронтацией по линии «социализм-капитализм», «ОВД-НАТО» (с. 34). Автор напоминает о «бунте» молодежи в западном мире в конце 1960-х годов, и подчеркивает, что расположенная в центре Европы Венгрия всегда активно воспринимала влияние Запада, а на венгерскую молодежь большое воздействие оказали и проводимые в стране экономические реформы, и дискуссии о перспективах социализма и коммунизма, и молодежные волнения в западных странах. Так, в докладе Кадара по случаю 50-летнего юбилея создания коммунистической партии Венгрии, напечатанном в 1968 г. в газете «Непсабадшаг», ставились такие проблемы, как «роль партии, законность, разделение власти, монополия на власть, гуманизм, демократия и многое другое» (с. 36–37).

Информация венгерской печати, радио, телевидения о событиях 1968 г. в Праге, по заявлению зам. председателя Совета министров ВНР Лайоша Фехера, опубликованному 31 августа 1968 г. в той же «Непсабадшаг», была «достоверной, отвечала фактам, позиции партии, правительства» (с. 36). Автор подчеркивает, что судьба исследуемых органов венгерской прессы, например газеты «Мадьяр хирлап», напрямую зависела от результатов экономической реформы, и потому останавливается на характере и итогах этой реформы. Эта ежедневная газета с момента выхода своего первого номера 18 мая 1968 г. заявила себя как выразитель точки зрения правительства ВНР, который намерен поддерживать и освещать начатую 1 января 1968 г. всеобъемлющую экономическую реформу. «Выделяла газету среди ежедневников ориентация на внутривнутриполитическую информацию в основном экономического характера, предпочтение дипломатических вопросов в освещении международной жизни, подробное освещение вопросов, связанных с реформой» (с. 63). Отмечается, что «Мадьяр хирлап» по своему тиражу все же сильно уступала другим центральным газетам, начиная от «Непсабадшаг» (в 16 раз) и кончая «Непсава», «Мадьяр немзет», «Эшти хирлап», «Непшпорт». Между тем газета никогда и не стремилась стать массовой. Учитывая влияние данной газеты на умы читателей, автор считает нужным посвятить дальнейшие разделы книги ее «роли и задачам» в период «реформ, антиреформ и стагнации в экономике и обществе в 1969–1984 гг.», ее деятельности «в условиях нарастающего общественного кризиса», «экономической и политической ситуации в Венгрии 1988–1989 гг.».

Позиция этой газеты, подчеркивает автор, характеризовалась как «центристская» (с. 181).

Автор утверждает, что Венгрия, как и Югославия, стояла особняком среди стран социалистического содружества, «что подчеркивалось западными, главным образом американскими, исследователями медиа, политологами и историками» (с. 264). Что касается смены модели в развитии страны на рубеже 1980–1990-х годов, автором делается вывод, что в 1988–1989 гг. информационная деятельность прессы сыграла ключевую роль в «смене политической модели общества» (с. 268). Завершая исследование, Пынина пишет: «Много лет минуло с тех пор, как эпоха Я. Кадара ушла в прошлое – и историческая, и политическая. Опыт прессы Венгрии, этой самобытной европейской страны, может оказаться полезным в современном цифровом обществе не только и не столько как историческая ретроспектива, но и как возможность изучения и практического использования успешных наработанных приемов взаимодействия медиа и аудитории, особенно в условиях определенной политической заданности и отсутствия цензуры одновременно» (с. 268).

Вторая часть монографии посвящена истории развития печати и радиовещания в Венгрии. Книга снабжена кратким списком персоналий (с. 269–271) и проиллюстрирована фотографиями картин венгерского периода творчества С.В. Пыниной-Войцеховской (вкладка). Интерес для историков представляют помещенные в книгу интервью непосредственного свидетеля венгерских событий 1956 г., в то время третьего секретаря Посольства СССР в ВНР, последнего председателя КГБ СССР В.А. Крючкова (с. 337–349); участника событий октября-ноября 1956 г., впоследствии профессора историка в канадском Ванкувере, а затем в Европейском университете в Будапеште Я. Бака (с. 350–362). В них раскрыты малоизвестные подробности событий тех трагических дней. Помещены также касающиеся ситуации в Венгрии некоторые документы ТАСС, в том числе «для служебного пользования». Завершает книгу Послесловие, написанное канд. ист. наук В. Шестаковым, живущим в Будапеште. Он отмечает, что в монографии Пыниной показано, как в Венгрии кадаровское руководство, исчерпав внутренние ресурсы, было вынуждено уступить ходу истории и новым общественным потребностям и пойти на изменение общественной

формации. «До сегодняшнего дня не утихают среди венгров споры, все ли было сделано для оптимального переустройства государства, общества, экономики; все ли принятые тогда документы и договоренности оправдали себя из перспективы в 40 лет. Конечно, нет. Многое можно (и нужно) было сделать эффективнее и справедливее. Но ведь учебников не было, страна на ощупь выбирала новые пути... Пусть одним из таких учебников на будущее и станет монография Т.Ю. Пыниной» (с. 397).

К похвалам в сопровождающих авторский текст книги обильным предисловиям, введениям и заключениям коллег и друзей автора для равновесия неплохо было бы добавить и полагающиеся для рецензии критические замечания и пожелания исправления некоторых недостатков. Хотелось бы большего обращения автора к текстам книг российских и зарубежных историков и политологов, освещающих затронутую тематику¹, определения – в чем заключается, по сравнению с ними, новизна ее собственных подходов к венгерской истории второй половины XX в. Остается в тени, мало освещенной такая тема, как исход многих представителей венгерской интеллигенции после восстания 1956 г. и их деятельность в странах Запада (США, Канада, Западная Европа). Многие из подобных эмигрантов заметно влияли на развитие событий на покинутой ими исторической родине. Недостаточно внимания уделено позициям католической церкви, очень важной структуры в жизни венгерского общества. Ее влияние было ощутимым, как в свое время и влияние церкви и католического уклада в Польше, выдвигенец из которой кардинал Войтыла, став папой римским под именем Иоанн Павел II, оказал определенное влияние на ход событий в странах Восточной Европы. Эмоциональное субъективное авторское отношение к хорошо знакомой автору стране и освещаемым событиям нередко мешает оставаться на необходимом для научной монографии уровне объективности и дать полностью взвешенную критическую аналитическую оценку со-

¹ Так, в книге упоминаются труды известных российских специалистов по истории Венгрии А.И. Пушкаша и А.С. Стыкалина, но не приводятся хотя бы некоторые выводы этих авторов: См. например: Исламов Т.М., Пушкаш А.И., Шушарин В.П. Краткая история Венгрии. С древнейших времен до наших дней. – Москва : Наука, 1991. – 608 с.; Стыкалин А.С. Прерванная революция. – Москва : Новый хронограф, 2003. – 320 с.

бытий и их протагонистов. Но, возможно, эти недостатки автору будет легко превратить в достоинства в еще одном переиздании книги, а эмоциональность в подаче материала вполне уместна, когда звучат признания в уважении и любви к изучаемой стране, ее людям, ее интереснейшей истории.

ЖИЗНЬ НАУКИ

УВАРОВА Т.Б.¹ XV КОНГРЕСС АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ (Санкт-Петербург, 26–30 июня 2023 г.): К 300-летию Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета.

Ключевые слова: освоение Севера России; антропологическое и этнологическое образование в России; малые народы Севера и Сибири; современные подходы биологической антропологии; гендерная антропология; историография современного этнологического знания.

Keywords: development of the Russian North; anthropological and ethnological education in Russia; small peoples of the North and Siberia; modern approaches of biological anthropology; gender anthropology; historiography of modern ethnological and anthropological knowledge.

Для цитирования: Уварова Т.Б. XV Конгресс антропологов и этнологов России (Санкт-Петербург, 26–30 июня 2023 г.): к 300-летию Российской академии наук и Санкт-Петербургского государственного университета. (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 168–177.

XV КАЭР, состоявшийся в июне 2023 г. в Санкт-Петербурге, стал самым многочисленным по количеству участников по сравнению с предыдущими форумами, которые вот уже три десятилетия проводятся 1 раз в два года. Предшествующее общероссийское собрание российских антропологов и этнологов состоялось в Том-

¹ Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ethn.uvarova.tb@inbox.ru

ске (2021) и, учитывая ковидные ограничения, по большей части, прошло в онлайн-режиме. Количество участников научного биенале, определяемое по количеству присланных докладов, обычно достигало около 1 тыс. человек, что примерно и является показателем реального числа этнологов / социальных антропологов в России. Для сравнения – количество членов Американской антропологической ассоциации (ААА США) еще несколько лет назад определялось в 16 тыс. человек (по оценкам авторитетного американского историографа англо-американской социальной и культурной антропологии Дж. Стокинга), что, впрочем, также не позволяет говорить об «окончательном решении» если не национального, то расового вопроса в Соединенных Штатах, как показывают современные события.

Санкт-Петербургский Конгресс 2023 собрал более полутора тысяч заявок, а число прибывших для очных докладов участников составило около 800 человек, выступления которых были представлены более чем на 60 секциях и дискуссионных круглых столах. Многочисленность и разнообразие заявленной в докладах тематики не позволило сформулировать единую общую тему Конгресса, как это было принято при проведении предыдущих конгрессов. Учитывая количество участников, работа секций шла в напряженном «параллельном режиме», поэтому прослушать заинтересовавшие доклады в других секциях было далеко не всегда возможно.

Только Пленарная сессия, состоявшаяся в историческом Таврическом дворце, зал которого мог вместить всех участников одновременно, стала общим собранием российских этнологов и антропологов из всех регионов страны.

Докладом «Проекции североведения» работу сессии открыл член-корреспондент РАН, профессор, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН А.В. Головнев. Известный российский этнолог уделил особое внимание «нордизму» или северному направлению масштабных академических исследований в России, которое было заявлено Великой Северной (Второй Камчатской) экспедицией, планы которой задумывались еще Петром I, хотя осуществление проекта началось спустя почти десять лет после смерти императора, в 1733 г. и продолжалось до 1743 г. Помимо естественно-научных данных были собра-

ны обширные материалы о многонародности России, и малые северные народы оказались наглядно представленными в Санкт-Петербурге при императорском дворе на так называемой Ледяной свадьбе, устроенной императрицей Анной Иоанновной. Уже в XVIII в., в значительной степени на основе собранных академическими экспедициями данных был создан «этнопортрет империи» и образ России как многонародной страны, подчеркнул исследователь. «Обустройство огромной страны, раскинувшейся на всю Евроазию от Балтики до Тихого Океана, делало народоведение практическим занятием, посредством которого российские монархи, особенно энергичные Петр I и Екатерина II, проводили инвентаризацию имперских ресурсов, в том числе людских¹», – писал Головнев в одной из последних своих работ.

Освоение Севера России и на этапе продвижения первых русских землепроходцев, которые особенно зависели от контактов с коренным населением и использования его опыта, и в имперскую эпоху, и во времена социалистической индустриализации края, и на современном этапе, когда Северный морской путь становится евразийской магистралью континентального масштаба, остается важнейшим стратегическим вектором развития страны, и особенно населения тех регионов, что находятся в непосредственной близости от «величественного северного фасада России», подчеркнул исследователь.

Ректор Санкт-Петербургского государственного университета, член-корреспондент РАН Н.М. Кропачев выступил на пленарном заседании с докладом «Этнография и антропология в Санкт-Петербургском государственном университете. История и современность». У истоков этнографического североведения в столичном университете в середине XVIII в. оказались участники Великой Северной экспедиции Г. Миллер и С. Крашенинников. Позднее, на протяжении XIX в. выделение этнографии как особой самостоятельной дисциплины формировалось на основе изучения языков. В 1870–1880-е годы началось преподавание физической антропологии с последующим образованием кафедры географии и

¹ Головнев А.В. «Этнография в российской академической традиции» // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики : кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков и [др.] ; отв. ред. М.Ю. Мартынова. – Москва : ИЭА, 2022. – С. 20.

антропологии на естественно-математическом отделении Санкт-Петербургского университета. В 1925 г. в составе университета был образован Географический институт. Его основателями и сотрудниками стали известные еще с дореволюционных лет исследователи-сибиреведы Л.Я. Штернберг, В.Г. Богораз-Тан, оказавшиеся в Сибири в многолетней ссылке за революционную деятельность. В 1974 г. в Географическом институте состоялась защита докторской диссертации сотрудника института Л.Н. Гумилева, автора теории этноса, альтернативной теории академика Ю.В. Бромлея, принятой в качестве официально признанной в Советском Союзе. Кафедра этнографии и антропологии на Историческом факультете университета была образована в 1969 г. и в ее преподавательский состав вошли выпускники университета, ставшие впоследствии известными советскими учеными.

С особым вниманием был заслушан доклад Т.Б. Смирновой, профессора Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, посвященный современному состоянию антропологического и этнологического образования в России. В Омске на протяжении более четырех десятилетий под руководством известного российского этнолога-сибиреведа Н.А. Томилова формировался и вел активную работу один из крупнейших в Западно-Сибирском регионе Центр этнолого-антропологических исследований, основной научной специализацией которого стала этномузеология. В процессе учебной, исследовательской и издательской деятельности сотрудников центра сложилось многолетнее сотрудничество с отечественными и зарубежными специалистами, а результаты деятельности неизменно высоко оценивались ими. В Омске состоялся один из Конгрессов российских антропологов и этнологов. В настоящее время в этнолого-антропологическом центре как части образовательной общеисторической структуры университета сокращается штатный состав преподавателей и число студентов, что вызывает обеспокоенность всего научного сообщества. Вместе с тем преподавание этнологии и культурной / социальной антропологии в рамках исторического образования – давняя традиция советской высшей школы, и пока такой подход устойчиво сохраняет свои позиции, несмотря на попытки придать данной учебной специальности самостоятельный статус, как это принято за рубежом, отметил в своем выступлении на Заключительном пленарном за-

седании Конгресса научный руководитель ИЭА РАН академик В.А. Тишков.

Н.Н. Крадин, член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН в докладе «Третья научная революция в археологии и перспективы изучения тунгусо-маньчжурской проблемы» представил новейшие археологические данные и их интерпретации для прояснения узловых проблем особенностей этнической истории и культуры наиболее широко расселенного народа: при численности около 40 тыс. человек в России, эвенки, а также родственные им народы еще меньшей численности, проживают на территории от берегов Тихого океана до бассейна Оби и от степей Монголии почти до Полярного круга. Помимо материалов археологии к настоящему времени собран обширный корпус междисциплинарных данных о тунгусо-маньчжурах. Этот свод составил специальный посвященный тунгусо-маньчжурским народам том крупнейшего исследовательско-издательского проекта «Народы и культуры», тома которого с привлечением региональных научных центров с 1990-х годов выпускает Институт антропологии и этнологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН¹.

На Пленарном заседании выступили и зарубежные гости Конгресса. Дин Хун, представляющий Центральный университет национальностей и Китайскую ассоциацию этнологии, в докладе «Академические связи между Китаем и Россией в развитии этнологии» охарактеризовал научные контакты между странами, имеющими одну из самых протяженных сухопутных границ в мире, и соответственно обширные и разнообразные трансграничные пространства, изучение которых привлекает внимание исследователей в обеих странах².

Ленора Гренобль, будучи представительницей Чикагского университета и Северо-Восточного университета им. М.К. Амосо-

¹ Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока / отв. ред. Л.И. Мисонова, А.А. Сирина ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, РАН. – Москва : Наука, 2022. – 1031 с. – (Народы и культуры).

² Кляус В.Л. Русская Маньчжурия. Михалева М.С. Великий восточный лимитроф. Трансграничные народы в государственной политике Китая и России. – Москва : Восточная литература, 2022. – 293 с. Янхунен Ю. Хамниганы Забайкалья и Внутренней Монголии (Китай).

ва (г. Якутск) поделилась опытом полевой работы в докладе «Лингвист как случайный этнограф: встречи в тайге». Впрочем, давнее взаимодействие двух дисциплин – лингвистики и этнологии / культурной антропологии – принятое в обеих национальных научных школах, как в американской, так и в российской, и в данном случае позволяет считать лингвиста скорее неслучайным этнографом.

Г.С. Султангалиева, представлявшая Казахский национальный университет им. аль-Фараби, выступила с докладом «Российская империя и социальные трансформации казахского кочевого общества в XIX – начале XX в.».».

Регионально-проблемное многообразие и субдисциплинарные разделы этнолого-антропологического знания отражают доклады, представленные более чем в 60 секциях и на обсуждениях круглых столов XV Конгресса. Получила освещение тематика таких субдисциплин, как современные подходы биологической антропологии (Секция 2), включая изучение эволюции восприятия лица и тела человека (Секция 31). Большая группа докладов была представлена по гендерной антропологии, исследователями рассматривалась женская домашняя повседневность XIX – начала XXI в. (Секция 3). Развитие визуальных исследований в России в начале XXI в. иллюстрирует серия докладов (Секция 4), а также материалы по киноатласу СССР (Круглый стол 58). Широкое освещение исследователей получила тематика в таких субдисциплинах, как политическая антропология (Секция 12); юридическая антропология в России (Секция 15), включая обычное право народов Сибири (Секция 36); антропология питания как мегадисциплина (Секция 22); городская антропология (современные обрядовые практики) (Секция 30), северный город (Круглый стол 55); этнопедагогика как фактор сохранения культурного наследия (Секция 47); медицинская антропология (Секция 52).

Исторически традиционная для дисциплины этнологическая регионалистика и историческое народоведение российского и зарубежного пространства рассматривалась в наибольшем числе секций с наибольшим числом участников: Кавказ: повседневность и конфликт (XIX – начала XXI в.) (Секция 3); Поволжье и Приуралье: межэтнические взаимодействия и идентичность народов региона (Секция 9). Особое внимание авторов докладов привлекли

исследования малых народов в условиях пограничья: коренные малочисленные народы Кавказа и Северо-Запада России (Секция 19); Северо-Запад РФ: историко-культурный ландшафт пограничного региона (Секция 23); этнические меньшинства в условиях фронта (Секция 34).

Современный «нордизм» российской этнологии, по выражению А.В. Головнёва, проявился в многочисленных докладах по малым народам Севера и Сибири: проблемы самодистики (Секция 8); тунгусо-маньчжуры и палеоазиаты – разнообразие и единство (Секция 11); оленеводство: между природой и культурой (Секция 45); антропология холодного мира: от архаики к современному ментальному проектированию (Секция 49).

Универсальными проблемами для секций региональной тематики можно считать такие, как сохранение локальных культурных традиций и вместе с тем практически диаметрально отличающиеся миграционные процессы и этнокультурная адаптация пришельцев в новых местах обитания. Во многих исследованиях в качестве центральной проблемы рассматривались процессы формирования новых идентичностей у населения. Изменениям и смене самоопределения в динамике этнического ландшафта Северной Евразии была посвящена работа целой секции (Секция 26, 12 докладов). Трансформации идентичности прослеживались не только в реальном, но и в виртуальном пространстве с выделением специальных категорий киберэтничность и веб-религиозность (Секция 32).

Из зарубежных регионов рассмотрены этнология населения современной Центральной Азии (Секция 18); национальные меньшинства на постсоветском пространстве (Секция 41); «особые миры» Индии (Секция 24); материальная культура жителей Америки от архаики до цифровой современности (Секция 48); исследования российских антропологов в субсахарской Африке и африканских диаспорах в XXI в. (Круглый стол 57).

Работа нескольких секций Конгресса была посвящена истории российского этнологии и историографическим аспектам современного этнолого-антропологического знания. В Секции 10 «Российская и зарубежная этнография, этнология / социальная / культурная антропология: центральные проблемы, теоретические концепции и смена основных парадигм» рассматривались основные направления работы региональных исследовательских цен-

тров России (Советское этнографическое финноугроведение (Ижевск); этническая картография (Уфа); этнологическая периодика Чувашии; Казанская этнография в 1920-е годы, а также российская и зарубежная алтаистика в трансформациях XIX–XXI вв. Несколько докладов посвящены важным институциям российской этнографической науки: предыстории отметившего в 2023 г. 90-летие Института этнографии РАН; истории Центрального музея народоведения в Москве (по архивным источникам); экспозиционно-выставочной работе в МАЭ в конце 1920-х – начале 1930-х годов; опыту Российского этнографического музея в области научной и экспозиционной деятельности. Рассмотрены теоретические подходы, признанные классическими в отечественной науке, в частности терминологический аппарат теории о хозяйственно-культурных типах и историко-этнографических областях.

Доклад на эту же тему, но в кросс-культурном аспекте «Советские “хозяйственно-культурные типы” и американские “культурные ареалы”» обсуждался и в работе Секции 28 «Российская этнология / антропология и мировая наука: влияния, противостояния, контакты». Интерес участников привлек доклад «Почему Москва не стала мировым центром марксистской мысли? Л.В. Данилова, советская этнография и международная наука в 1960-е годы» (С.С. Алымов, ИЭА РАН) и обсуждение которого вызвало активную дискуссию, как и доклад «Российская антропология в диалоге с миром: холизм или редукционизм» (С.В. Соколовский, ИЭА РАН). Обмен мнениями и обсуждение прошли по докладу «Конструирование тематического поля “(де)-колонизация” в этнологическо-антропологических публикациях и общественном дискурсе» (Т.Б. Уварова, ИНИОН РАН).

Еще в двух секциях обсуждались методологические проблемы полидисциплинарного изучения этнических феноменов: Секция 39 «Комплексность и многомерный подход в изучении этнической истории» и Секция 42 «Междисциплинарность в этнологии: достижения и перспективы. К 100-летию профессора Геннадия Евгеньевича Маркова». Известный российский ученый, специалист по истории кочевых народов, хозяйству и социальной структуре кочевого общества в 1970-е – начале 1980-х годов возглавлял кафедру этнографии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Современные проблемы этнологического-антропологического знания стали предметом обсуждения участников Секции 53 «Антропология в условиях неопределенности. Размышления о динамике и статике научного творчества». Директор Института антропологии и этнологии РАН Д.А. Функ как один из модераторов секции представил доклад «Социальная неопределенность в академии: индивидуальные практики и институциональный менеджмент». Конкретные аспекты этой широкой проблематики анализировались в таких докладах, как «Ценностный фактор в научном творчестве и экспертизе», «“Корпоративная история” как книжный жанр и опыт работы с неопределенностью», «ChatGPT и трансформация культуры поиска информации в научном поиске: критический анализ современного научного этоса».

В результате обсуждения информационных потребностей Ассоциации российских антропологов и этнологов на заключительной сессии Конгресса было принято решение о создании Информационного бюллетеня с регулярностью выхода два-четыре выпуска в год. Бюллетень рассматривается как важный фактор для сотрудничества и интеграции региональных организаций Ассоциации, для активизации оперативного обмена информацией о региональных научных событиях, долгосрочных проектах, включая формирование современных корпоративных информационных ресурсов.

Уже во время работы Конгресса коллеги были проинформированы и получили приглашение к участию в формировании на базе Новосибирского университета платформы «История Сибири»: сайт форума <http://sibhistory.sfu-kras.ru/>; Регистрация по ссылке <https://conf.sfu-kras.ru/1079/application?>

Этнологи и социальные антропологи могли размещать свои материалы, в частности в секции «Как менялась жизнь в советской Сибири: социалистическая модернизация и положение коренных народов в 1920–1980-е годы». В последующем материалы могли быть представлены не только в электронной форме, но и в виде опубликованного сборника.

Участники Конгресса были ознакомлены с планами Департамента международного сотрудничества Минобрнауки России по реализации проекта Арктического совета «Цифровизация языкового и культурного наследия коренных народов Арктики» на базе

кафедры ЮНЕСКО Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. По итогам координационного совещания в МИД России 24 ноября 2022 г. по вопросу о реализации российской части Проекта представляется необходимым консолидация информации в целях содержательного наполнения арктического многоязычного портала (arctic-megapedia.com) и совершенствования совместных усилий на арктическом треке.

УВАРОВА Т.Б.* ЕЖЕГОДНАЯ XVI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЕМЕЙНОЕ, ЖЕНСКОЕ, ПОВСЕДНЕВНОЕ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ» (Кострома, 5–8 октября 2023 г.).

Ключевые слова: женская история; гендерные исследования; демографическая политика; семейное право.

Keywords: women history; gender researches; demographic policy; family law.

Для цитирования: Уварова Т.Б. Ежегодная XVI Международная научная конференция «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 5–8 октября 2023 г.). (Сообщение) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва : ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 178–183.

Представительная междисциплинарная конференция состоялась в Костроме с 5 по 8 октября 2023. Организаторами конференции выступили Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ); Костромской государственный университет; Центр гендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Российский национальный комитет «Международной федерации исследователей женской истории». Партнеры: Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник; ОГКУ Государственный архив Костромской области.

На Пленарном заседании были представлены доклады ведущих исследователей:

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ethn.uvarova.tb@inbox.ru

1. Н.Л. Пушкарёва, д-р ист. наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований ИЭА РАН, председатель РАИЖИ, заслуженный деятель науки РФ – «Семейное, женское, повседневное как проблема исторической антропологии».

2. И.А. Благоев, клинический психолог, преподаватель, соискатель в НИУ «Высшая школа экономики» – «Историческая андрология: переосмысление мужественности и пути ее развития в современных реалиях».

3. Е.А. Здравомыслова, заслуженный научный сотрудник Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, канд. социол. наук – «Интерсекциональность: метафора или инструмент анализа?».

4. С.В. Любичанковский, д-р ист. наук, профессор, почетный работник сферы образования России, заведующий Кафедрой истории России Оренбургского гос. пед. ун-та – «“Женская энциклопедия” Н.Л. Пушкиревой и современная отечественная традиция изучения женской повседневности».

Работа конференции проходила в 14 тематических секциях. На Секции 1 «Пути становления женской истории и истории женской повседневности. Историография истории частной жизни женщин» (руководитель Н.Л. Пушкирева) были представлены полтора десятка докладов по проблематике различных исторических эпох и регионов. В качестве исторических источников анализировались произведения художественной литературы, хроники семейных историй европейских дворов раннего Нового времени, записки путешественников и миссионеров, современная семейная автоэтнография.

На Секции 2 «Новые теории, подходы и концепты в дисциплинах, сопредельных антропологии повседневности и социальной истории полов» (руководитель Е.А. Здравомыслова) состоялись выступления десяти докладчиков по проблемам применения методов смежных дисциплин в гендерных исследованиях. Пятнадцать докладов Секции 3 «Особенности методов и подходов в работе с эмпирическим материалом специалистов в области женской истории и антропологии повседневности» (руководитель д-р социологических наук В.В. Солодников, РГГУ (Москва) посвящены различным аспектам развития междисциплинарности в современных исследованиях антропологической субдисциплины.

Секция 4 «Историческая демография и фамилистика на службе женской истории» подразделялась на две подсекции: 4а. «Основные направления и темы в изучении институтов семьи и брака в России и СССР» (руководитель Е.В. Бурлуцкая, д-р ист. наук (Оренбургский гос. пед. ун-т) и 4б. «Постсоветский период, 1990–2020-е годы» (руководитель А.О. Макаренцева, канд. экон. наук, РАНХиГС при Президенте РФ, г. Москва). В 25 представленных докладах на материалах по разным странам, регионам, периодам рассматривались преемственность традиций в межпоколенческой коммуникации, семейные ценности, изменения стандартов репродуктивного поведения.

Секция 5 «Женское общественно-политическое участие. Повседневность активисток политических движений. Проблемы женского лидерства» (руководители Т.Ю. Шестова, д-р ист. наук, профессор Пермского филиала РАНХиГС, и З.З. Мухина, профессор Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова, филиала ун-та МИСиС). В двух подсекциях (дореволюционного и советского / постсоветского периодов) были представлены около 40 докладов о включении женщин в профессиональную и политическую деятельность, о женщинах-руководителях и их повседневном опыте совмещения общественной и семейно-бытовой сфер.

Данная тематика получает дальнейшую конкретизацию в докладах Секции 6 «Повседневноведческие аспекты в исследованиях женской истории социальных групп». В первой из подсекций 6а «Повседневность российских, советских и постсоветских классов, социальных групп и страт» (руководитель М.М. Рудковская – канд. ист. наук, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва) в 17 докладах представлены сюжеты из истории России. В подсекции 6б «Повседневноведческие аспекты женской истории Востока и Запада, диаспор и миграций» (руководитель М.Г. Котовская, д-р ист. наук, ИЭА РАН, г. Москва) авторы 11 докладов обращаются к анализу проблематики в интернациональном контексте. В Секции 7 «Повседневность женщин в академическом сообществе. “Поле” и семья» выделены подсекции 7а «Вклад женщин из научных семей в создание и сохранение семейных архивов» (руководитель О.А. Валькова, д-р ист. наук, Институт истории естествознания и техники РАН (Москва). Более чем

в десяти докладах освещаются истории хранения семейных архивов и переосмысления их значимости потомками, ставшими летописцами семьи. В подсекции 7б «Поле и семья: как совмещаются женские и мужские социальные роли у исследователей-“полевиков”» (руководитель А.А. Новик, Центр европейских исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, г. Санкт-Петербург) в докладах обсуждаются проблемы, остававшиеся, как правило, за рамками полевой работы, но привлечшие внимания современных исследователей, зачастую в форме саморефлексии. В наиболее общем виде аспекты темы были сформулированы как материнская и профессиональная идентичности исследователя-женщины; контексты коммуникации в полевой этнографии; женщина / этнограф, поле, дети и научный текст; статус исследователя-женщины в условиях полевой работы с семьей в традиционном обществе: муж-медиатор и борьба за равноправие; квазисемейные структуры полевиков: сетевые ответы на иерархические вызовы. В особую подсекцию 7в «Женская повседневность в семьях творческих династий XX в.» были выделены несколько докладов (руководитель А.А. Пригарин, д-р ист. наук, Центр социальной антропологии РГГУ, г. Москва).

В Секцию 8 «Проблемы исторической биографики и автодокументалистики сквозь призму женской / мужской истории. Автогинографии/ и их особенности» (руководители В.В. Нуркова, д-р психолог. наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова; Н.И. Козлова, д-р полит. наук, Тверской гос. ун-т) вошли два десятка докладов. Спектр затронутых проблем оказался широким и разнообразным – от самоопределяющего потенциал памяти о детстве: женское лицо российской, китайской и узбекской культурной идентичности до истории успеха выпускников «Президентской программы». Сравнение женского и мужского опыта.

Секция 9 «Сложности в изучении “невидимой” домашней экономики, рынка труда и неравной оплаты за равный труд женщин и мужчин разных стран» (руководитель З.А. Хоткина – канд. социолог. наук, ведущий научный сотрудник ИСЭПН РАН, г. Москва).

Историография гендерной сегрегации российского рынка труда уже имеет 100-летнюю историю, основные этапы которой представлены в одном из докладов. Специальный доклад посвя-

щен выявлению типов российских домохозяйств в зависимости от распределения домашних обязанностей. Гендерные стереотипы о профессиональных возможностях мужчин и женщин в сознании современных белорусов рассмотрены на основании социологических материалов, собранных в Республике Беларусь. Всего в секция было представлено около двух десятков докладов, касающихся как частных, на уровне одного предприятия, так и широких обобщающих вопросов видимых последствий «невидимой» домашней экономики.

В Секции 10 «Взаимопересечение традиционного сознания, религиозной и гендерной идентичности в новейших исследованиях религии и атеизма» (руководитель – В.В. Керов, д-р ист. наук, профессор кафедры социальной и экономической истории России в РАНХиГС, г. Москва) в 13 докладах были представлены сравнительные характеристики повседневной жизни верующих и атеистов в различных конфессиях стран и регионов, групп иммигрантов.

Одной из самых многочисленных по числу участников – около 30 докладчиков – оказалась Секция 11 «Женщины – предпринимательницы и благотворительницы: особенности женского меценатства» – (руководитель И.В. Синова, д-р ист. наук, Центр краеведческих исследований Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина). Широкий спектр тематика выступлений охватила как деятельность женщин по организации благотворительной помощи детям во второй половине XIX в. (на материалах Санкт-Петербурга), так и современные явления, связанные с деятельностью женщин-предпринимателей в малом бизнесе современной России, включая барьеры для их входа в бизнес.

В Секцию 12 «Материальный мир женщин. Музейные предметы и коллекции как элементы повседневной жизни женщин. Мемориальные музейные коллекции: судьбы женщин и их имущества» (руководитель – Е.Ф. Фурсова, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник ИАЭ СО РАН, г. Новосибирск) были включены доклады, посвященные деятельности музеев по формированию музейных экспозиций, отражающих элементы традиционной культуры в повседневной жизни женщин различных регионов России, а также изменения материального мира повседневности под влиянием масштабных социально-культурных процессов в стране в советский период.

Секция 13 «Проблемы женской / мужской телесности, сексуальности, двигательной активности (танцы, спорт, др.) глазами историков, этнологов, антропологов» (руководители – Н.А. Мицюк, д-р ист. наук, доцент Смоленского гос. мед. ун-та, г. Смоленск, и М.Ю. Милованова, канд. ист. наук, доцент РГГУ, г. Москва) в докладах участников (более 30 человек) представила тематику смены стереотипов восприятия женщин разных возрастных групп в традиционной сельской культуре, городской дореволюционной культуре и советской «новой женщины» с 1920-х годов до эстетических стандартов женственности по материалам советской периодической печати 1970-х годов.

Немногочисленная по числу участников – всего пять докладчиков Секция 14 «Семья и воспитание ребенка с ограниченными возможностями здоровья в женских историях» (руководители – А.В. Фролова, канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, и Е.Э. Носенко-Штейн, д-р ист. наук, главный научный сотрудник ИВ РАН, г. Москва) освещает значимую в социальном и гуманитарном аспектах тему роли и возможностей семьи в оздоровлении и последующей социализации детей с тяжелыми заболеваниями.

Конференция проводилась как в очном режиме работы, так и в онлайн-режиме.

Информационная поддержка конференции обеспечивалась несколькими ресурсами:

Сайт Российской ассоциации исследователей женской истории <http://rarwh.ru>

Сайт Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН <http://iea-ras.ru/>

Сайт Костромского государственного университета <http://ksu.edu.ru/>

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2024 – № 1

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.П. Дормидонтова

Подписано к печати 10.01.2024

Формат 60×84/16

Бум. офсетная № 1

Печать офсетная

Цена свободная

Усл. печ л. 11,5

Уч.-изд. л. 9,3

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У